

Ю. И. Семенов

**Знаменитый советский и российский философ,
историк, этнограф**

**Мыслитель, внесший огромный вклад в изучение
общества как целостного социального образования**

*«...труды Семенова выходят далеко за рамки анализа тех
или иных научных направлений. Он показал себя и как са-
мостоятельный теоретик, причем творчески мыслящий,
изобретательный и оригинальный».*

Эрнст Геллнер

Ф ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ ИЛОСОФИИ

В 7 КНИГАХ

Книга

1

**Предмет философии,
ее основные понятия и место
в системе человеческого знания**

**Третье издание,
существенно
переработанное
и дополненное**

Философия — наука об истине, теория познания истины и общий метод ее постижения

Философия — наука о мышлении как процессе познания истины (логика) и руководство по управлению этим процессом

Основной вопрос философии

Главные и дополнительные направления философской мысли

Философия и религия

Философия и идеология

Современная ситуация в области философии

URSS

Ю. И. Семенов

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ ФИЛОСОФИИ

В 7 КНИГАХ

Книга 1

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ, ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Философия — наука об истине, теория познания
истины и общий метод ее постижения • Философия —
наука о мышлении как процессе познания истины

(логика) и руководство по управлению
этим процессом • Основной вопрос философии •

Главные и дополнительные направления
философской мысли • Философия и религия •

Философия и идеология • Положение в области
философии в наше время

Издание третье,
существенно переработанное и дополненное

URSS

МОСКВА

ББК 87.21 87.22 87.3

Семенов Юрий Иванович

Введение в науку философии. В 7 книгах. Кн. 1: Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания.
Изд. 3-е, сущ. перераб. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2020. — 232 с.

На основе марксистской методологии и огромного фактического материала известный российский ученый Ю. И. Семенов предлагает собственную цельную и логически стройную интерпретацию философии как универсальной системы человеческого знания, взятого в единстве абстрактного мышления и эмпирического опыта. Совокупность частей этого фундаментального труда составляет по сути подлинную энциклопедию гуманитарной и естественно-научной мысли, отличительные признаки которой — ярко выраженный концептуализм и всеохватность.

Первая книга позиционирует философию как науку об истине, как теорию познания и всеобщий метод, как всеобщую методологию познания. Автор раскрывает основной вопрос философии, ее главные направления (материализм и идеализм), их соотношение с религиозным сознанием.

Книга будет интересна исследователям, преподавателям, студентам и всем интересующимся историей и теорией философии.

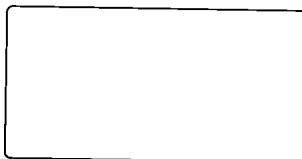
Формат 60×90/16. Печ. л. 14,5. Зак. № АП-6392.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, проспект 60-летия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-7324-6

© ЛЕНАНД, 2019

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Оглавление

Глава 1. Философия — наука об истине, теория познания и всеобщий метод, всеобщая методология познания	6
1. Познание житейское (обыденное) и познание научное	6
2. Истина как эксплицитная цель научного познания	7
3. Философия — наука об истине, теория и всеобщий метод познания	10
4. Философия как наука о мышлении, или логика	19
5. Философия и естествоиспытатели	24
6. Классическое определение истины	26
Глава 2. Основной вопрос философии	30
1. Проблема определения понятий «мир» и «сознание»	30
2. Основной вопрос философии: существует ли он?	33
3. Философия как самый общий взгляд на мир (природу и общество). Натурфилософия, онтология и социальная философия (философия истории)	44
4. Главные ответы на основной вопрос философии: материалистический и идеалистический	50
Глава 3. Главные направления в философии	58
1. Материализм: его онтология и гносеология	58
2. Два основных вида материализма: натурматериализм и панматериализм (марксистский материализм, диалектический материализм)	64

3. Идеализм: общая характеристика	72
4. Субъективный идеализм	72
5. Объективный, или абсолютный, идеализм	79
6. Социоконструктивный идеализм	84
7. Философский монизм. Понятия субстанции и акциденции	88
Глава 4. Дополнительные направления в философии	90
1. Философский дуализм и плюрализм	90
2. Агностицизм, или феноменализм	91
3. Поздние разновидности агностицизма, включая самые последние — современные	94
4. Терциаризм	98
Глава 5. Философия и религия	102
1. Различие между идеализмом и религией	102
2. Концепция двойственной (двойной) истины	107
3. Деизм, пантеизм, панпсихизм и гилозоизм	109
4. Религия, теология (богословие) и религиозная философия	112
Глава 6. Специфика философского знания. Философия — наука, эрзацфилософия и лжефилософия	131
1. Особенности философского знания	131
2. Философия как множество философских систем. Их подразделение на научные и ненаучные	135
3. Наука и лженаука	139
4. Лжефилософия, философствование и эрзацфилософия	142

---

5. Философия как наука и философия как идеология	147
6. Самоубийство буржуазной философии второй половины XIX в. – начала XXI в.	150
Глава 7. И всё же будущее за материализмом	167
1. Вводные замечания	167
2. Выдающиеся естествоиспытатели XX в. в борьбе за материализм и против эрзацфилософии	169
3. Будущее — за диалектическим материализмом	182
Глава 8. Еще раз о предмете философии, а также о том, сколько же всё-таки существует философий.....	186
Глава 9. Проблема изложения философии как исследования, как науки.....	194
1. Проблема выбора философской системы	194
2. Недостроенность марксистской философии	199
3. Проблема достройки и перестройки марксистской философии	211
Именной указатель.....	227

Глава 1

Философия — наука об истине, теория познания и всеобщий метод, всеобщая методология познания

1. Познание житейское (обыденное) и познание научное

К философии относятся по-разному. Одни безмерно ее восхваляют, объявляя, в полном соответствии с ее названием (производным от двух греческих слов: *philía* — «любовь» и *sofía* — «мудрость»), высшим достижением и проявлением человеческого ума. Другая крайность — взгляд на философию как искусство переливания из пустого в порожнее. Невозможно объективно оценить философию, не ответив на вопрос о том, дает ли она такое *знание*, которое человек не может получить никакими другими путями. Обычно он ставится в форме вопроса, является ли философия наукой. Одни дают на него утвердительный ответ, другие — отрицательный.

Ответ на этот вопрос невозможен без выяснения, хотя бы в самых общих чертах, сущности науки.

Наука, безусловно, есть знание. Но знание знанию рознь. Есть знание о том, чего в реальности не существует. Таким было, например, знание русских крестьян о домовых, леших, водяных и т. п., и т. д. Это знание пустое, зряшное, иллюзорное. Другое дело — знание о реально существующем, здоровое знание. Но и здоровое знание может быть разным.

Люди всегда *познавали* мир. Без этого они не смогли бы обеспечить свое существование. Но долгое время их познание было неотделимо от их деятельности по преобразованию мира, по соз-

данию необходимых для обеспечения их существования материальных благ. Оно было не просто теснейшим образом связано с их *практикой*, но буквально вплетено в нее. Такое знание принято именовать *практическим, обыденным или житейским*. Житейское познание было не самостоятельным видом человеческой деятельности, а лишь моментом (хотя и важным) его практической деятельности.

До поры до времени обыденного познания хватало для успеха практической деятельности людей. Но мир — сложное целое. Он есть единство *явлений и сущности*. Самое простое определение сущности — законы, управляющие развитием явлений. Только знание этих законов может обеспечить человеку действительное господство над миром. Но сущность в полном ее объеме недоступна житейскому познанию. Нужен был новый вид здравого познания, качественно отличный от обыденного. Нужны были новые формы отражения мира. Сущность может быть отражена только в теории.

Новое, научное познание неизбежно должно было быть теоретическим, а тем самым и целенаправленным, систематическим, иначе говоря, — *исследованием*. Поэтому оно с необходимостью отделилось от практической деятельности людей и обрело самостоятельность. Оно должно было стать вполне самостоятельной сферой человеческой деятельности. Появились люди, которые занимались исключительно познанием — ученые, исследователи. Мир многообразен. Соответственно, наука состоит из множества дисциплин, каждая из которых имеет свой собственный предмет исследования: ту или иную область или сторону мира. Их принято называть конкретными науками.

2. Истина как эксплицитная цель научного познания

Научное познание возникло как особый, самостоятельный вид человеческой деятельности, отличный от материальной практической деятельности людей. И это почти сразу же сделало

совершенно ясной целью данного вида деятельности, а именно — искать и постигать *истину* о мире. Это отнюдь не значит, что раньше понятия об истине не существовало. Здоровое познание всегда занималось поиском истины. Но пока познание было вплетено в практическую деятельность, то даже когда и возникал вопрос о его цели, ответ напрашивался сам собой: она состояла в обеспечении успеха практической деятельности. Обыденное познание могло обеспечить успех практики лишь в том случае, если оно давало истину, но это было на самом заднем плане.

Здесь мы сталкиваемся с еще одним делением знания на виды. Примером одного из этих двух видов может послужить знание ребенком (а также и взрослым неграмотным человеком) грамматики родного языка. Ребенок знает эту грамматику: в своей речи он правильно склоняет существительные, ставит их в нужном падеже и числе, спрягает глаголы и т. п. И при этом он даже не подозревает, что существуют склонение и спряжение, существуют падежи, вообще существует грамматика. Такого рода знание нередко называют *имплицитным* (от лат. *implicite* — включая, в том числе), это — знание неосознанное. Ему противостоит знание *эксплицитное* (от лат. *explicite* — явно, открыто), т. е. осознанное, когда человек не только знает что-то, но и знает, что он это знает и что он именно знает. Имплицитного знания грамматики вполне хватало людям, пока не было письменности. По меньшей мере с появлением алфавита стало необходимым эксплицитное знание грамматических норм.

Существует множество наук, изучающих самые различные объекты. Но при всём их различии между ними существует фундаментальное общее: все они без малейшего исключения представляют собой движение к *истине*. Все ученые, если они, конечно, настоящие ученые, а не дельцы от науки, занимаются поисками истины.

«У ученого, — писал замечательный английский физик Майкл Фарадей (1791–1867), — не должно быть любимых теорий, школ и

учителей; одна правда должна быть его целью»¹. «...Искание истины, — утверждал великий русский химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834–1907), — это только и есть наука...»² «Цель, к которой устремлена наука, это *истина*», — соглашался с ним крупнейший немецкий математик и логик Фридрих Людвиг Готтлоб Фреге (1848–1925)³. «Отыскание истины должно быть целью нашей деятельности; это единственная цель, которая достойна ее», — писал выдающийся французский физик и математик Жюль Анри Пуанкаре (1854–1912)⁴. «По самой своей сути, — вторил им крупный английский физик, лауреат Нобелевской премии Джордж Паджент Томсон (1892–1975), — наука есть поиски истины»⁵. «Дисциплина ученого, — читаем мы в автобиографической книге великого американского математика, одного из создателей кибернетики Норберта Винера (1894–1964), — заключается в том, что он посвящает себя поискам истины. Эта дисциплина порождает желание идти на любые жертвы — будь то жертвы материальные, моральные или даже в крайнем (хотя и не беспрецедентном) случае жертва собственной безопасности»⁶.

И такой взгляд на науку отстаивали не только математики и естествоиспытатели, но и гуманитарии. Основоположник историологии (исторической науки) Фукидид (460–396 до н. э.) подчеркивал в своей «Истории», что суть этой науки заключается в установлении истины. «Ибо большинство людей, — писал он, — не затрудняет себя разысканием истины и склонно усваивать готовые взгляды. Как ни затруднительны исторические изыскания, но всё же недалеко от истины будет тот, кто признаёт ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и

¹ Цит.: Сумбаев И. С. Научное творчество. Иркутск, 1957. С. 80.

² Менделеев Д. И. Мировоззрение // Менделеев Д. И. Соч. Т. 24. М., 1954. С. 459.

³ Фреге Г. Логика // Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М., 2000. С. 287.

⁴ Пуанкаре А. Ценность науки // Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 199.

⁵ Томсон Д. Дух науки. М., 1970. С. 7.

⁶ Винер Н. Я — математик. М., 1964. С. 342.

приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историкам, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке»¹. «Сущность науки, — утверждал крупнейший немецкий историк, автор знаменитой „Истории эллинизма“ (1836–1843) Иоганн Густав Дройзен (1808–1884), — в том, что она ищет и добывает истину»². Для выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841–1911) само собой разумеющимся было, что исследователи в этой области обязаны «во всём быть искренними искателями истины»³. «Идеал науки, — пишет известный отечественный археолог Александр Александрович Формозов (1928–2009), — истина. Соответственно, враги ее — ложь, фальсификация, приспособление к требованиям момента»⁴.

Такого рода высказываний можно было бы привести еще много. Но в заключение ограничусь лишь одним. «Наука, имеющая какую-нибудь цель вместо истинного знания, — писал Александр Иванович Герцен (1812–1870), — не наука»⁵.

3. Философия — наука об истине, теория и всеобщий метод познания

Наука призвана искать и находить истину. Но найти истину очень нелегко. Как принято говорить, путь к истине тернист. Он усеян препятствиями. Ученый, добросовестно ищущий истину, может сбиться с пути и, сам того не подозревая, прийти к тому, что представляет собой противоположность истины — может впасть в заблуждение.

¹ Фукидид. История. Т. 1. М., 1915. С. 15–16.

² Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории // Дройзен И. Г. Историка. СПб., 2004. С. 72.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1957. С. 6.

⁴ Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2006. С. 324.

⁵ Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1956. С. 430.

Все настоящие ученые подлинно заинтересованы в том, чтобы прийти к истине и не впасть в заблуждение. Но для этого нужно детально исследовать природу истины и заблуждения, выявить, какие пути ведут к истине, а какие — к заблуждению. Истина и заблуждение выражаются в мышлении: первая — в истинных мыслях, второе — в ложных. К типу истиннонесущих (а тем самым и ложнонесущих) форм мышления относятся суждения, идеи, гипотезы, теории. Развитие научного знания состоит прежде всего в появлении и разработке новых идей. Но мало выдвинуть новую идею. Необходимо доказать ее истинность, причем обязательно мышлением же. Истинность истиннонесущей мысли должна быть мыслеобоснованной. Эту мыслеобоснованность принято называть рациональностью. Нужна и важна для науки разработка приемов как доказательства верности истинных идей, так и опровержения ложных.

Однако ни одна из конкретных наук вопросами природы истины и ее доказательствами не занимается. Все ученые ищут истину, но всегда — в чем-то отличном от самой истины. Физики ищут истину об элементарных частицах, биологи — о процессах обмена веществ в организмах животных и растений, политэкономы — об общественных формах, в которых идет процесс материального производства и т. п. И требовать от специалистов по конкретным наукам, чтобы они занимались чем-то иным, бессмысленно. Но исследование самой истины насущно необходимо. Поэтому нужна особая наука, которая занималась бы поисками истины о самой истине. Именно этой наукой и является философия. Самое первое и самое краткое определение философии: *философия есть наука об истине*.

Именно так понимали философию два величайших ее представителя — Аристотель (384–322 до н. э.), творивший в античную эпоху, и немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831), живший уже в Новое время. «Верно также и то, — читаем мы в основной философской работе Аристотеля, получившей название „Метафизика“, — что философия называется

знанием об истине»¹. Г. Гегель на первых страницах «Науки логики» (1817), составляющей первый том «Энциклопедии философских наук», писал: «Раньше всего нужно поставить вопрос: что является предметом нашей науки? Самым простым и понятным ответом является: *истина* есть этот предмет. Истина есть великое слово и еще более великое дело»². «...Философия, — говорил он в речи 22 октября 1818 г., — живет в царстве истины, строит его и занимается ее изучением...»³ «Философия есть объективная наука об истине, наука о ее необходимости, познание посредством понятий...»⁴ Такое понимание философии лежало в основе всей деятельности самого Г. Гегеля. «Единственное, к чему я вообще стремился и стремлюсь в своих философских изысканиях, — писал он, — это научное познание истины»⁵. И в своем стремлении постичь истину философы не должны останавливаться ни перед чем. «Дерзновение в поисках истины, — говорил Г. Гегель, — вера в могущество разума есть первое условие философских занятий»⁶.

Еще более ярко писал об этом другой представитель классической немецкой философии — Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814): «Философ нуждается не только в чувстве истины, но и в любви к ней. Я уже не говорю о том, что он не должен стараться утвердить заранее предположенные результаты софизмами, которые он сознает, но при этом надеется, что они не будут открыты никем из его современников; тогда он сам знает, что не любит истину. Но относительно этого каждый сам себе судья, и никто не имеет права обвинять в этой недобросовестности другого, если нет совершенно ясных доказательств. Но он должен быть

¹ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 94.

² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 108.

³ Там же. С. 83.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1 // Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 9. [Л.], 1932. С. 19.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Предисловие ко второму изданию. М., 1974. С. 57.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 85.

настороже и против произвольных софизмов, которым никакой исследователь не подвержен более, чем исследователь человеческого духа: он должен не только смутно чувствовать, но довести до ясного сознания, как свое высшее правило, что он ищет только истину, какова бы она ни была; он даже должен приветствовать ту истину, что вообще не истина, если только она окажется истиной. Никакое положение, каким бы сухим и каверзным оно ему ни казалось, не должно быть безразличным для него — все должно быть для него одинаково священными, ибо все они принадлежат к системе истины, и каждое поддерживает всех. Он никогда не должен спрашивать, каковы будут последствия, но должен прямо идти своей дорогой, какими бы ни были эти последствия. Он не должен бояться никаких трудов и всегда сохранять способность — отказаться от труднейших и глубокомысленнейших работ, как только их неосновательность будет ему доказана или будет открыта им самим. Если он и тогда ошибется, то это будет лишь та участь, которая доселе постигала всех мыслителей»¹.

«Философия спрашивает, — писал в одной из своих ранних работ Карл Генрих Маркс (1818–1883), — что есть истина, а не что считается истиной. Ее интересует то, что является истиной для всех, а не то, что является истиной только для некоторых»². И он, так же как Г. Гегель и И. Фихте, призывал к бесстрашному поиску истины. «А у входа в науку, как и у входа в ад, — пишет он, — должно быть выставлено требование:

Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

Здесь страх не должен подавать совета»³.

«Ученые и книжники всех времен, — писал в работе „Сущность головной работы человека“ (1869) немецкий философ-самоучка,

¹ Фихте И. Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М., 1995. С. 267.

² Маркс К. Передовица в № 179 *Kölnische Zeitung* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 101.

³ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 9. К. Маркс приводит строки из «Божественной комедии» Данте.

самостоятельно пришедший к диалектическому материализму, Иосиф Дицген (1828–1888), — смущали друг друга вопросом: что есть истина? Этот вопрос уже целые столетия является существенной проблемой преимущественно философии... *Философия* и есть та наука, которая потрудились в этом направлении: она, разрешив эту проблему, нашла, наконец, при помощи ясного познания мыслительного процесса, свое собственное разрешение»¹.

Философия — наука о процессе постижения истины, процессе познания истины. Познать процесс движения к истине можно только одним путем — создать теорию этого процесса. Поэтому *философия есть теория процесса познания истины*, или, короче, *теория познания*. Долгое время в российской философии для обозначения теории познания использовался термин «гносеология» (от греч. γνώσις — знание, λόγος — слово, понятие, учение). Сейчас всё чаще в этом же значении употребляется термин «эпистемология» (от греч. ἐπιστήμη — знание, познание). Философия, таким образом, как и любая другая наука занимается познанием, но если все остальные науки занимаются познанием чего-то отличного от познания, то философия — познанием познания, познанием природы самого познания. Она есть знание знания о самом себе.

Всё это в свое время было достаточно четко сказано И. Дицгеном в труде «Аквизит философии» (1887). Философы, как он указывал, когда-то стремились познать всё. «Но теперь, когда сфера познания слишком расширилась, необходимо специализироваться, необходимо серьезно заняться какой-либо *специальной* наукой. Философ теперь уже не мудрец, а специалист. Звезды являются предметом астрономии, животные относятся к зоологии, растения — к ботанике. Что же тогда составляет предмет философии?... „Познание“ — вот о чем здесь идет речь. Познание и есть предмет философии. Мы должны сейчас же обратить внимание читателя на двойственное значение, которое скрывается

---

¹ Дицген И. Сущность головной работы человека // Дицген И. Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 14.

в этом ответе. Познание, уразумение есть предмет всякой науки. Ничего специального тут нет. Всякое исследование стремится прояснить предмет. И тем не менее философия хочет быть наукой и не желает возвращаться к временам древности и быть всеобщей мудростью. Что предметом философии является познание, такой ответ дали бы нам и Фалес, и Пифагор, и Платон. Неужели же эта высокомерная наука ничего не приобрела за всё это время? *Что же составляет ее аквизит?* – вот в чем вопрос. И теперь философия имеет своим предметом познание, но уже не то неопределенное познание, которое стремится познать *всё*. Она – как бы это сказать попроще – поставила своей целью изучить познание как таковое, т. е. исследовать метод познания. Она стремится познать, *каким именно образом достигается то*, что все другие объекты освещаются светом разума. Говоря еще яснее, предметом философского исследования является уже не то познание, которое стремится знать *всё*, как это было во времена Сократа, – предметом исследования сделался теперь рассудок как специальный объект, познавательная или мыслительная способность»¹.

Философия есть наука. Она, как и любая другая наука, имеет свой собственный реально существующий предмет, целенаправленным, систематическим исследованием которого занимается, ищет истину о нем, познает его. И тем не менее она занимает особое место среди наук, отличается от всех других наук и в этом смысле противостоит всем им, взятым по отдельности. Если все остальные науки занимаются познанием чего-то отличного от самого познания, ищут истину о чем-то отличном от самой истины, то философия занимается познанием самого познания, поисками истины о самой истине, что делает ее нужной для всех других наук без исключения. Это противостояние философии и всех остальных наук находит свое выражение в том, что, говоря о науке, чаще всего имеют в виду только конкретные науки.

---

¹ Дицген И. Аквизит философии // Там же. С. 156–157.

Взгляд на философию как на теорию познания в 50–60 гг. XX в. отстаивал выдающийся советский философ-марксист Эвальд Васильевич Ильенков (1924–1979). За это в 1955 г. он был изгнан с философского факультета Московского государственного университета, а его единомышленник Валентин Иванович Коровиков вдобавок был еще и исключен партбюро факультета из КПСС, что побудило последнего вообще навсегда уйти из философии¹. Сторонников такого понимания философии в наших философских кругах начали с того времени именовать «гносеологами» и всемерно осуждать. Отголоски такой позиции сохраняются и до сих пор в среде философов, считающих себя марксистами².

Могут возразить: высказанный выше взгляд на философию, вероятно, и был раньше в определенной степени справедливым, но теперь он безнадежно устарел. Всем тем, кто находится в курсе современных достижений науки, должно быть хорошо известно, что в середине XX в. произошла когнитивная (от лат. *cognitio* — восприятие, познание) революция, в результате которой возникла совершенно новая, ранее не существовавшая наука, которая получила название когнитивной науки, когнитологии, когнитивистики или когнитивизма. Именно она и стала теперь подлинной наукой о познании.

Вместе с ней возник совершенно новый — когнитивный — подход. О когнитивной революции и появлении принципиально новой науки о познании писали такие авторитеты, как американский психолог Джон Миллер и американский же лингвист Ноам Абрам Хомский. Именно они считаются ее основоположниками. Об этом с восторгом сообщают нам наши адепты когнитологии.

Авторитеты, конечно, авторитетами, но у каждого непредвзятого исследователя возникает масса вопросов. Один из них: является ли когнитология единой наукой, или она представляет

---

¹ См.: Коровиков В. И. Начало и первый погром // Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век. 1960–1980-е годы. М., 1999.

² См.: Орлов В. В. Проблема материи в современной российской философии // Философия и общество. № 3. С. 35–36.

собой комплекс разных самостоятельных научных дисциплин? Когнитологи одновременно утверждают и то и другое. И если оставить в стороне пышные слова о величии принципиально новой науки, объединившей под своей эгидой множество наук, и обратиться к реальному положению дел, то станет ясным, что новый термин обозначает совокупность нескольких разных наук, одни из которых существовали давно, а другие возникли совсем недавно.

Список этих наук не только у разных, но иногда у одних и тех же когнитологов далеко не одинаков. Сюда то включают, то исключают математику. В качестве составных частей называют то психологию вообще, то только когнитивную психологию, то лингвистику вообще, то лишь когнитивную лингвистику. Из наук, существующих давно, в когнитологию включают философию (в целом или только теорию познания, эпистемологию), логику (формальную), а иногда и «культурную антропологию». Из числа новых, пользуясь терминами самих когнитологов, — теорию информации, «компьютерную науку», «нейронауку», «разные методы математического моделирования», «искусственный интеллект» («моделирование искусственного интеллекта») и т. п.¹

Если исключить математику в целом и философию, но включить физиологию высшей нервной деятельности и физиологию органов чувств, то оставшиеся и добавленные дисциплины в принципе можно объединить под названием не когнитивной науки, а когнитивных наук, ибо все они в той или иной степени проливают свет на те или иные аспекты человеческого познания.

Основание для исключения из их числа философии заключается в том, что все они представляют собой конкретные науки, а философия таковой не является. В отличие от всех них фило-

¹ См., например: Кубряков Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996; Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. 2-е изд. М., 2006; Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М., 2005; Баксанский О. Е., Гнатюк Е. Н., Кучер Е. Н. Естествознание: Современные когнитивные концепции. М., 2010 и др.

софия есть предельно общая наука о познании. Суть человеческого познания заключается в постижении истины. Философия как раз и занимается исследованием этой сущности. Она изучает познание как процесс постижения истины. И она — единственная наука, которая этим занимается. Ни одна из перечисленных конкретных когнитивных наук природу истины не изучает. Философия была, остается и всегда будет единственной теорией познания истины. Другой гносеологии, кроме философии, нет и быть не может.

Когнитологи без конца говорят не только о когнитивной науке, но и о когнитивном подходе. Однако понять из их трудов, что он собой представляет, крайне трудно. Совершенно неясно, о подходе к чему идет речь (к познанию или поведению, взаимодействию со средой) и в чем он заключается.

Исследование процесса познания истины необходимо для того, чтобы помочь ученым (и не только им) найти путь, ведущий к истине, и предотвратить их соскальзывание на дороги, приводящие к заблуждениям. В результате философия неизбежно выступает не только как теория познания истины, но и как руководство к познанию истины. Указывая путь, ведущий к истине, философия является учением о *методе* (от греч. *μέθοδος* — прием, способ, образ действия), или образе, способе познания истины — *методологией познания истины* и одновременно самим *методом, или способом познания истины*.

Слова «метод» и «методология» используются и в иных, кроме отмеченного выше, смыслах. Они применяются для обозначения и некоторых приемов размышления и рассуждения (метод индукции, метод дедукции), и частных способов исследования и практического действия, применяемых в той или иной конкретной науке или сфере человеческой деятельности (метод меченых атомов, радиоуглеродный метод, метод гибридизации и т. п.). Философия есть не всякий метод исследования, а только *самый общий, всеобщий метод познания истины*, т. е. пригодный в любой области.

4. Философия как наука о мышлении, или логика

Философия есть теория и предельно общий метод познания. Поэтому двумя важными ее понятиями являются категории субъекта и объекта (т.е. предмета) познания. *Объект познания* — то, что познается, то, на что направлено познание. *Субъект познания* — тот, кто познает, занимается познанием. Производными от этих категорий являются понятия *субъективного* и *объективного*. Если объективное есть нечто независящее от сознания субъекта, то субъективное, напротив, — зависящее от него. Впрочем, в разных философских системах понятия как субъекта и объекта, так и субъективного и объективного трактуются далеко не одинаково.

Человеческое познание — сложный процесс, включающий две ступени. Первая из них называется *сенситивным* (от лат. *sensus* — чувство, ощущение), или *чувственным* познанием, вторая — *рациональным* (от лат. *rationalis* — разумный, рассудочный, умственный), или *умственным* познанием. Другие названия второй ступени познания — *мышление, рассудок, разум, интеллект*.

Общепризнанно существование у человека пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, вкуса, обоняния, осязания. Как считает наука (психология, физиология органов чувств, физиология высшей нервной деятельности), познание внешнего объективного мира начинается с воздействия предметов этого мира на органы чувств человека. Оно порождает нервные импульсы, которые от рецепторов по нервным волокнам идут в высший отдел головного мозга — в его кору. В результате в мозгу возникают зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные и осязательные *ощущения*, отражающие отдельные свойства предметов внешнего мира.

Так как свойства существуют не сами по себе, а только как свойства предметов, то ощущения, порожденные действиями одного и того же предмета, в мозгу сливаются и возникает целостный образ предмета внешнего мира, который именуется *восприятием*. Ощущения и их комплексы (восприятия) суть непосредственные образы внешнего мира. Они существуют в мозгу до

тех пор, пока продолжается воздействие предмета на органы чувств. С прекращением этого воздействия ощущения и восприятия исчезают, но следы внешнего воздействия сохраняются в коре головного мозга. Эти своеобразные корковые (кортикальные) отпечатки называются *энграммами* (от греч. *εγκέφαλος* — мозг и *γραφή* — буквально письменный знак, а в качестве последней части сложного слова — запись).

Когда энграммы возбуждаются, возникают образы предметов, которые ранее воздействовали на органы чувств (и тем самым на мозг) человека, но которых сейчас нет. Эти образы принято называть *представлениями*. В отличие от ощущений и восприятий они являются опосредованными образами внешнего мира.

Для подавляющего большинства естествоиспытателей ощущения, восприятия, представления (воспроизведения, репродуктивы) — суть бесспорные образы внешнего мира. «Главная функция зрительной системы, — пишет, например, крупнейший современный биолог, лауреат Нобелевской премии Фрэнсис Крик (1916–2004), специально занимавшийся исследованием механизмов зрения, — состоит в построении образов предметов внешнего мира в нашей голове. Это делается с помощью сложных сигналов, поступающих на сетчатку наших глаз»¹. Виднейший американский специалист в области нейробиологии Гордон М. Шеперд считает, что конечной целью науки, которая занимается сенсорными системами, «является выделение *функциональных элементов* восприятия — механизмов построения образа внешнего мира в нашем восприятии»².

С подобного рода взглядами согласно большинство философов-материалистов. Для них ощущения, восприятия и представления — суть чувственные образы предметов внешнего мира. Материалистическое понимание чувственного познания целиком и полностью согласуется с данными естествознания.

---

¹ Крик Ф. Безумный поиск. Личный взгляд на научное открытие. М.; Ижевск, 2004. С. 162.

² Шеперд Г. Нейробиология. Т. 1. М., 1987. С. 280.

Чувственное познание, взятое само по себе, есть реагирование организма человека на внешние воздействия. Ни с какими другими процессами, кроме процессов нервных, физиологических, биологических, здесь мы не сталкиваемся. Управлять этими процессами человек не в состоянии. Поэтому методов чувственного познания нет и быть не может.

Иное дело — мышление, которое присуще только человеку. Оно выступает как определенная деятельность человека — умственный труд. Человек оперирует понятиями, суждениями, ставит проблемы, создает гипотезы и теории и т. п. В результате он может прийти к истине, а может, напротив, впасть в заблуждение. Иначе говоря, он может мыслить правильным образом, а может — неправильным. Вот здесь и встает перед ним проблема овладения правильным образом, или, — что то же самое, — правильным методом мышления, т. е. таким, который ведет к истине. Общий метод познания может быть только методом мышления. Философия, являясь всеобщим методом познания, с неизбежностью должна представлять собой всеобщий метод мышления. Но чтобы научиться управлять мышлением, нужно его исследовать. Поэтому философия с необходимостью является наукой о мышлении. Изучением мышления занимается не только философия, но и немалое число конкретных наук: физиология высшей нервной деятельности, нейрофизиология, психология, теория информации и т. п. Отличие философии как науки о мышлении от всех этих конкретных научных дисциплин состоит в том, что она исследует мышление под определенным углом зрения: мышление для нее есть процесс постижения истины. Этого не делает ни одна из названных конкретных наук. Науку о мышлении, в центре внимания которой находятся проблемы его правильности или истинности, принято называть логикой. Философия, таким образом, есть *логика*.

Как уже говорилось, философия есть наука об истине. Но истину может дать только мышление. Истину способны нести лишь мысли. Поэтому философия, будучи наукой об истине, теорией

познания, не может не быть наукой о мышлении, логикой. Именно так понимал ее Фридрих Энгельс (1820–1895). Вот что писал неоднократно беседовавший с ним русский литератор и переводчик Алексей Михайлович Воден (1870–1939): «Философию Энгельс определял как учение о мышлении, утверждая, что всё остальное представляет лишь исторический интерес и давно уже является каким-то пережитком»¹. Такого же мнения придерживался И. Дидген. Выше уже было приведено его высказывание, в котором он определял философию как науку о мышлении. Именно такой взгляд на философию стремились восстановить в 1950–1960 гг. Э. В. Ильенков и В. И. Коровиков, за что и подверглись осуждению. Как вспоминает последний, на Ученом совете философского факультета МГУ, где обсуждалась их позиция, декан факультета Василий Сергеевич Молодцов (1898–1985) патетически воскликнул: «Куда они нас тащат! Нас тащат в мышление!». На что сидящие в зале студенты моментально среагировали: «Не бойтесь, вас туда не затащишь»².

Но сразу же необходимо уточнение. Существуют два вида мышления, один из которых принято называть *рассудочным мышлением*, или просто *рассудком*, а другой — *разумным мышлением*, или просто *разумом* (*интеллектом*).

В истории западноевропейской философской мысли рассудочное мышление обычно именовалось *рациональным*, а разумное — *интеллектом*. Рассудочное мышление есть субъективная деятельность человека. Разумное мышление есть объективный процесс, идущий по объективным, независящим от сознания человека законам.

Соответственно с подразделением мышления на рассудок и разум существуют и две науки о мышлении, две логики. Наука о рассудочном мышлении носит название *формальной логики*. Она занимается лишь вопросом о правильности мышления, но не проблемой

---

¹ Воден А. М. Беседы с Энгельсом // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 348.

² Коровиков В. И. Указ. соч. С. 476.

истины. Поэтому, зародившись в лоне философии, она со временем отпочковалась от нее и стала особой самостоятельной наукой.

Философия является наукой не о мышлении вообще, а о разумном мышлении, теорией разумного мышления. Философия есть *логика разумного мышления*.

Это отнюдь не означает, что философия не должна заниматься ни чувственным познанием, ни рассудочным мышлением. Ведь мышление непосредственно, прямо с объективным миром не связано; весь материал, на котором оно основывается, поступает к нему только через каналы чувственного познания. Поэтому философия, будучи наукой о мышлении, не может не заниматься чувственным познанием. Без этого мышление понять невозможно. Не может наука о разумном мышлении обойтись и без выявления природы рассудочного мышления. Разум не существует без рассудка. Они работают всегда только вместе.

Более того, результаты работы разума, чтобы стать известными, должны быть облечены в формы, присущие рассудочному мышлению. Поэтому понять деятельность разума без выявления природы рассудка совершенно невозможно. Теория разумного мышления с неизбежностью является теорией человеческого познания в целом. Только такая философия может открыть путь к познанию истины.

Как уже указывалось, научное познание есть такое познание, истинность которого обязательно должна быть доказана, обоснована, причем обоснована, доказана умом, мышлением. Это — умообоснованное, мыслеобоснованное знание. Так как существуют два вида мышления — рассудок и разум, — то существуют и два вида мыслеобоснования: рассудочное обоснование и разумное обоснование. Долгое время философам и ученым был известен только рассудок, о существовании разума как особого вида в самом лучшем случае только догадывались. Поэтому было известно только рассудочное обоснование истинности познания. Именно ее имеют в виду, когда говорят о рациональности научного познания, его рациональной природе.

Так как философия есть не только теория познания, но и метод мышления, руководство для умственной деятельности, направленной на поиски истины, то тем самым появляется еще способ проверки истинности той или иной философской концепции. Этот способ — практика умственной деятельности. Если, руководствуясь определенным методом мышления, мы добиваемся успеха, приходим к истине, то данная философская теория верна. Если ли же тот или иной метод является бесполезным или, еще хуже, заводит в тупик, обрекает на заблуждения, то эта философская концепция является ложной.

5. Философия и естествоиспытатели

Так как все ученые занимаются поисками истины, то, разумеется, знание теории истины нужно всем им без исключения. Но ученые не всегда это осознают. Более того, некоторые из них относятся к философии пренебрежительно, что нередко связано с тем, что они принимают за философию то, что подлинной философией не является. Особенно это относится к тем ученым, деятельность которых в основном ограничивается наблюдениями, экспериментами и первичной обработкой полученных фактов.

Как известно, в физической науке, например, к настоящему времени довольно четко наметилось различие между физиками-экспериментаторами и физиками-теоретиками. Первым нередко присуще довольно беззаботное отношение к философским проблемам, которые они не склонны принимать всерьез. Совершенно иначе относится к философии большинство физиков-теоретиков. Теории — всегда продукт размышления, причем размышления особого рода — теоретического. Поэтому создатели теорий не могут не задумываться над природой теоретического размышления, а тем самым мышления и познания вообще.

Серьезное внимание уделяли философским вопросам по существу все великие физики-теоретики XX в. Они не только постоянно обращались к ним в своих научных трудах, но и создавали

работы чисто философского характера. В огромной степени философскими проблемами интересовались Жюль Анри Пуанкаре (1854–1912), Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (1858–1947), Альберт Эйнштейн (1879–1955), Макс Борн (1882–1970), Нильс Хендрик Давид Бор (1885–1962), Эрвин Шредингер (1887–1961), Луи Виктор де Бройль (1892–1987), Вернер Карл Гейзенберг (Хайзенберг) (1901–1976), Поль Андриен Морис Дирак (1902–1984).

«Бывали времена, — писал М. Планк, — когда философия и естественные науки противостояли друг другу чуждо и неприязненно. Эти времена давно миновали. Философы поняли, что нельзя предписывать естествоиспытателю методы и цели его работы, а естествоиспытатели уяснили себе, что исходный пункт их исследований лежит не только в восприятиях органов чувств, и что естественные науки не могут обойтись без философии»¹.

«Взаимное отношение теории познания и науки, — читаем мы у А. Эйнштейна, — весьма достопримечательно. Они зависят друг от друга. Теория познания без контакта с точной наукой становится пустой схемой. Точная наука без теории познания, поскольку она вообще мыслима без нее, примитивна и беспорядочна»². «Критическое отношение физика, — добавлял он, — не может ограничиваться исследованием понятий своей собственной сферы. Он с неизбежностью должен заниматься и тем, что считается делом одних только философов. Физик не может продвигаться вперед без исследования с критической точки зрения во многом наиболее трудной проблемы: анализа природы самого мышления»³.

«Что же касается философии, — вторит ему М. Борн, — то любой современный ученый-естественник, особенно каждый физик-теоретик, глубоко убежден, что его работа теснейшим образом

---

¹ Планк М. Физическая закономерность в свете новых исследований // Успехи физических наук. 1926. Т. VI. Вып. 3. С. 199.

² Эйнштейн А. Ответ на критику // Философские вопросы современной физики. М., 1959. С. 243.

³ Цит.: Vallentin A. The Drama of Albert Einstein. New York, 1954. P. 259–260.

переплетается с философией и что без серьезного знания философской литературы его работа будет впустую. Этой идеей я руководствовался сам, стараясь вдохнуть ее и в своих учеников...»¹

Один из основоположников химической физики академик Николай Николаевич Семенов (1896–1986) убедительно вскрыл причины, заставляющие физиков-теоретиков обращаться к философии. Когда они работают над созданием теории, то неизбежно сталкиваются с объективными противоречиями. «В такие моменты, — пишет Н. Н. Семенов, — физик-теоретик начинает работать как логик, как преобразователь логики. Он работает в сфере таких противоречивых понятий, как прерывность и непрерывность, взаимосвязь и становление, время и пространство, вероятность и необходимость; именно здесь для конкретных естественно-научных целей ему необходимо изменять и развивать, пересматривать исходные логические категории... И тут уже развитая и осознанная логика историко-философского мышления не роскошь, не добавка к естественно-научному образованию, но вопрос первой, самой острой необходимости»².

В заключение можно привести слова крупного русского физика Владимира Александровича Михельсона (1860–1927): «...Физик, не желающий оставаться на второстепенной роли чернорабочего, только собирающего факты, должен быть вместе с тем и философом...»³

6. Классическое определение истины

Итак, философия есть наука об истине, теория познания истины, логика разумного мышления и всеобщий метод познания истины, который может быть только методом мышления. Но и это

¹ Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С. 44.

² Семенов Н. Н. Марксистско-ленинская философия и вопросы естествознания // Коммунист. 1968. № 10. С. 61.

³ Михельсон В. А. Физика перед судом прошедшего и запросами будущего // Михельсон В. А. Собр. соч. М., 1930. С. 375.

определение философии не является полным и исчерпывающим. Чтобы продвинуться дальше по пути выявления ее предмета, необходимо дать определение самого важного понятия философии — категории «истина». Существует множество пониманий истины. Но для решения стоящей перед нами задачи пока вполне достаточно одного из них, получившего название *классического определения истины*.

Впервые оно встречается у великого греческого философа Платона (427–347 до н. э.) в диалоге «Кратил»:

«Сократ: Тогда ты вот что мне скажи — случается ли тебе о чем-нибудь говорить: это истинно сказано, а это ложно?»

Гермоген: Мне — да.

Сократ. А посему одна речь может быть истинная, а другая ложная?

Гермоген: Разумеется.

Сократ: В таком случае тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит иначе, лжет?

Гермоген: Да»¹.

Следующий шаг был сделан Аристотелем, которому обычно и приписывается классическое определение. Вот что он говорил о признаке, отличающем истинные суждения о мире от ложных: «...Истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным, а связанное — связанным, а ложное — тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами»². Название классического это определение истины получило потому, что его принимали в качестве исходного большинство крупных философов.

«...Истина определяется как согласованность ума и вещи, и познать эту согласованность означает познать истину», — писал религиозный философ, объективный идеалист Фома Аквинский (1225/6–1274)³. «Истина же высказывания, или суждения, —

¹ Платон. Кратил // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1968. С. 417.

² Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1978. С. 250.

³ Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1–43. Киев; М., 2002. С. 217–218.

разъяснял французский философ и ученый Пьер Гассенди (1592–1655), в основном придерживавшийся материализма, — представляет собой не что иное, как соответствие произнесенного вслух высказывания, или мысленного суждения, самой вещи, к которой это высказывание, или суждение, относится. В самом деле, истина — это то, чему противопоставляется ложь. Ибо если мы имеем истину в том случае, когда дело обстоит так, как нам его представляют, то ложь получается тогда, когда наоборот, дело обстоит иначе, чем оно нам представлено»¹. «...Это слово — *истина*, — вторил ему Рене Декарт (1596–1650), крупнейший ученый и философ, стоявший на позициях дуализма, — в собственном своем смысле обозначает соответствие мысли предмету...»²

«...*Истина*, — определял выдающийся французский материалист Поль Анри Дитрих Гольбах (1723–1789) в работе „Система природы“, — есть постоянное согласие, или соответствие, с помощью опыта обнаруживаемое нашими нормально функционирующими чувствами между познаваемыми нами предметами и качествами, которые мы им приписываем»³.

«Что есть истина?» — спрашивал Иммануил Кант (1724–1804) в своем основном философском труде «Критика чистого разума» (1781). И отвечал: «Номинальная дефиниция истины, согласно которой она есть соответствие знания с его предметом, здесь допускается и предполагается заранее»⁴. «Всякое знание, — заявлял другой виднейший представитель классического немецкого идеализма Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775–1854), — зиждется на соответствии между объективным и субъективным. Ибо *знать* можно только истинное; истину же, вообще говоря,

---

¹ Гассенди П. Первая часть философии: каноника, или о критериях // Гассенди П. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 117.

² Декарт Р. Письмо К. М. Мерсенну 16 октября 1639 г. // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989. С. 604.

³ Гольбах П. А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Гольбах П. А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 162.

⁴ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 159.

нужно полагать в соответствии представлений их предметам»¹. «Истина сама по себе, — давал определение основоположник русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), — *то, что есть*, в формальном отношении — соответствие между мыслью и действительностью»². «Когда представление об объекте совпадает с объектом, — писал в своем словаре крупный отечественный специалист по истории философии Эрнест Леопольдович Радлов (1854–1928), — тогда знание считается истинным»³. «Истинное высказывание, — читаем мы в книге неопозитивиста Альфреда Тарского (1901–1983), — это такое высказывание, которое выражает то, что дела обстоят так-то и так-то, и дела именно так и обстоят»⁴.

Как мы видим, почти все последующие философы формулировали классическое определение истины более широко, чем Аристотель. Если же учесть, что предметом человеческого познания является весь мир, то в самом широком плане истину можно определить как соответствие между сознанием человека и миром, а заблуждение — как несоответствие между человеческим сознанием и миром. В таком определении истина и заблуждение выступают как абсолютные противоположности. В действительности всё обстоит гораздо сложнее. Но для решения стоящей перед нами здесь задачи — выявления предмета философии — этого пока вполне достаточно.

---

¹ Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 11.

² Соловьев В. Истина // Энциклопедический словарь. Т. XIII. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Эфрон (С.-Петербург). СПб., 1894. С. 473.

³ Радлов Э. Л. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии. М., 2010. С. 116.

⁴ Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М., 1999. С. 22.

Глава 2

Основной вопрос философии

1. Проблема определения понятий «мир» и «сознание»

Философия есть наука об истине. Истина — самое главное, краеугольное понятие философии. Определяя это понятие, мы с неизбежностью сталкиваемся с двумя другими: «мир» и «сознание». Они не менее важны для философии, чем понятие истины. Без раскрытия их содержания совершенно невозможно никакое движение вперед в этой области знания.

Но чтобы прийти к такому выводу, совершенно не обязательно обращаться к понятию истины. Философия есть теория познания, и прежде всего познания мира. И мир, и познание, несомненно, на самом деле существуют. Но при этом существуют по-разному. Это две качественно отличные формы существования, два качественно отличные вида реальности. И самая важная задача философии заключается в выявлении природы, сущности этих двух видов реальности.

Почти все, если не все, философы фактически, в той или иной форме, всегда признавали существование этих двух видов реальности. Одну из них обычно именовали духовной, идеальной, реже — психической. В обозначении другой особого единства не было. Ее называли материальной, физической, телесной, вещественной, предметной, а также природой и даже просто бытием. Эти две реальности почти всегда упоминались не поодиночке, а парой: бытие и сознание, мир и познание, материя и мышление, природа и дух, тело и дух, вещи и мысли, материальное и идеальное, физическое и психическое, телесное и ментальное и т. п. Но суть

при этом остается одной и той же. Из всего набора терминов я в целях упрощения буду пока пользоваться только двумя: «мир» и «сознание».

Важнейшей задачей философии всегда было выявление сущности этих двух выделенных ею подразделений реальности. Прежде всего бросалось в глаза, что понятия мира (т. е. бытия, материи, природы, физического и т. п.) и сознания (т. е. познания, духа, идеального, ментального и т. п.) не поддаются привычному определению понятий, известному как определение через ближайший род и видовое отличие. Суть последнего заключается в том, что, желая определить какое-либо понятие, мы прежде всего должны подыскать более широкое по объему понятие (родовое), включающее в себя определяемое понятие в качестве одного из видов, а затем указать на признак или признаки, отличающие данное понятие от других видовых понятий, входящих в тот же род. Примеры: негроид есть человек (ближайший род), отличающийся темным цветом кожи, курчавыми волосами, средним развитием волосяного покрова на теле, прогнатизмом (выступанием верхней челюсти вперед), умеренно выступающими скулами, широким носом и толстыми губами (видовое отличие); студент — учащийся (ближайший род) высшего учебного заведения (видовое отличие).

Если подойти с чисто формальной точки зрения, то существует понятие более широкое, чем понятия мира и сознания. Ведь и мир, и сознание существуют, а раз так, то они могут быть объединены под общим названием существующего, реальности, бытия. Действительно, слово «реальность» часто применяется в философской литературе для обозначения всего существующего, независимо от того, как оно существует (именно в этом смысле оно использовалось мною выше). Что же касается слова «бытие», то оно имеет два разных смысла. Одно его значение — вид реальности, качественно отличный от сознания и противостоящий ему. Оно наиболее распространено, и именно в этом смысле слово «бытие» использовалось выше. Другой, более широ-

кий смысл этого слова — всё существующее, независимо от характера своего существования. Именно в силу многозначности слова «бытие» я и выбрал в качестве термина, обозначающего отличную от сознания реальность, слово «мир», хотя и оно тоже далеко не однозначно.

Таким образом, получается, что существует понятие более широкое, чем понятия мира и сознания, — понятие реальности, бытия (во втором его значении). Но всё дело в том, что наличие такого понятия ни в малейшей степени не помогает определить понятия «мир» и «сознание». Сказать, что «мир» и «сознание» суть две формы реальности, две формы бытия, означает констатировать, что и то и другое существует, и больше ничего. А это было ясно с самого начала. Никакие операции со словами «реальность», «бытие» (в широком смысле) не проливают и не могут пролить никакого света на природу понятий «мир» и «сознание».

Всё это относится и ко всем другим предельно общим понятиям, которые обычно называют категориями. Многие категории, как и две рассматриваемые, существуют парами: отдельное и общее, явление и сущность, случайность и необходимость, возможность и действительность, форма и содержание и т. п.

И раскрыть сущность этих парных категорий можно только путем выявления отношения между ними.

Это относится и к категориям «мир» и «сознание». Но есть и разница. Обычно парные категории равны по значению: ни одна из них не является производной от другой. Иное дело рассматриваемые категории. Они являются отражениями двух видов реальности, одна из которых является первичной, а другая — вторичной, производной от первой. Определить эти понятия — значит дать ответ на вопрос, что мы принимаем за первичное — мир или сознание.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой, которая в марксистской философской литературе всегда именовалась *основным вопросом философии*. Так она была названа в работе одного из основопо-

ложников марксизма Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886). *Основной вопрос философии* есть вопрос об отношении мира и сознания.

2. Основной вопрос философии: существует ли он?

Уже в годы перестройки в СССР (1985–1991), а тем более в постсоветское время нашлись люди, именовавшие себя философами, которые заявили, что вопрос, который Ф. Энгельс назвал основным для философии, ни в каком отношении таковым не является. Если бы Ф. Энгельс этого не сказал, то никому даже из числа марксистов, не говоря уже об остальных философах, не пришло бы в голову, что этот вопрос является основным для философии. «Свою работу, — заявил, например, кандидат философских и доктор филологических наук Виталий Иванович Свинцов (1928–1999), — Энгельс написал по вполне конкретному поводу. Не появившись годом раньше книга Карла Штарке „Людвиг Фейербах“, откликом на которую стало сочинение Энгельса, — допустимо предположение, что мы никогда бы не узнали о необходимости выделить из многочисленных вопросов, волновавших и волнующих философию, единственный и возвести его в ранг основного»¹.

Чтобы понять всю нелепость такого предположения, достаточно привести слова, сказанные в 1876 г., т. е. за девять лет до появления книги К. Штарке и за десять лет до выхода работы Ф. Энгельса. «Вопрос, кому принадлежит первенство — духу или материи, — писал уже известный нам И. Дицген, — есть великий общий вопрос об истинном пути законного начала и о законном пути к истине»². В других местах эта проблема прямо названа

---

¹ Свинцов В. И. Партийна ли философия? // Новый мир. 1990. № 8. С. 261. См. также: Свинцов В. И. Основной вопрос философии // Общественные науки и современность. 1995. № 4.

² Дицген И. Философия социал-демократии // Дицген И. Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 292.

им «основным вопросом», «самым кардинальным» вопросом философии¹.

В. И. Свинцов далеко не одинок. На путь отрицания положения о том, что проблема отношения духа и мира является основным вопросом философии, встали и многие другие бывшие советские философы. «Динамика понимания субстанции, — писал доктор философских наук Александр Самойлович Ахиезер (1929–2007), — приводит к тому, что теряет свое значение так называемый основной вопрос философии, выдвигавший на первый план оценку философствования с точки зрения ее ориентации на материальную или идеальную субстанции. Разумеется, такая альтернатива существует, но в историческом движении мысли она оказалась оттесненной на периферию философствования»².

Доктор философских наук Александр Леонидович Никифоров, категорически заявляя, что «никакого особого „основного вопроса“ в философии нет и не может быть»³, пытается обосновать этот тезис ссылкой как на историю, так и на современное состояние философии. Но в отношении истории философии у него ничего не получается. Собственно, все философы, открыто выступающие против признания проблемы отношения сознания и мира основным вопросом философии, лишь демонстрируют свое дремучее невежество в этой области знания.

В постсоветское время к числу опровергателей положения о том, что основным вопросом философии является вопрос об отношении мира и сознания, присоединился академик Теодор Ильич Ойзерман (1914–2017). Если относительно упомянутых выше лиц неизвестно, какой точки зрения по этому вопросу они придерживались ранее, то названный именитый философ в прошлом был ярким приверженцем ныне опровергаемого им

---

¹ Дицген И. Философия социал-демократии // Дицген И. Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 292, 297, 300.

² Ахиезер А. С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 15.

³ Никифоров А. Л. Природа философии. Основы философии. М., 2001. С. 82.

взгляда. В специальной статье «Основной вопрос философии и критика современного идеализма» (1960), а также в монографиях «Проблемы историко-философской науки» (1969) и книге «Главные философские направления» (1971, 1984) он посвятил немало страниц обоснованию положения о том, что вопрос соотношения мира и сознания является основным вопросом философии, и критике буржуазных философов, отвергающих этот тезис. «Основной вопрос философии, — писал он, — является *важнейшим*, ибо то или иное его решение является *теоретически исходным пунктом* любого философского учения, определяет принадлежность этого учения к одной из основных философских партий»¹.

По-видимому, именно в силу такого своего крамольного прошлого данный автор принял иную тактику борьбы. Он соглашается с тем, что означенный вопрос действительно является основным вопросом философии, но к этому присовокупляет, что, будучи безусловно основным, этот вопрос не является единственным основным вопросом философии, что помимо этого основного вопроса у философии имеется много других также основных вопросов. Тактика известная: как говорил когда-то герой рассказа Г. Честертона «Сломанная шпага», умный человек прячет камешек на морском берегу, а лист — в лесу. Ведь каждому здравомыслящему человеку понятно, что если у философии существует множество в равной степени основных вопросов, то это означает, что у нее вообще нет ни одного основного вопроса. Ведь основным может быть назван только такой вопрос, от решения которого прямо или косвенно зависит решение если не всех, то во всяком случае большинства философских проблем.

С самым же удивительным мы сталкиваемся, когда знакомимся с составленным Т. И. Ойзерманом перечнем основных вопросов философии. Хотя Т. И. Ойзерман, как он сам признавался,

---

¹ Ойзерман Т. И. Основной вопрос философии и критика современного идеализма // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 148.

был в прежние времена «закоренелым догматиком»¹, всё же ни в уме, ни в знании истории философии ему нельзя было отказать. Новые же его работы вынуждают усомниться в наличии у него и того, и другого.

Рассмотрение основных вопросов философии он начинает с утверждения: «...Принципиальное разграничение субъективного и объективного (субъекта и объекта), выяснение отношения между ними, познание того, что в действительности субъективно, а что объективно и составляет первый основополагающий (изначальный) вопрос всей философии»². Итак, по Ойзерману первый основной вопрос философии есть вопрос об отношении субъективного и объективного. Но ведь это же вовсе не новый вопрос, отличный от основного вопроса философии в привычном смысле, т. е. вопроса об отношении сознания и мира, а просто-напросто иная его формулировка, и ничего более. Именно так формулировал его, например, Ф. Шеллинг.

Второй основной, но не изначальный, по Ойзерману, в отличие от приведенного выше, вопрос — это вопрос об отношении мышления и бытия. Нетрудно заметить, что здесь перед нами всего-навсего одна из формулировок основного вопроса философии в понимании Ф. Энгельса. Тут же Т. И. Ойзерман обрушивается на положение В. И. Ленина о борьбе в истории философии материализма и идеализма. По его мнению, никакой такой борьбы не было. Если в философии и шла когда-нибудь борьба, то между различными идеалистическими учениями³.

Т. И. Ойзерман выступает с критикой положения Ф. Энгельса о том, что основной вопрос философии имеет две стороны, и второй его стороной является вопрос о познаваемости мира. В действительности же, по его мнению, последний является не только

---

¹ См.: Ойзерман Т. И. Самокритика марксизма — категорический императив интеллектуальной честности // Ойзерман Т. И. Проблемы: Социально-политические и философские очерки. М., 2006. С. 8.

² Ойзерман Т. И. Основные вопросы философии // Там же. С. 443.

³ Там же. С. 444–445.

вполне самостоятельным, но и третьим по счету основным вопросом философии. С тем, что вопрос о познаваемости мира есть не сторона основного вопроса философии, а особый вопрос, вполне можно согласиться. Я этого взгляда придерживался еще тогда, когда Т. И. Ойзерман был «закоренелым догматиком» и всячески восхвалял критикуемое здесь положение Ф. Энгельса. Но вот принять его утверждение, что этот вопрос «не имеет... никакого отношения к противоположности между материализмом и идеализмом»¹ невозможно. Вопрос о познаваемости мира неразрывно связан с вопросом о том, что представляет собой познание, и как оно относится к миру. А последний и есть основной вопрос философии в привычном понимании. Именно от решения этого вопроса и зависит понимание и познания, и познаваемости мира.

«...Есть же один, — продолжает Т. И. Ойзерман, — четвертый основной вопрос философии, который занимает центральное место в ряде выдающихся философских учений. Я имею в виду философский реализм, который выступает как против материализма, так и идеализма»². Далее следует несколько страниц рассуждений, из которых совершенно невозможно понять, о каком, собственно, вопросе — неважно, основном или неосновном — идет речь. Объясняется это прежде всего тем, что под названием «философского реализма» автор объединяет несколько разных философских учений.

К «философским реалистам» Т. И. Ойзерман относит Аристотеля и Фому Аквинского на том основании, что они признавали существование независимого от познающего субъекта объективного мира. Но кому неизвестно, что и тот, и другой были не какими-то стоящими над материализмом и идеализмом «философскими реалистами», а обычными объективными идеалистами? Ведь сам же Т. И. Ойзерман, объявляя Аристотеля «философским

---

¹ Там же. С. 452.

² Там же. С. 452.

реалистом», одновременно именует его и идеалистом. Нужно ли напоминать, что все объективные идеалисты различают два вида духа: дух объективный и дух субъективный, человеческий. Мир, согласно их учению, существуя независимо от субъективного духа, зависит от духа объективного. У Фомы Аквинского объективный дух (бог) есть творец мира. Поэтому представить его в роли борца не только против материализма, но и против идеализма, каким он выступает у Т. И. Ойзермана, совершенно невозможно.

Переходя к характеристике взглядов более поздних «философских реалистов», Т. И. Ойзерман прежде всего упрекает Ф. Энгельса по меньшей мере в неточности за его утверждение, что материалисты принимали бытие за первичное, а мышление за вторичное; идеалисты же наоборот считали мышление первичным, а бытие вторичным. Уличая Ф. Энгельса в невежестве, он пишет, что «все создатели метафизических систем (а они в большинстве своем идеалисты) утверждали, что бытие первично и, конечно, духовно»¹. Не будем придирааться к утверждению, что и создатели материалистических метафизических систем считали бытие духовным. Это мелочь. Но неужели Т. И. Ойзерману неизвестно, что слово «бытие» в философии имело не одно, а несколько разных значений? Ф. Энгельс под бытием подразумевал то, что отлично от сознания, духа и противостоит сознанию, духу. Повидимому, предвидя появление рассматриваемой статьи Т. И. Ойзермана, он формулирует основной вопрос философии как вопрос об отношении не только мышления и бытия, но и духа и природы². Философы же, о которых выше пишет Т. И. Ойзерман, вкладывали в него совсем иной смысл: для них бытие есть существующее, причем такое, которое не только не противостоит духу, а тождественно последнему. Самое, пожалуй, забавное, что Т. И. Ойзерман, характеризовавший на 452-й странице этих философов

¹ Ойзерман Т. И. Основные вопросы философии. С. 455.

² См.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 283.

как борцов не только против материализма, тремя страницами ниже (с. 455) без всяких обиняков называет их идеалистами.

В качестве пятого основного вопроса философии Т. И. Ойзерман называет «вопрос об источнике наших восприятий и понятий, о специфических чертах процесса познания, о независимости от субъекта познания предметной реальности»¹. Здесь соединены по меньшей мере два разных, хотя и связанных между собой вопроса: об источнике познания и о существовании независимой от субъекта реальности. Решение первого из них теснейшим образом связано с решением основного вопроса философии в энгельсовском смысле, а второй из них, по сути, представляет собой еще одну формулировку последнего. Поэтому более чем нелепо звучит утверждение Т. И. Ойзермана, что «этот вопрос не находится в связи с вопросом о том, что первично — материя или сознание...»²

«...Шестой основной философский вопрос, — читаем мы дальше, — вопрос о свободе»³. Более точная формулировка — вопрос о свободе и необходимости. Но не так уже трудно понять, что он есть не что иное, как вопрос об отношении мира и сознания, взятый в полном его объеме, как вопрос об отношении мира и сознания, через посредство волевой человеческой деятельности активно воздействующей на этот мир и преобразующей его. Об этом в числе других писал в свое время выдающийся русский марксист Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) в работе «О развитии монистического взгляда на историю» (1895)⁴.

И, наконец, у Т. И. Ойзермана «появляется еще один, первостепенной важности основной философский вопрос — „человековедение“»⁵. Человековедение, конечно, никакой не вопрос, а

---

¹ Ойзерман Т. И. Указ. соч. С. 459.

² Там же.

³ Там же. С. 458.

⁴ См.: Плеханов Г. В. О развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г. В. Соч. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 141.

⁵ Ойзерман Т. И. Основные вопросы философии. С. 460–461.

обозначение совокупности знаний о человеке, которые добываются множеством наук. Философия тоже так или иначе занимается человеком, пытаясь прежде всего раскрыть его сущность. И понимание сущности человека, которое предлагается той или иной философской системой, зависит от того, как она решает основной вопрос философии. Хорошо известны слова К. Маркса: «Фейербах сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹. Это понимание сущности человека прямо вытекает из того решения основного вопроса философии, которое было дано диалектическим материализмом, являющимся материализмом и историческим.

В заключение Т. И. Ойзерман пишет: «Итак, тезис об одном единственном „высшем вопросе всей философии“ оказался мифом, развенчанным самим развитием философии»². Эта фраза привела в неописуемый восторг автора рецензии на данную книгу Т. И. Ойзермана, объявившего ее абсолютно верной³. В действительности всё обстоит как раз наоборот. Создателями мифов, опровергаемых всем развитием философии, являются все те, кто тем или иным способом пытается отвергнуть положение о существовании такого вопроса.

И как это ни печально, подобная точка зрения в силу чисто идеологических причин — неприязни к марксизму — получает всё более и более широкое распространение. Ярче всего это проявляется в современных учебных пособиях по философии. Правда, прямое отрицание существования такого вопроса встречается в них довольно редко⁴. Чаше всего он вообще не упоминается,

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 3.

² Ойзерман Т. И. Указ. соч. С. 461.

³ Федотова В. Г. Рец.: Ойзерман Т. И. Проблемы. Социально-политические и философские очерки. М., 2006 // Вопросы философии. 2007. № 7. С. 160.

⁴ См.: Бучило Н. Ф., Чумаков А. Н. Философия. Учебное пособие. 5-е изд. М., 2013.

а вместе с ним нередко и подразделение философских систем на материалистические и идеалистические¹. Исключений довольно мало².

Проблема отношения мира и сознания признавалась (хотя и не всегда открыто объявлялась) основной для философии не только И. Дицгеном и Ф. Энгельсом, но теми мыслителями, которые серьезно занимались философией, независимо от того, к какому ее направлению они примыкали. Беру наугад. Крупнейший представитель «первого» позитивизма Джон Стюарт Милль (1806–1873) в работе «Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсужденных в его творениях» (3-е изд., 1867) писал: «Каждый язык признает различие между мной самим, между Я и миром, материальным ли, спиритуальным ли, или обоими внешними ко мне, но о которых я могу в некотором виде и мере получить познание. Самые основные вопросы философии суть те, которые ищут определять, что именно мы способны знать об этих внешних объектах и в силу какой очевидности мы знаем это»³.

---

¹ См. например: Философия. Учебник / Под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной, В. П. Филатова. М., 1996; Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия. 3-е изд. М., СПб. и др., 2007; Хрусталева Ю. М. Философия. М., 2008; Философия. Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова. 6-е изд. М., 2011; Алексеев В. П., Панин А. В. Философия. Учебник. М., 2012; Голубинцев В. О., Данцев А. А., Любченко В. С. Философия для технических вузов. 6-е изд. Ростов-на-Дону, 2012; Горелов А. А. Философия. М., 2012; Канке В. Философия. Исторический и теоретический курс. 5-е изд. М., 2012; Кохановский В. П., Матяш Т. П., Яковлев В. П., Жаров Л. В. Основы философии. 13-е изд. М., 2012; Мананикова Е. Н. Философия. Учебное пособие. М., 2012; Марков Б. В. Философия для бакалавров и специалистов. М., СПб., 2012; Нижников С. А. Философия. Учебник. М., 2012; Основы философии. Учебник / Под ред. А. Н. Ерыгина. М., 2012; Петров В. П. Философия. Курс лекций. М., 2012; Сабиров В. Ш., Соина В. С. Основы философии. Учебник. М., 2012; Стрельник Г. Н. Философия. Краткий курс лекций. 2-е изд. М., 2012; Философия. Учебник / Под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. 6-е изд. М., 2012; Лешкевич Т. Г. Катаева О. В. Основы философии. Ростов-на-Дону, 2013.

² См., например: Аношин С. С. Основы философии: Учебное пособие. М., 2010; Гуревич П. С. Основы философии. М., 2011; Философия / Под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. 4-е изд. М., 2012; Философия. Учебник для бакалавров / Под ред. В. П. Лавриненко. 5-е изд. М., 2012; Волкогонова О. Д., Сидорова Н. М. Философия. М., 2013; Философия. Учебник для бакалавров / Под ред. А. А. Деминой. М., 2013.

³ Милль Дж. С. Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона. СПб., 1869. С. 5.

«Первая необходимая задача, вопрос, от которого мыслящей голове нельзя было отвертеться, — писал А. И. Герцен, — состоял в разрешении мышлением отношения самого мышления к бытию, к предмету, к истине вообще»¹.

Неокантианец Генрих Риккерт (1863–1936) в труде «Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания» (1892) прямо утверждал, что вопрос об отношении бытия и сознания есть «основная проблема теории познания»². Один из основоположников прагматизма Уильям Джеймс (1842–1910), перечисляя в работе «Введение в философию» (1910) проблемы, которыми занимается «метафизика», т. е. философия, на первое место ставит вопрос: «Что такое „мысли“ и что такое „вещи“ и как они связаны между собой?»³

Называвший себя агностиком Бертран Артур Уильям Рассел (1872–1970) начинает свою книгу «Проблемы философии» (1912), представляющую популярное введение в эту область знания, с размышления о столе, за которым он сидит и работает. «...Возникают, — пишет он, — два крайне трудных вопроса, именно: 1) существует ли вообще реальный стол и 2) если да, то какова его природа... Ясно, что если мы и знаем что-то о столе, то лишь содержание ощущений... Таким образом, возникает проблема об отношении между реальным столом, если таковой существует, и содержанием ощущений. Реальный предмет, если он существует, мы назовем „физическим предметом“. Нам предстает выяснить отношение содержания ощущений к физическому предмету. Совокупность всех физических предметов называется „материей“. И наши два вопроса могут быть выражены так: 1) существует ли материя? и 2) если да, то какова ее природа?»⁴ Спустя несколько

¹ Герцен А. И. Письма об изучении природы // Герцен А. И. Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1956. С. 254.

² Риккерт Г. Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания // Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 19–20.

³ Джеймс У. Введение в философию // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 22.

⁴ Рассел Б. Проблемы философии. СПб., 1914. С. 9.

страниц Б. Рассел снова возвращается к этой проблеме. «...Мы должны спросить себя: существует ли, в каком бы то ни было смысле, материя. Существует ли стол, обладающий известной, свойственной ему природой, продолжающий существовать, когда я на него и не смотрю, или же он является только продуктом моего воображения, сновидением долго длящегося сна. Это вопрос величайшей важности»¹.

Ту же мысль проводит он и в своей «Истории западной философии» (1948). Перечисляя вопросы, которыми занимается философия, он в качестве самого первого из них называет: «Разделен ли мир на дух и материю, а если да, то что такое дух и что такое материя?»²

Американский профессор Роберт Пол Вольф в своем учебном пособии, носящем название «О философии» (1989), пишет: «Прежде всего существует основной вопрос: что представляют собой вещи, которые существуют? Каковы категории, в которых может быть обозначено что-либо, что существует: физические тела в пространстве? Духи?»³ Другой американский профессор, Томас Нагель, в книге «Что всё это значит? Очень краткое введение в философию» (1987) в качестве первой философской проблемы называет «знание о мире, существующем за пределами нашего сознания»⁴.

Современный британский философ Стивен Прист в первых строках своей «Теории сознания» (1991) ставит вопрос: «Являетесь ли вы сложным физическим объектом? Если нет, то, может быть, вы являетесь сознанием? А если так, то что такое сознание? Каково именно отношение между сознанием и телом?... Одна из наиболее фундаментальных проблем, с которыми мы сталкиваемся, пытаясь узнать, кто мы есть, это проблема сознания и тела:

---

¹ Там же. С. 13.

² Рассел Б. История западной философии. Т. 1. М., 1993. С. 7.

³ Вольф Р. П. О философии. М., 1996. С. 318.

⁴ Нагель Т. Что всё это значит? Очень краткое введение в философию. М., 2001. С. 17.

проблема, как правильно установить отношение между ментальным и физическим, или между сознанием и телом»¹. Этот ряд утверждений можно было бы без особого труда продолжить, но и сказанного вполне достаточно.

Добавлю лишь высказывание крупнейшего немецкого физика Арнольда Зоммерфельда (1886–1951), который заведомо никогда не слушал курса марксистской философии и вряд ли был знаком с упомянутой выше работой Ф. Энгельса. Говоря о выявлении физикой дуализма волны и частицы, он писал, что это открытие «является полезным вкладом в решение основного вопроса общей философии — старого вопроса об соотношении между материей и духом, между телесным и духовным»².

3. Философия как самый общий взгляд на мир (природу и общество). Натурфилософия, онтология и социальная философия (философия истории)

Определить мир (т. е. материю, бытие и т. п.) и сознание (т. е. мышление, дух и т. п.) можно только одним-единственным способом: раскрыть отношения между ними, указать, какая из этих видов реальности является первичной и какая вторичной, производной. А это означает, что нельзя определить мир, не дав одновременно определения сознанию, нельзя определить сознание, не дав одновременно определения миру. Поэтому философия, являясь наукой о познании истины прежде всего о мире, не может не быть одновременно и *самым общим взглядом на мир, т. е. самым общим, предельно общим мировоззрением*. Это, кстати говоря, прекрасно понимали названные выше Э. В. Ильенков и В. И. Коровиков. «Делая своим предметом теоретическое мышление,

¹ Прист С. Теории сознания. М., 2000. С. 17.

² Зоммерфельд А. Философия и физика после 1900 г. // Зоммерфельд А. Пути познания в физике. М., 1973. С. 124.

процесс познания, — писали они в своих тезисах о предмете философии, — философия включает в свое рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия»¹.

Всякая философия включает в себя в качестве одного из своих моментов, кроме теории познания, и самое общее учение о мире, которое обычно именуется *онтологией* (от греч. *ὄντος* — сущее, *λόγος* — учение). Но нельзя отождествлять онтологию с натурфилософией.

Было время, когда наука еще не оформилась, когда она занималась не столько систематизацией знаний, сколько собиранием и накоплением фактов. Многие области мира находились вне сферы научного исследования. В научном знании была масса пробелов. Поэтому наука была не в состоянии дать целостную картину мира.

И тогда на помощь ей приходила философия. Заполняя своей фантазией белые пятна в знании о мире, философы создавали более или менее единую картину действительности. Этот раздел философии именовался *философией природы*, или *натурфилософией* (от лат. *natura* — природа).

«Дать такого рода общую картину мира, — писал Ф. Энгельс, — было прежде всего задачей так называемой натурфилософии, которая могла это делать только таким образом, что заменяла еще неизвестные действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, дополняя действительные пробелы лишь в воображении. При этом ею были высказаны многие гениальные мысли и предугаданы многие позднейшие открытия, но немало также было наговорено и вздора»².

В эпоху поздней классики и эллинизма онтология и натурфилософия нередко объединялись под названием *физики* (от греч.

---

¹ Цит.: Косичев А. Д. Философия. Время. Люди. Воспоминания и размышления декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2007. С. 236.

² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С. 304–305.

φύσις — природа) и противопоставлялись теории познания, включающей в себя учение о мышлении, — *логику* (от греч. *λόγος* — понятие, мысль, разум) или *канонику* (от греч. *κανόνας* — правило, предписание). Третьей частью философии считалась *этика* (от греч. *ἔθιμο* — обычай, характер) — учение об обществе и человеке.

Впервые это подразделение философии на три части было введено, по-видимому, учеником Платона — Ксенократом из Халкедона (395–314 до н. э.). В последующем оно легло в основу систем эпикурейцев и стоиков.

С развитием науки стало возможным создание научной картины мира. В результате натурфилософия потеряла право на существование, и ей с неизбежностью пришел конец. «Всякая попытка воскресить ее, — подчеркивал Ф. Энгельс, — не только была бы излишней, а была бы шагом назад»¹.

Но как ни странно, и в наше время имеется немало философов, которые призывают возродить ее². Даже появляются учебники, в которых натурфилософия фигурирует в качестве особого раздела современной философии³. Однако все попытки реанимировать натурфилософию обречены на неудачу.

Но если натурфилософия навсегда исчезла, то онтология сохранилась. Она занимается проблемами, относящимися не прямо к познанию, а к миру, но только такими, без решения которых невозможна разработка теории познания, гносеологии.

Таковы, например, проблемы общего и отдельного, без решения которых нельзя понять отношение чувственного познания и мышления, без обращения к которым невозможно выявление природы понятий, а тем самым и мышления, проблемы необхо-

---

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С. 305.

² См., например: Карпинский Р. С., Моисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционистская стратегия. М., 1995; Гайденок П. П. Научная рациональность и философский разум // Судьбы естествознания: современные дискуссии. М., 2000. С. 20; Философия природы сегодня. М., 2008 и др.

³ Бучило Н. Ф., Чумаков А. П. Философия. Учебное пособие. 5-е изд. М., 2012.

димости и случайности (предопределенности и неопределенности). Ее разрешение дает ключ к пониманию свободы воли и вообще свободы человека.

Тем, кому трудно понять совмещение в одной науке теории познания и общего взгляда на мир, необходимо принять во внимание, что гносеология исследует процесс постижения истины о мире. И естественно, что невозможно создать теорию познания мира, не обращаясь к объекту познания — самому миру. Если спросить любого человека, пытающегося обрести целостное мировоззрение, в чем ценность последнего, он без долгого раздумья скажет, что обладание им дает возможность лучше разобраться во всём существующем. И разбираться, разумеется, не руками, а головой, мыслями. Таким образом, суть предельного общего мировоззрения заключается в том, что вооружает человека общим методом познания. Истинным методом мышления может быть только система понятий, отражающих самые общие, предельно общие формы существования и движения мира, которые принято называть категориями диалектики.

Мир не сводится к природе. Он включает в себя и общество. Поэтому философия, являясь предельно общим воззрением на мир, неизбежно включает предельно общий взгляд на общество и его историю. Эту предельно общую концепцию общества и его истории принято называть *социальной философией (социософией)*, или *философией истории (историософией)*. В античности эта часть философии носила название этики.

Но главное основание для включения общего взгляда на общество в философию состоит вовсе не в том, что философия есть предельно общее мировоззрение, а общество — часть мира. Во всём предшествующем изложении при рассмотрении основного вопроса философии понятие сознания не конкретизировалось.

Теперь в этом возникла нужда. Сознание всегда носит общественный характер, является общественным сознанием. Слово сочетание «общественное сознание» имеет два несколько

отличных значений. Первое — совокупность всех вообще представлений людей о мире, включая и их знания о природе. Это общественное сознание в широком смысле. Физика, конечно, представляет собой отражение только природы, но никак не общества. Однако сама она, безусловно, — общественное явление. И в этом смысле физика относится к общественному сознанию в широком значении.

Второе значение словосочетания «общественное сознание» — представления людей исключительно лишь об общественных явлениях. Это общественное сознание в узком смысле.

В последующем изложении, во избежание недоразумений, я буду употреблять термин «общественное сознание» только в широком смысле. Для обозначения совокупности представлений людей об обществе я буду использовать термин *«социарное сознание»*, а их взглядов на природу — *«натурарное сознание»*. Конечно, грань между социарным и натурарным сознанием относительна, но она, тем не менее, существует.

Натурарному сознанию противостоит природа, которая предстает перед человеком как огромное множество чувствозримых вещей. Соответственно, социарному сознанию противостоит общество. Но в отличие от природы оно не чувствозримо, его нельзя ни увидеть, ни пощупать. Увидеть можно только людей и окружающие их вещи.

Поэтому если в существовании природы никто из философов никогда не сомневался, то иначе обстоит дело с обществом. Имеется целое направление, именуемое «социологическим номинализмом», — учение о том, что никакого общества как особого образования вообще нет, а существуют лишь люди, индивиды. Такого взгляда придерживались и придерживаются немало философов, социологов и историков (Н. И. Кареев, М. Вебер, Ф. А. фон Хайек, Л. фон Мизес, К. Р. Поппер, Р. Будон и др.).

Наиболее ярко такой взгляд выражен в предисловии Д. Антисери и Л. Инфантино к сборнику работ Ф. Хайека. *«Не существует ни классов, ни общества как такового, — категорически утверждают*

они, — *существуют лишь индивиды*»¹. Иначе говоря, с точки зрения социологических номиналистов, если социальное и существует, то оно сводится к социарному сознанию, является полностью духовным.

Кроме «социологического номинализма» существует и «социологический реализм», или «социологический субстанциализм», рассматривающий общество как особое целостное образование, ни в коем случае не сводимое к простой совокупности индивидов. Несомненным для них было существование социарного сознания, т. е. духовного социального. И перед ними вставал вопрос: а существует ли в обществе что-то независимое от сознания и определяющее его, т. е. объективно-реальное, а если существует, то что оно собой представляет? И от решения этой проблемы, т. е. основного вопроса философии применительно к обществу, зависело понимание природы общества и тем самым социального. А такое понимание было настоятельно необходимо для исследования познания. Ведь философия есть наука о разумном мышлении. Мышление же в сущности своей — явление социальное. Поэтому подлинная наука философия должна включать в себя предельно общий взгляд на социальное, т. е. на общество и его историю.

Нередко социальную философию, которая одновременно является философией истории, понимают как общую теорию общества и истории. С этим трудно согласиться. Социоисториософия ограничивается одной проблемой — решением основного вопроса философии применительно к обществу, и только. Всеми остальными общими проблемами общества и его истории занимается общая теоретическая социология, она же и общая теоретическая историология. Существуют также частная теоретическая социоло-

---

¹ Хайек Ф. А. фон. Познание, конкуренция и свобода. Антология сочинений. СПб., 1999. С. 43. Подробнее о «социологическом номинализме» см.: Семенов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 15–17; Он же. Философия истории. М., 2013. С. 26 сл.

гия и частная теоретическая историология. По отношению к ним социоисториософия выступает как общий метод познания общества и истории.

4. Главные ответы на основной вопрос философии: материалистический и идеалистический

На основной вопрос философии можно дать разные ответы. Из них два являются основными. *Первый* состоит в признании мира, материи, бытия, физического первичным, а сознания, духовного, идеального, мысленного (ментального) — вторичным, производным. Философы, придерживающиеся такого взгляда, принадлежат к направлению, которое принято именовать *материализмом*. *Второй основной ответ*: сознание, идеальное, духовное — первично, а мир, материя, природа — вторично, производно. Это направление принято называть *идеализмом*. Другое название — *спиритуализм* (от лат. *spiritus* — дух, душа, *spiritualis* — духовное).

Те же самые люди, которые в перестроечное время выступили против признания проблемы отношения мира и сознания основным вопросом философии, естественно, столь же энергично осудили и положение, согласно которому материализм и идеализм представляют собой два основных направления в развитии философской мысли. Уже известный нам В. И. Свинцов утверждал, что эта идея «вела к столь же любопытной, сколь и примитивной истории философских учений»¹ и что «надуманность и непродуктивность такого подхода к философии особенно очевидна по отношению к новейшим философским направлениям»². «Как и прежде, — вторит ему А. Л. Никифоров, — подавляющее большинство философов совершенно не касаются вопроса об отношении мышления к бытию, поэтому, когда мы пытаемся

¹ Свинцов В. И. Указ. соч. С. 261–262.

² Там же. С. 263.

понять их воззрения, опираясь на порождаемую этим вопросом классификационную схему, мы, как правило, получаем чрезвычайно плоскую, бедную и искаженную картину — карикатурный образ врага, которого легко и приятно громить»¹.

Другой бывший советский философ Виктор Алексеевич Вазюлин (1933–2012) категорически заявляет, что «сейчас постепенно вызревают такие условия, когда вопрос об идеализме и материализме перестанет быть актуальным»². И в данном случае подобного рода критики демонстрируют свое дремучее невежество в области философии и ее истории.

Существование двух основных направлений в философии — идеалистического и материалистического — достаточно четко было осознано еще Платоном. В диалоге «Софист» он вкладывает в уста одного из участников — Чужеземца — слова о том, что в философии «происходит нечто вроде борьбы гигантов из-за спора друг с другом о бытии». Далее следует пояснение:

«Тезет: Как так?

Чужеземец: Одни всё совлекают с неба и из области невидимого на землю, как бы обнимая руками дубы и скалы. Ухватившись за всё подобное, они утверждают, будто существует только то, что допускает прикосновение и осязание, и признают тела и бытие за одно и то же, всех же тех, кто говорит, что существует нечто бестелесное, они обливают презрением, более ничего не желая слышать.

Тезет: Ты назвал ужасных людей; ведь со многими из них случалось встречаться и мне.

Чужеземец: Поэтому-то те, кто с ними вступают в спор, пренебрежительно защищаются как бы сверху, откуда-то из невидимого, решительно настаивая на том, что истинное бытие — это некие умопостигаемые и бестелесные идеи; тела же, о которых

---

¹ Никифоров А. Л. Природа философии. Основы философии. М., 2001. С. 91.

² Вазюлин В. А. О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма // Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 402.

говорят эти люди, и то, что они называют истиной, они, разлагая в своих рассуждениях на мелкие части, называют не бытием, а чем-то подвижным, становлением. Относительно этого между двумя сторонами, Теэтет, всегда происходит сильнейшая борьба.

Теэтет: Правильно.

Чужеземец: Значит нам надо потребовать от обеих сторон порознь объяснения, что они считают бытием.

Теэтет: Как же мы будем его требовать?

Чужеземец: От тех, кто полагает бытие в идеях, легче его получить, так как они более кротки, от тех же, что насильственно сводит всё к телу, — труднее, да, может быть, и почти невозможно. Однако мне кажется, что с ними следует поступать так...

Теэтет: Как?

Чужеземец: Всего бы лучше исправить их делами, если бы только это было возможно; если же так не удастся, то мы сделаем это при помощи рассуждений, предположив у них желание ответить нам более правильно, чем доселе. То, что признано лучшими людьми, сильнее того, что признано худшими. Впрочем, мы займемся не о них, но ищем лишь истину»¹.

Активным участником этой борьбы являлся и сам Платон. Все его симпатии, разумеется, на стороне тех «лучших людей», которые отстаивают первичность идей. Он ярый враг тех «ужасных людей», которые насильственно всё сводят к телу. Особенно ненавистен Платону был атомистический материализм Демокрита (460–370 до н. э.). Как сообщал в своих «Исторических записках» ученик Аристотеля Аристоксен (ок. 374–310 до н. э.), Платон хотел собрать все сочинения Демокрита и сжечь их. Помешали ему пифагорейцы Амикл и Клиний, указав, что это бесполезно: книги Демокрита уже у многих на руках². Трудно сказать, насколько этот рассказ достоверен. Во всяком случае, он отвечает установке Платона на борьбу против материалистов не только

¹ См.: Платон. Софист // Платон. Соч.: В 3 т. Т. 2. С. 364–365.

² См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 371.

словом, но и делом. Приведа указанное сообщение Аристоксена в книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», Диоген Лаэртский (конец II – первая половина III в.), добавляет от себя: «И неудивительно: ведь Платон, упоминая почти всех древних философов, Демокрита не упоминает нигде, даже там, где надо было бы возражать ему; ясно, что он понимал: спорить ему предстояло с лучшим из философов»¹.

Как явствует из приведенного выше, по Платону, в основе различия двух выделенных им направлений философской мысли лежит прямо противоположное решение вопроса об отношении между идеями и телами. Таким образом, помимо всего прочего, уже у Платона достаточно четко проступает понимание того, что вопрос о том, что первично — идеи или тела, — является главной проблемой философии, от решения которой в значительной степени зависит решение всех остальных ее проблем.

В совершенно отчетливой форме понимание того, что проблема отношения мира и сознания, вещей и мыслей является основным вопросом философии, и что то или иное решение ее лежит в основе разделения философов на два противоположных лагеря, демонстрируется в работах И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля.

«В опыте, — писал первый из них, — неразрывно связаны друг с другом *вещь*, — то, что должно быть определено независимо от нашей свободы и на что должно быть направлено наше познание, и *интеллигенция*, т. е. то, что должно познавать. Философ может отвлекаться от того или от другого; тем самым он отвлекается от опыта и возвышается над ним. Если он отвлекается от вещи, то в качестве основы объяснения опыта у него остается интеллигенция *в себе*, т. е. отвлеченная от ее отношения к опыту; если он отвлекается от последней, то у него получается вещь *в себе*, т. е. отвлеченная от того, что она встречается в опыте. Первый образ мысли называется *идеализмом*, второй — *догматизмом*. Возможны, — в чем должно убедить настоящее исследование, —

---

¹ Там же. С. 371–372.

лишь эти две философские системы. Согласно первой системе, сопровождающиеся чувством необходимости представления суть продукты предполагаемой в основе их интеллигенции, согласно последней — продукты предполагаемой в основе их вещи в себе»¹.

Подчеркнув в последующем изложении, что «последовательный догматик — неизбежно материалист»², Фихте снова совершенно четко формулирует свою точку зрения на различие между двумя философскими направлениями: «Спор между идеалистом и догматиком, собственно, сводится к тому, должна ли самостоятельность вещи быть принесена в жертву самостоятельности Я, или наоборот, самостоятельность Я — самостоятельности вещи»³.

В последующих работах И. Г. Фихте заменяет слово «догматизм» словом «материализм». «Здесь явно обнаруживается, — пишет он, — отличие нашей системы от той, которая признает существование чувственных вещей в себе и кладет их в основание сознания; мы не придаем ей двусмысленного названия догматизма, а будем называть ее материализмом, против чего она, оставаясь последовательной, ничего не может иметь. Материализм утверждает: в установленных до сих пор объективных представлениях мира изображает себя чувственный мир; мы же, напротив, утверждаем, что в этих представлениях... изображает себя жизнь самого сознания... Различие этих утверждений бросается в глаза. Но спрашивается, в чем, собственно, главный пункт этого спора? В следующем: материализм предполагает, что вещи обосновывают вообще жизнь сознания. В этом-то мы с ними и не согласны»⁴.

Указав, что в нашем знании субъективное и объективное объединены, уже известный нам Ф. Шеллинг продолжал: «*Пытаясь объяснить* эту тождественность, я уже обязан ее *преодолеть*. Ввиду этого в целях объяснения, поскольку кроме этих двух фак-

¹ Фихте И. Г. Первое введение в наукоучение // Фихте И. Г. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1916. С. 416.

² Там же. С. 421.

³ Там же. С. 422.

⁴ Фихте И. Г. Факты сознания // Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. Мн., 2000. С. 474–475.

торов знания (в качестве принципа объяснения) тут не дано больше ничего, мне неизбежно приходится одно *предпосылать* другому, *исходить* из одного, чтобы достичь другого; но что из двух нужно брать за исходное — это не предопределяется нашим заданием. Следовательно, возможны лишь два случая. А. Либо за *первичное* принимается *объективное* и спрашивается, как *приходит* сюда *субъективное*, *долженствующее согласоваться* с *последним*... В. Но можно также *субъективное* брать за *первичное*, и тогда задача сведется к выяснению того, откуда берется *согласующаяся* с этой *первичностью* *объективность*... Вообще всякая философия должна сводиться к тому, что *либо* природа делается *интеллигенцией*, *либо* *интеллигенция* *природой*»¹.

Как писал Г. Гегель, когда философы осознали противоположность между мышлением и природой, духом и бытием, они пытаются раскрыть их связь и единство. «...Но, — продолжает он, — путь, которым мыслительно создается это единство, двояк. Философия поэтому распадается на две основные формы разрешения этой противоположности, реалистическую и идеалистическую философию, т. е. на философию, заставляющую возникнуть объективность и содержание мысли из восприятия, и философию, исходящую в своем искании из самостоятельности мышления... Первое направление, *реализм*, является философией *опыта*... Деятельность этого первого направления имеет своим объектом прежде всего физическую природу, из наблюдения над которой извлекают законы и на этом базисе основывают знание... Второе направление, *идеализм*, исходит вообще из внутреннего. Согласно этому направлению, всё присутствует в мышлении, сам дух является всем содержанием знания... То, что там черпается из *опыта*, здесь черпают из *мышления a priori*...»²

¹ Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. Л., 1936. С. 11–12, 14–15.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3 // Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 11. М.; Л., 1935. С. 208–210. См. также: Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1971. С. 79–80.

Сознавал суть различия между материализмом и идеализмом и русский религиозный философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948). «Возможны, — писал он, — разнообразные классификации типов философии. Но через всю историю философской мысли проходит различие двух типов философии. Двойственность начал проникает всю философию и эта двойственность видна в решении основных проблем философии... Два типа философии я бы предложил расположить по следующим проблемам: 1) Примат свободы над бытием и примат бытия над свободой, это первое и самое главное...»¹

Английский философ-идеалист Джордж Беркли (1685–1753) не только прекрасно понимал, что в философии существуют два противоположных направления, между которыми идет борьба, но и открыто объявлял себя непримиримым противником материализма. «...На основе учения о материи, или телесной субстанции, — писал он, — воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии»². И его главная работа «Трактат о принципах человеческого знания» (1710) посвящена доказательству того, что материи нет и быть не может. «Материя, — утверждает Дж. Беркли, — раз она будет изгнана из природы, уносит с собой столько скептических и безбожных построений, такое невероятное количество споров и запутанных вопросов, которые были бельмом в глазу для теологов и философов; материя причиняла столько бесплодного труда роду человеческому, что если бы даже те доводы, которые мы выдвинули против нее, были признаны недостаточно доказательными (что до меня, то я их считаю вполне очевидными), то всё же я уверен, что все друзья истины, мира и религии имеют основания желать, чтобы эти доводы были признаны достаточными»³.

¹ Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж, 1931. С. 25.

² Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Соч. М., 1978. С. 213.

³ Там же. С. 215.

Признавали существование двух основных направлений в философии и важность борьбы между ними для ее развития и те естествоиспытатели, которые много бились над философскими проблемами. «Борьба за примат формы, образа, идеи, на одной стороне, над материей, материально сущим — на другой; или, наоборот, материи над образом, следовательно, борьба между материализмом и идеализмом, — писал В. Гейзенберг, — всё снова и снова приводит в движение в истории философии человеческое мышление»¹. Физик В. Гейзенберг это знает, а числящийся в специалистах по истории философии Т. И. Ойзерман начисто это забывал.

Таким образом, когда Ф. Энгельс объявил проблему отношения материи и духа основным вопросом философии, а материализм и идеализм — главными ее направлениями, то он не открыл ничего принципиально нового. Это было известно и до него. Он дал лишь свою очень четкую формулировку, найдя самые подходящие слова — основной вопрос философии, — и не более.

---

¹ Гейзенберг В. Открытие Планка и основные философские вопросы учения о атомах // Вопросы философии. 1958. № 11. С. 62.

Глава 3

Главные направления в философии

1. Материализм: его онтология и гносеология

Суть материализма заключается в признании того, что мир существует вне сознания и независимо от сознания, т. е. объективно. Слово *объективное* в первом и основном его значении означает *существующее вне сознания и независимо от сознания*. С точки зрения материалистов, мир есть не просто реальность, а *объективная реальность*, т. е. реальность, существующая вне и независимо от сознания и отражающаяся в нем. Именно эту объективную реальность, отражающуюся в сознании, материалисты называют *материей*. Разные материалисты приписывали материи целый ряд признаков, которые считали обязательными (вещественность, непроницаемость, делимость, способность иметь фигуру и т. п.). Однако единственный всеобщий признак материи, с признанием которого связан материализм, — ее «свойство» существовать вне и независимо от сознания. Остальные свойства присущи не материи в целом, а только тем или иным существованиям. К такому пониманию материи близко подошел еще крупнейший французский материалист XVIII в. П. Гольбах (1723–1789). «...По отношению к нам, — писал он в труде „Система природы“ (1770), — материя вообще есть всё то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства, а качества, приписываемые нами различным веществам (*matières*), основываются на различных впечатлениях, или изменениях, производимых в нас этими веществами»¹. Однако это не мешало ему в других местах

---

¹ Гольбах П. А. Система природы... С. 84–85.

той же самой книги приписывать материи и иные обязательно присущие ей свойства.

Совершенно последовательным в этом вопросе был крупнейший представитель марксистской философии Владимир Ильич Ленин (1870–1924). В своем основном философском труде «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) он писал: «...Единственное „свойство“ материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания»¹. «...Понятие материи, — подчеркивал он в другом месте той же работы, — как мы уже говорили, не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отражаемая им»².

Мир выступает перед сознанием человека как совокупность самых разнообразных явлений. Между этими явлениями существует множество различий. Нет явлений во всём друг с другом сходных, абсолютно идентичных. Многообразие явлений мира — вот что прежде всего бросается в глаза. Но с точки зрения материалистов между всеми этими разнообразными явлениями существует фундаментальное сходство, фундаментальная общность. Эта общность заключается в том, что все они существуют вне и независимо от сознания, т. е. являются материальными, обладают свойством материальности.

Но материю нельзя трактовать только как общее между всеми материальными явлениями. Все материальные явления не только и не просто сходны в том, что существуют вне и независимо от сознания. Они неразрывно связаны друг с другом, причем так, что образуют единое целое, все они являются частями одного единого целого. И это одно единое материальное целое и есть материя, есть материальный мир. Понятие материи включает в себя не только понятие *общности*, но обязательно и понятие

---

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 275.

² Там же. С. 276.

целостности, связности; оно есть понятие о *единстве* всех существующих в мире многообразных явлений.

С точки зрения материалистов, никакого другого мира, кроме материального, не существует, и существовать не может. Материальный мир един, и поэтому он один. Материалистическая философия является *монистической*, материализм есть *монизм* (от греч. *μόνος* — один, единый). Отсюда следует, что мир никем не был создан, никогда не возникал и никогда не исчезнет. Материальный мир бесконечен во времени, т. е. вечен, и бесконечен в пространстве. Время и пространство есть формы существования материального мира, и поэтому они столь же объективны, как и он сам.

Но вечна и бесконечна только материя в целом. Все явления материального мира преходящи и конечны. Вечное существует только в виде не вечного, преходящего, бесконечное — только в виде конечного.

Некоторые материалисты пытались рассматривать материю не как мир, а как основу мира, как некое единое первовещество, из которого возникают и в которое превращаются все вещи. В результате это вело к подразделению всего объективного существующего на собственно материю и на вещи, состоящие из этой материи, и в этом смысле материальные.

Отсюда следовали поиски за единичными материальными вещами материи как таковой, истинной материи, первоматерии, последних кирпичиков мироздания. В действительности материя одновременно и едина, и многообразна. Она есть единое множество материальных явлений, которые не делятся на более материальные и менее материальные, на первичные материальные и вторичные материальные. Материальное не делится на несколько сортов. Нет никаких сортов, градаций материального и материальности. Все объективно существующие явления, образующие одну единую материю, являются одинаково материальными.

Среди материалистов были философы, которые пытались свести сознание к материи, объявить его материальным. Они исходили из того, что признание сознания качественно отличным

от материи, идеальным, духовным, подрывает тезис о материальном единстве мира, несовместимо с ним. О каком материальном единстве мира, — рассуждали они, — можно говорить, когда признается существование в мире кроме явлений материальных также явлений и нематериальных, идеальных, духовных?

Однако в большинстве своем материалисты так или иначе понимали, что между материальным и идеальным существует качественное различие, нестираемая грань. И признание качественного отличия сознания от материи ни в малейшей степени не противоречит материалистическому монизму. Суть дела в том, что сознание, будучи идеальным, нематериальным, не образует особого самостоятельного мира, и в этом смысле не имеет самостоятельного бытия. Если материя может существовать до сознания и без сознания, то сознание идеальное не существует и не может существовать без материи, оно производно от материи. Сознание, представляя собой нематериальное, всегда существует как момент материального мира.

Нетрудно заметить, что в приведенных выше высказываниях слово «мир» употребляется в несколько ином смысле, чем раньше. Если ранее под миром понимался вид реальности, противостоящий сознанию, то в данном случае — всё существующее, вся реальность в целом, включая и сознание. Однако значение слова «мир» в данном контексте отнюдь не совпадает полностью с тем смыслом слова «реальность», в каком оно употреблялось ранее, или, что то же самое, с широким (вторым) смыслом слова «бытие». Значение этого слова действительно покрывает оба выделенные философами вида реальности, но совсем в ином ракурсе, чем в приведенных выше употреблении этого слова и слова «реальность». Оно означает не стирание грани между этими видами реальности, а их единство, основанное на признании одной из них первичной, а другой — вторичной, производной от первой.

Таким образом, термин «материальный мир» имеет два смысла. В узком смысле слова он включает в себя только материальное, совпадает с понятием материи. В широком смысле он

обозначает не только собственно материю, но и порожденное ею нематериальное — сознание. В таком же широком смысле может употребляться и употребляется слово «материя». Именно такое значение в него вкладывают, когда говорят, что материя есть единственно существующее.

Когда в работах материалистов говорится о вторичности сознания по отношению к материи, данное положение не всегда достаточно четко раскрывается. А сделать это совершенно необходимо. Вторичность сознания самым наглядным образом выражается в том, что оно всегда существует как функция человеческого мозга, как порождение, продукт мозга. А мозг есть кусок необычайно сложно организованной материи. Таким образом, *сознание есть порождение, продукт материи*. А порождаемое всегда вторично по отношению к порождающему.

Но вторичность сознания заключается не только в этом. Суть своеобразного нематериального продукта материи, называемого сознанием, состоит в том, что оно *представляет собой отражение материи*, образ, копию вещей, явлений, составляющих материальный мир. Материя есть оригинал, сознание — копия. А копия всегда вторична по отношению к оригиналу.

Сознание, таким образом, с точки зрения материализма, есть одновременно и порождение, и отражение материи. Оно — такое порождение материи, которое представляет собой отражение материи, такой образ материи, который может существовать только как продукт материи.

Характеризуя материалистическое решение основного вопроса философии, я тем самым изложил одновременно и материалистический взгляд на мир, материалистическое мировоззрение, онтологию материализма, и материалистическую теорию познания, гносеологию материализма. Материалисты рассматривают познание как отражение мира в сознании человека. Поэтому теория познания материализма есть *теория отражения*.

Придерживаясь взгляда на познание как на отражение мира в сознании, материалисты тем самым с необходимостью прини-

мают и одновременно конкретизируют классическое определение истины. Они понимают истину как соответствие между отражающим объективный мир сознанием и отражаемым сознанием объективным миром.

Выше уже говорилось о том, что такие важные понятия теории познания, как субъект и объект (т. е. предмет) познания в разных философских системах трактуются далеко не одинаково. Для материалиста объект познания — всё то, что составляет материальный мир, и сам этот мир в целом. Субъектом же познания является материальное существо — человек, познающий мир. Вполне понятно, что грань между субъектом и объектом является относительной. Ведь каждый субъект познания может стать объектом познания. Объектом познания может быть и само познание.

Объективное для материалистов есть независящее от субъекта, субъективное — зависящее от него. Понятия объективного и субъективного дают ключ к пониманию сути различия между материальным и идеальным (духовным). Материальное — объективно и только объективно. Идеальное, конечно, всегда субъективно, но не только субъективно. Идеальное есть образ объективного, материального мира. А содержанием всякого образа всегда является то, что в нем отражается. Идеальное, будучи образом объективного мира, неизбежно является объективным по своему содержанию. Оно есть единство субъективного и объективного. Идеальное субъективно по форме, объективно по своему содержанию. Если материальное только объективно, то идеальное одновременно и субъективно, и объективно.

Материальное всегда есть объективное. Но не всякое объективное есть материальное. Как уже отмечалось, объектом познания является не только материя, но само познание, сознание во всём многообразии своих форм. Познание — сознание — всегда представляет единство субъективного и объективного. Но когда оно является объектом познания, то оно по отношению к познающему его познанию выступает как объективное, и только объективное. Но данная объективность познаваемого познания

является полной лишь по отношению к познающему его познанию, и только пока этот процесс имеет место. Иначе говоря, эта полная объективность познаваемого познания является относительной (релятивной), условной и ограниченной. Материальность же в гносеологическом плане есть полная, абсолютная и безусловная объективность.

2. Два основных вида материализма: натурматериализм и панматериализм (марксистский материализм, диалектический материализм)

Все материалисты признают объективное существование мира, все они рассматривают познание как отражение мира в голове человека. Однако целый ряд вопросов философии они решают по-разному. Поэтому существуют разные виды материализма. В развитии философской мысли нередко выделяют «наивный», или «стихийный» материализм «отца философии» Фалеса (640 – ок. 540 до н. э.) и его последователей – Анаксимандра (611–546 до н. э.) и Анаксимена (586–525 до н. э.), а также Гераклита (ок. 535–470 до н. э.); предатомистический материализм Эмпедокла (492–432 до н. э.) и Анаксагора (499–428 до н. э.), атомистический материализм Левкиппа, Демокрита (460–370 до н. э.), Эпикура (341–270 до н. э.) и Тита Лукреция Кара (ок. 99–55 до н. э.); эмпирический материализм Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), механистический материализм Томаса Гоббса (1588–1679), рационалистический пантеистический материализм Бенедикта (Баруха) Спинозы (1632–1677); деистический материализм Джона Локка (1632–1704), Джона Толанда (1670–1722), Джона Энтони Коллинза (1676–1729), Джозефа Пристли (1733–1804); боевой воинствующий механистический материализм Жюльена Офре де Ламетри (1709–1751), Дени Дидро (1713–1788), Клода Адриана Гельвеция (1715–1771) и Поля Анри Гольбаха (1723–1789); антропологический материализм Людвиг Андреаса Фейербаха (1804–1872);

«вульгарный» (научно-популяризаторский) материализм Карла Фогта (Фохта) (1817–1895), Якоба Молевотта (1822–1893) и Фридриха Карла Христиана Людвига Бюхнера (1824–1899); диалектический материализм, создателями которого были Карл Генрих Маркс (1818–1883) и Фридрих Энгельс (1820–1895); естественно-научный материализм естествоиспытателей XIX и XX веков Эрнста Геккеля (1834–1919), Людвига Больцмана (1844–1906), Макса Планка (1858–1947), Томаса Ханта Моргана (1866–1945); «научный» материализм Марио Бунге, «эммерджентистский» материализм Джозефа Марголиса и др.

Но главное различие внутри лагеря материалистов проходит между диалектическим материализмом, с одной стороны, и всеми прочими материалистическими системами, — с другой. Суть этого различия заключается в том, что весь домарксистский и весь позднейший немарксистский материализм был и является материализмом только во взглядах на природу. Это был *частичный, партикулярный* (от лат. *pars (partis)* — часть) материализм (*партматериализм*), *натуристический* материализм (*натурматериализм*). Материальный мир домарксистские и позднейшие немарксистские материалисты практически сводили к природе, природному миру.

Когда же они обращались к обществу, то с неизбежностью переходили на позиции идеализма. Общество у них так или иначе — прямо или в завуалированной форме — выступало как производное от сознания, как порождение человеческого сознания.

И это совершенно не случайно. Общество представляет собой не что иное, как совокупность особого рода отношений, которые называются общественными, или социальными. Эти отношения незримы, вообще недоступны органам чувств человека. Можно видеть, слышать, наблюдать лишь людей и их разнообразные действия. С этим связан уже упоминавшийся выше «социологический номинализм».

Ему противостоял «социологический реализм», или «социологический субстанциализм», рассматривающий общество как

целостное образование, ни в коем случае не сводимое к простой совокупности индивидов. Большинство «социологических субстанциалистов» придерживалось взгляда на социальные отношения как на существующие вне сознания людей. Совокупность этих отношений вместе с их узлами — социальными институтами и учреждениями (государство, политические партии, церкви и т. п.) — давно уже принято называть *общественной средой*.

Важнейший вопрос, который вставал перед исследователями, заключался в выявлении отношения между общественной средой и тем, что раньше обычно именовалось *общественным мнением*, а сейчас чаще всего *общественным сознанием*.

Разумеется, что под общественным мнением всегда подразумевалось общественное сознание не в широком, а в узком смысле слова. И когда старые материалисты обращались к решению вопроса об отношении между общественной средой и общественным мнением (социарным сознанием), их подстерегала опасность.

Если природа, природная среда существовала всегда, вечно, то иначе обстояло дело с общественной средой: она появилась только с людьми. Отсюда следовал вывод, что она была создана людьми, причем, естественно, согласно с их взглядами на общество, т. е. с общественным мнением. Получалось, что хотя общественная среда существует вне социарного сознания, и в этом смысле представляет собой социальную реальность, бытие, но она при этом является производной от социарного сознания, вторичной по отношению к нему.

Кстати сказать, здесь мы встречаемся с еще одним, третьим по счету, значением слова «бытие» — нечто существующее вне сознания, но не обязательно первичное по отношению к последнему.

Таким был путь, который приводил старых материалистов к идеалистическому решению основного вопроса философии применительно к обществу, а тем самым и его истории. Беда их была в том, что они рассматривали все социальные отношения как

волевые отношения, т. е. как определяемые сознанием и волей людей. Они оказались не в состоянии найти в системе общественных отношений такие социальные связи, которые не только и не просто возникали и существовали вне и независимо от сознания и воли людей, но определяли бы их сознание и волю, были объективными. Иными словами, они не могли обнаружить объективного источника социарного сознания — объективного социального бытия.

Единственный путь, который мог привести к материалистическому решению основного вопроса философии в применении к обществу и его истории, заключался в открытии заслоняемых волевыми социальными связями объективных социальных отношений, образующих объективное социальное бытие, которое нередко именуется также и социальной материей. Система этих объективных социальных отношений не только не определяется общественными взглядами людей, а наоборот определяет эти их взгляды. Тем самым действия людей и, соответственно, характер волевых социальных связей, являются первичными по отношению к социарному сознанию.

Помимо указанных причин открытию объективных общественных отношений препятствовало еще одно обстоятельство. Эти объективные связи, в отличие от природных вещей, которые возникают без сознания и могут существовать без него, возникли только вместе с обществом, которое немислимо без общественного сознания. Поэтому они могут появиться только вместе с общественным сознанием и не могут существовать без последнего. В этом и только в этом смысле они зависимы от общественного сознания.

Таким образом, словосочетание «зависимость от сознания» в применении к обществу имеет два разных значения: первое — не только не существовать без сознания, но и быть производным от него; второе — лишь не существовать без сознания, но не быть производным от него. Этого различия старые материалисты не видели.

Заметив, что все социальные отношения не могут существовать без общественного сознания, они полагали, что все они производны от последнего. В результате они так и не смогли найти ничего объективного в обществе, обнаружить объективный, т. е. независимый от сознания, источник общественных идей, объективное общественное бытие.

Из всех философов открыть систему общественных объективных связей, т. е. объективное социальное бытие смогли только К. Маркс и Ф. Энгельс. Этими объективными социальными связями оказались социально-экономические, или производственные отношения, система которых образует общественную форму, в которой осуществляется процесс производства материальных благ. Открыв в обществе объективно существующее социальное бытие, они тем самым распространили материалистическое решение основного вопроса философии и на общество. Прежний материализм был материализмом только «снизу», материализмом только во взглядах на природу. К. Маркс и Ф. Энгельс достроили материализм «доверху». Материализм стал теперь взглядом не только на природу, но также на общество и его историю. *Диалектический материализм* является одновременно *материализмом и историческим*. Он включает в себя *материалистическое понимание общества и истории*.

Диалектический материализм — первый в истории философской мысли достроенный доверху, в равной степени объемлющий и природу, и общество материализм. Если домарксистский и весь последующий немарксистский материализм является партматериализмом, или натурматериализмом, то марксистский материализм — полным, всеобъемлющим материализмом — *панматериализмом*, или *пантоматериализмом* (от греч. *παν* — всё).

Создание материалистического понимания истории привело к возникновению принципиально нового понимания познания.

И натурматериалисты в большинстве своем рассматривали познание как отражение объективного мира. Но человеческое познание у них представало прежде всего как чувственное по-

знание. А чувственное познание взятое само по себе есть познание индивида, и только индивида. Ведь ощущения и восприятия человека существуют только для него одного. Кроме того, как уже указывалось, чувственное познание, взятое само по себе, есть явление биологическое. В результате у натурматериалистов в качестве субъекта познания выступал человек как сугубо индивидуальное и природное, биологическое существо. Теория познания натурматериализма представляла собой, как нередко говорят, «гносеологическую робинзонаду». Познание у них выступало как природное явление, а человек — как существо, пассивно воспринимающее воздействие внешнего мира, отражающее и только отражающее этот мир.

С возникновением материалистического понимания истории окончательно стало ясным, что познание человека есть не природное, а социальное явление. Существует общественное сознание, которое представляет собой не простую сумму индивидуальных сознаний, а целостное образование, проявляющееся в сознаниях индивидов. Поэтому сознание каждого индивида всегда есть проявление этого целостного общественного сознания. Общественное сознание и в широком, и в узком смысле слова, система взглядов и на природу, и на общество есть продукт мышления, и только мышления. Познание человека есть прежде всего мышление. Мышление есть явление прежде всего социальное. Будучи ведущим компонентом человеческого познания, оно тем самым делает социальным и всё человеческое познание в целом.

Выявление объективного характера социально-экономических отношений было одновременно и открытием роли материального производства в жизни человека и общества. Тем самым было раскрыто коренное различие между животными и людьми: животные приспосабливаются к окружающей среде, человек же изменяет, преобразует природу, создает вещи, которых нет в природе. В результате стало ясным, что отношение между объективным миром и сознанием является не односторонним, а двусторонним: сознание человека не только отражает внешний мир,

но через производственную и вообще всю практическую деятельность обратно воздействует на мир, преобразуя его.

Тем самым впервые была решена знаменитая проблема свободы и необходимости. Она есть не что иное, как проблема отношения мира и обратно воздействующего на него сознания, т. е. основной вопрос философии в полном его объеме. Она всегда стояла перед предшествующей диалектическому материализму философией, но никем решена не была. Сделать это смогла лишь марксистская философия.

Без материалистического подхода к истории и обществу невозможно понимание сущности человека и природы социального. Познание же, прежде всего мышление, как уже указывалось, есть в своей сущности явление социальное. Оно — продукт общества и может существовать только в обществе. Это касается не только человеческого мышления в целом, но мышления каждого конкретного индивида. Когда человек появляется на свет, он представляет собой только биологическое существо. В нем нет ничего социального. Он не обладает духом вообще, мышлением и волей в частности. Сразу же после рождения начинается процесс превращения его в существо социальное, процесс социализации, он же — процесс становления индивидуального человеческого духа вообще, языка и мышления в частности. Если ребенка вырвать из человеческой среды, он останется пусть человекоподобным, но тем не менее животным. У него не будет ни языка, ни мышления, ни воли. Об этом свидетельствуют судьбы детей, которые по тем или иным причинам очень рано оказались среди зверей, были воспитаны ими, а лишь затем, спустя годы, были найдены и возвращены в среду людей. Все они навсегда остались животными¹.

Поэтому нельзя раскрыть сущность человеческого познания, прежде всего мышления, без выявления природы социального. А это стало возможным лишь с созданием материалистического

¹ См.: Singh J. A. L., Zinng K. Wolf-Children and Feral Man. New York, London, 1942; Abandoned Children. Ed. by C. Pauners-Brick and T. S. Smith. Cambridge, 2000.

понимания общества и истории. Только материалистическое решение основного вопроса философии в применении к обществу дает возможность понять сущность мышления и создать подлинно научную теорию познания.

Натурматериалисты, не сумев прийти к материалистическому пониманию общества и истории, не могли и до конца раскрыть природу человеческого познания и, соответственно, создать до конца материалистическую теорию познания. Все они с неизбежностью допускали большие или меньшие отклонения от материализма в сторону идеализма при решении тех или иных гносеологических проблем. «...Старый материализм, — отмечал В. И. Ленин, — не умел научно исследовать идеи (при помощи исторического материализма)»¹. Так как вопрос о природе сознания неотделим от вопроса о мире, то тем самым есть не все, то многие натурматериалисты отклонялись от материализма и при решении тех или иных онтологических проблем. Только диалектический материализм, включающий в себя в качестве необходимого компонента материалистическое понимание общества и истории, смог создать до конца последовательную материалистическую гносеологию, а тем самым и до конца последовательную материалистическую онтологию. Только марксистский диалектический материализм, который является материализмом всеобъемлющим, панматериализмом, является до конца последовательным материализмом. Другого полностью последовательного материализма не существует.

Диалектико-материалистический взгляд на отношение между материей и сознанием был сжато сформулирован в одном из высказываний В. И. Ленина: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»². Из всей сложности отношения мира и сознания натурматериалисты брали лишь одну сторону: сознание отражает мир, игнорируя обратное воздейст-

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 258.

² Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

вие сознания на мир через практическую деятельность. Все противники материализма тоже не принимали во внимание всю сложность отношения мира и сознания и тоже замечали только одну сторону, но только иную, чем натурматериалисты. Все они исходили из того, что сознание творит мир. Различные разновидности идеализма отличались друг от друга тем, как они понимали творение мира сознанием.

3. Идеализм: общая характеристика

Все идеалисты считают сознание, идеальное, духовное первичным, а мир, бытие, природу — вторичным и производным. Но при этом они расходятся в решении вопроса о том, какое именно сознание, какой именно дух взять за основу мира. Одни из них кладут в основу мира сознание отдельного познающего индивида, сознание конкретного субъекта, иначе говоря, субъективное сознание. Это направление в идеалистической философии носит название *субъективного идеализма*.

Другие идеалисты считают основой мира сознание вообще, абсолютное, ничье сознание, существующее совершенно независимо от сознания индивидов. Это течение идеализма называется *объективным, или абсолютным, идеализмом*.

Эти две формы идеализма давно уже выделены и считаются единственно существующими. При этом обычно не замечают, что существует еще одна форма идеализма — идеализм, который можно назвать *социоконструктивным*. Рассмотрение этих трех течений начнем с наиболее простого — с субъективного идеализма.

4. Субъективный идеализм

Как уже указывалось, с точки зрения большинства естествоиспытателей и философов-материалистов ощущения, восприятия и представления суть образы объективного внешнего мира. Совершенно иную точку зрения отстаивает большинство субъек-

тивных идеалистов. Философ, принадлежащий к этому течению, утверждает, что всё то, что принято называть внешним миром, состоит из ощущений и только ощущений, причем, разумеется, его собственных ощущений. Все вещи этого мира представляют собой лишь комплексы его ощущений. Они существуют лишь постольку, поскольку он их воспринимает. Весь внешний мир существует, таким образом, целиком и полностью в его сознании.

Самый известный представитель субъективного идеализма Дж. Беркли в своем труде «Трактат о принципах человеческого знания» писал: «Станным образом среди людей преобладает мнение, что дома, горы, реки, одним словом, чувственные вещи имеют существование, природное или реальное, отличное от того, как их воспринимает разум. Но с какой бы уверенностью и общим согласием ни утверждался этот принцип, всякий, имеющий смелость подвергнуть его исследованию, найдет, если я не ошибаюсь, что данный принцип заключает в себе явное противоречие. Ибо что же такое эти вышеупомянутые объекты, как не вещи, которые мы воспринимаем посредством чувств? А что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения (*ideas or sensations*)? И разве это прямо-таки не нелепо, что какие-либо идеи или ощущения, или комбинации их могут существовать, не будучи воспринимаемыми?»¹

Следует сказать, что субъективных идеалистов часто неверно понимают. Например, нередко видят отличие субъективных идеалистов от материалистов в том, что первые признают существование только ощущений и тем самым отрицают бытие вещей, природы, а вторые — признают существование вещей, природы. В действительности же, как это видно из приведенного выше высказывания Дж. Беркли, субъективные идеалисты ни в малейшей степени не отрицают существование вещей, природы. И материалисты, и субъективные идеалисты в равной степени признают существование вещей, природы. Отличаются они ответом

---

¹ Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания. С. 172.

на вопрос не о том, существуют ли вещи, природа, а о том, как существуют вещи, природа: вне и независимо от сознания субъекта или лишь в сознании субъекта, т. е. ответом на основной вопрос философии.

Иногда также говорят, что, с точки зрения субъективного идеалиста, мир существует в его голове. Ничего подобного последовательный субъективный идеалист утверждать не может. Ведь из его учения вытекает, что его голова вместе со всем его телом представляет еще одну наряду с другими комбинацию ощущений, т. е. существует только в его сознании. Комплексы ощущений могут существовать только рядом друг с другом, но не один внутри другого.

Как уже указывалось, важнейшими понятиями любой теории познания являются категории субъекта и объекта. Разумеется, пользуются ими и субъективные идеалисты. На первом месте в их системах находится, конечно, субъект — Я. Объект всегда так или иначе рассматривается ими как нечто зависимое от Я, производное от Я. Если проводить субъективно-идеалистическую точку зрения до конца последовательно, то нужно говорить о полном тождестве субъекта и объекта, о существовании одного лишь Я.

Согласно субъективно-идеалистическому взгляду, субъект есть вовсе не человек, как его понимают все обычные люди (тело, обладающее сознанием), а лишь сознание, лишь воспринимающий и мыслящий дух. Только бытие этого духа, субъективного сознания, первично. Бытие же всех вещей, природы, всех других людей и собственного тела субъекта вторично, производно. Все объекты (включая тело), разумеется, тоже существуют, но только как содержание сознания субъекта, который является духом, и только духом.

Если субъективный идеалист будет до конца последовательным, то он должен с неизбежностью прийти к заключению, что в мире существует один только его дух, точнее, его дух полностью тождествен миру. За пределами его духа, который одновременно является и миром, кроме его духа (т. е. мира) нет ничего. Здесь

перед нами тоже *монизм*, но только не материалистический, а *субъективно-идеалистический*. Здесь слово «мир» тоже употребляется не в узком, а в широком смысле. Субъективные идеалисты по существу отождествляют сознание и мир. Мир у них — просто проявление сознания, форма существования сознания, а сознание есть сущность мира. Есть только один мир, и этот мир по своей сущности духовен. Этот до конца проведенный, до конца последовательный субъективный идеализм носит название *солипсизма* (от лат. *solus* — единственный и *ipse* — сам).

Нелепость солипсизма настолько очевидна, что почти все субъективные идеалисты от него откешивались. И с этой целью прибегали к различного рода приемам. Основополагающий тезис философии Дж. Беркли — утверждение, что «быть — значит быть воспринимаемым». Но если его последовательно придерживаться, то приходится допустить, что когда я, скажем, выхожу из комнаты, то и она сама, и все находящиеся в ней вещи перестают существовать, а когда я снова вхожу в нее, то они все заново возникают. Когда я засыпаю, то исчезает весь мир, а с пробуждением он снова начинает существовать. Чтобы выпутаться, Дж. Беркли вводит положение о том, что кроме моего духа существуют другие мыслящие духи. И когда я перестаю воспринимать те или иные вещи, их воспринимают другие мыслящие духи и тем самым эти вещи продолжают существовать. Каждому нормальному человеку понятно, что все эти утверждения — не более чем жалкие отговорки. Но даже если принять их всерьез, то получится, что хотя выход из положения вроде бы и найден, но только ценой допущения существования чего-то находящегося вне моего сознания и независящего от него, т. е. отказа от основного принципа субъективного идеализма.

Еще одна трудность. Скажем, каждому бросается в глаза качественное отличие между хлебом, который я взял со стола, положил в рот и жую, и хлебом, существующим в моем представлении, воображении. Небольшой кусок реального хлеба может утолить голод человека, а тысячи кусков воображаемого хлеба, несмотря на

все желания и усилия человека, не смогут спасти его от голодной смерти. Материалистически мыслящий человек без малейшего труда объяснит различие между реальным и воображаемым хлебом. Последовательному субъективному идеалисту сделать это невозможно. Ведь с его точки зрения и реальный, и воображаемый хлеб в одинаковой степени существуют только в его сознании, между ними нет никакого принципиального различия. Или еще пример. Человек просыпается, и каждое утро наблюдает одну и ту же картину: кровать, стол, находящаяся на нем лампа. Никакими усилиями одного только своего сознания он ничего здесь изменить не может. Все эти вещи упрямо появляются в его сознании. Картина изменится только в том случае, если он своими руками изменит положение: уберет одни вещи, поставит другие. Откуда берется это упрямство вещей, их независимость от сознания человека?

Одно из объяснений: воображаемые вещи существуют в сознании только одного единичного духа, а реальные — в сознании многих мыслящих духов. Чувствуя его явную недостаточность, Дж. Беркли вводит понятие высшего духа, бога, который создает множество рядовых мыслящих духов и вкладывает в их сознание определенный набор ощущений вещей. Различие между реальными и воображаемыми вещами заключается в том, что первые имеют объективный источник в боге, а вторые — порождаются только нашим Я.

В результате перед нами предстает если и не полный переход на позиции объективного идеализма, то противоречивое совмещение принципов этих двух разновидностей идеализма. Сочетание в том или ином учении, причем не обязательно философском, взаимно исключающих друг друга несовместимых положений называется *эклeктикой*, *эклeктизмом* или *эклeктицизмом* (от греч. *ἐκλεκτός* — выбирающий). Философская концепция Дж. Беркли с самого начала была *эклeктичной*. Чтобы избежать этого, он в конце жизни полностью перешел на позиции объективного идеализма.

Другие субъективные идеалисты пытались уйти от солипсизма путем введения не более или менее значительных элементов объективного идеализма, а различного рода словесных ухищрений. С этой целью некоторые из них настаивали на различении субъекта и объекта, Я и не-Я, утверждали, что они признают существование не просто мира, а внешнего мира, говорили о существовании Я в определенной среде, о приспособлении Я к этой внешней окружающей его среде и т. п. Но всё это завершилось в конечном счете утверждением, что нет не только субъекта без объекта, Я без среды (что, разумеется, верно), но и объекта без субъекта, внешней среды без Я. Некоторые из субъективных идеалистов, чтобы избавиться от обвинения в солипсизме, шли на радикальный пересмотр терминологии, на отказ от понятий субъекта (Я) и объекта.

Швейцарский философ Рихард Авенариус (1843–1896) в первых своих работах выступал как откровенный субъективный идеалист. В книге «Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил. Прологомены к критике чистого опыта» (1876) он прямо писал: «Мы признали, что существующее есть субстанция, одаренная ощущением; субстанция отпадает и остается ощущение; существующее приходится поэтому мыслить, как ощущение, которое не имеет уже своей основой ничего, что было бы свободно от ощущения»¹.

Спохватившись, что изложенный выше взгляд не может привести никуда, кроме как к солипсизму, Р. Авенариус в более позднем сочинении «Человеческое понятие о мире» (1891) приступает к его маскировке. Он теперь говорит о «принципиальной координации» между «центральным членом», под которым он понимает Я, и «противочленом» — средой. Эта «принципиальная координация» неразрывна: «центральный член» (Я) не существует без «противочлена» (среды), а «противочлена» (среды) нет и быть не может без «центрального члена».

---

¹ Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил. Прологомены к критике чистого опыта. СПб., 1912. С. 74.

Если я скажу любому человеку, что мир существует только в моем сознании, абсурдность этого тезиса не может не броситься в глаза. Если же сказать собеседнику, что «противочлена» нет и не может быть без «центрального члена», то он не сразу, а может быть и никогда не поймет истинного значения этого утверждения. А суть этого второго положения та же самая, что и первого: нет и не может быть объекта без субъекта. Чувствуя, что и эти схоластические выверты ему не очень-то помогают, Р. Авенариус встает на путь эклектики, но в отличие от Дж. Беркли он сочетает субъективный идеализм не с объективным идеализмом, а с агностицизмом (феноменализмом).

Утверждение субъективных идеалистов, что вещи, мир существуют в сознании субъекта, в глазах людей, не искушенных философией, выступает как совершенно абсурдное. Но оно далеко не таково. В нем, несомненно, есть доля истины. Внешний чувственно-зримый мир действительно существует в сознании человека, является содержанием человеческого познания. Именно в обнаружении того, что мир существует не только вне сознания человека, но и в его сознании, состоит одно из величайших открытий философии. Первоначально только философы оказались способными это сделать. К пониманию этой истины философы шли постепенно, шаг за шагом. И чтобы это открытие окончательно было сделано, нужно было его абсолютизировать, довести до абсурда: объявить, что мир существует только и только в сознании. Это впервые и было прямо сделано Дж. Беркли, что дает ему положение одного из классиков философской мысли. Но когда это положение стало повторяться, оно утратило свою новизну и стало ошибочным, и только ошибочным. Поэтому все последующие представители субъективного идеализма ушли в небытие. Их имена невозможно найти ни в одном общем курсе истории философской мысли. Если кого-то из них и помнят, например, Антона Леклера (1648–?), Вильгельма Шуппе (1836–1913), Джеймса Уорда (1843–1925), Иоганнеса Ремке (1848–1930), Пола Каруса (1852–1919), Рихарда Шуберта-Зольдерна (1852–1935) и др., то разве лишь

потому, что они были упомянуты в труде В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Не будь этого, они были бы забыты полностью и навсегда.

В заключение можно сказать, что на примере субъективного идеализма отчетливо видно, что он представляет собой не просто глупость, как думают многие, а вырастает из абсолютизации, раздувания одного из моментов отношения сознания и объективного мира.

5. Объективный, или абсолютный, идеализм

Если субъективные идеалисты в большинстве своем исходили в своих концепциях из чувственного познания, то объективные идеалисты обращались к разуму, мышлению. В основу мира, бытия они клали мышление, но не конкретных индивидов, субъектов, а ничье мышление, мышление вообще, существующее вне сознания индивидов и независимо от него. Это объективное мышление они называли по-разному: абсолютной идеей, абсолютным духом, мировым разумом и т. п. Вполне понятно, что признавая существование абсолютного сознания, объективного духа, объективные идеалисты ни в малейшей степени не отвергали бытие индивидуального сознания, субъективного духа. Все их концепции предполагали существование двух видов сознания — абсолютного и индивидуального; двух видов духа — духа объективного и духа субъективного.

С тем, что существует сознание субъекта, индивидуальное сознание согласны все философы независимо от того, к какому направлению они примыкают, будь они материалисты или идеалисты. Его бытие — несомненный факт. Что же касается объективного сознания, объективного разума, то оно — продукт фантазии, но опять-таки, как и в примере с субъективным идеализмом, выросший на основе абсолютизации одного из моментов отношения сознания и объективного мира, но только иного, чем в первом случае.

Выше было уже названо одно из крупнейших достижений философии: открытие существования внешнего мира не только

вне сознания, но и в сознании человека. Другой величайший успех философии — открытие существования в объективном мире не только отдельных, конкретных вещей и событий, которые могут быть доступны чувственному познанию, но общего, которое можно зреть только умом. Общее, существующее в объективном мире, в отличие от отдельного, в принципе не может быть материальным. И так как философы до самого последнего времени знали только материальное и идеальное (духовное), то отсюда часть их делала вывод, что объективное общее может быть по природе своей только духовным, причем не человеческим духовным, а нечеловеческим духовным. Такое решение проблемы природы общего принято называть *реализмом*.

Общее проявляется в отдельном, в вещах. Это позволяло данным философам прийти к заключению, что мир вещей, мир отдельного есть порождение объективного духовного, объективного духа. Этот мир вещей, будучи порожденным объективным нечеловеческим разумом, будучи вторичным по отношению к объективному духу, в то же время независим от субъективного человеческого духа.

Таким образом, в объективном идеализме присутствуют три компонента: объективный дух, субъективный дух и мир вещей, независимый от субъективного духа и в этом смысле объективный. Этот мир вещей объективные идеалисты рассматривали как объективную реальность и называли и природным миром (природой), и материальным миром (материей). Основание для такой характеристики — его существование вне и независимо от субъективного духа, индивидуального сознания. Но этот природный мир, по их представлениям, независим только от индивидуально-го сознания, но ни в коем случае не от абсолютного сознания. Все объективные идеалисты так или иначе рассматривали этот мир как зависимый, производный от абсолютного мышления.

Поэтому слова «материя», «материальный» имели у них иной смысл, чем у материалистов. Объективной реальностью, материей можно назвать только такое бытие, которое существует совершенно самостоятельно, совершенно независимо от какого бы то

ни было сознания. Поэтому объективный мир, как он выступает в построениях объективных идеалистов, может быть назван лишь квазиобъективной, а не объективной реальностью, только квазиматерией, но не материей.

Но тем не менее признание объективными идеалистами независимого от субъективного сознания мира позволяет по крайней мере некоторым из них давать по тем или иным вопросам философии решения, во многом совпадающие с теми, что дают материалисты. В. И. Ленин писал о философии Аристотеля: «Конечно, это — идеализм, но он объективнее и отдаленнее, общее, чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще = материализму»¹.

Выше уже говорилось о непоследовательности многих домарксистских материалистов, у которых материалистическое решение одних вопросов философии эклектически сочеталось с идеалистическим решением других ее проблем. То же самое наблюдалось и у идеалистов, особенно объективных, которые, рассматривая одни вопросы правомерно идеалистически, другие решали по сути материалистически.

Конкретное соотношение между абсолютным мышлением и природным миром разные философы, принадлежавшие к этому направлению, понимали далеко не одинаково. Крупнейшими представителями объективного идеализма в истории философской мысли были: в античную эпоху — Платон, в Новое время — Ф. В. Й. Шеллинг и Г. В. Ф. Гегель. Согласно взгляду Платона, существуют два качественно отличных мира. Один из них — мир идей, мир духовный. Другой — мир чувственных вещей, мир природный, в котором живут люди. Мир идей является первичным, мир вещей — вторичным, производным от первого.

Гегель назвал объективное мышление абсолютной идеей. В первом томе своей «Энциклопедии философских наук», который носит название «Наука логики», он рисует картину развития, развертывания чистой абсолютной идеи.

---

¹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Философские тетради. С. 255.

Для абсолютной идеи, т. е. чистого объективного мышления, развиваться — значит мыслить. Чистая абсолютная идея мыслит. Так как кроме нее ничего нет, то она может мыслить только сама о себе. Чистая абсолютная идея есть мышление о мышлении, мышление, имеющее своим содержанием одно лишь мышление, только самое же себя.

Затем абсолютная идея воплощается в природу. Абсолютная идея существует не рядом с природой, а в самой природе. Природа, по Гегелю, есть инобытие абсолютной идеи. Этому инобытию абсолютной идеи посвящен второй том «Энциклопедии философских наук» — «Философия природы». В этой второй части философской системы Гегеля возникает органика, жизнь. В третьем томе, носящем название «Философия духа», появляется человек, и вместе с ним человеческий субъективный дух.

Абсолютная идея, воплотившись в общество, становится абсолютным духом. Абсолютный дух существует не рядом с человеческим обществом, он существует в нем как его внутренняя основа, как его сущность.

Обе разновидности объективного идеализма — и та, в которой абсолютный дух существует рядом с миром, и та, в которой абсолютный разум существует в мире в качестве его внутренней сущности — в одинаковой степени исходят из того, что бытие мира производно от бытия духа, что мир в своей сущности духовен. Объективный идеализм — всегда монизм.

Так как, согласно представлениям объективных идеалистов, природный мир существует независимо от индивидуального человеческого сознания, отношение между этим миром и человеческим чувственным познанием могло рисоваться ими во многом сходно с тем, как оно понималось материалистами. Они, как и материалисты, вполне могли рассматривать и обычно рассматривали ощущения и восприятия не только как результаты воздействия объективно существующих вещей на органы чувств человека, но и как образы этих внешних предметов.

Это наглядно видно на примере философии крупнейшего средневекового схоласта Фомы Аквинского и учений современных его почитателей и продолжателей — неотомистов.

«...Наше естественное познание, — писал Аквинат, — берет свое начало от ощущений. Следовательно, наше естественное познание может простираться настолько, насколько оно может быть ведомо чувственностью»¹.

С ним был солидарен Г. Гегель: «Поскольку логика, — писал он в „Науке логики“, — имеет своей предпосылкой науку об охватываемом явлении духа, содержащую и показывающую необходимость точки зрения, представляющей собой чистое знание, равно как и его опосредствование вообще и тем самым дающую доказательство ее истинности. В этой науке о духе, охватываемом явлением, исходят из эмпирического, чувственного сознания, которое и есть настоящее, непосредственное знание; там же разъясняется, что верного в этом непосредственном знании»². «Всё содержится в ощущениях, — поясняет мыслитель в „Философии духа“, — и, если угодно, всё выступающее в сознании духа и в разуме имеет в ощущении свой источник и свое первоначало; ибо источник и первоначало и не обозначают ничего иного, как тот самый непосредственный способ, в котором нечто проявляется»³.

Однако признание ощущений и восприятий человека результатами воздействий внешних вещей и образами этих вещей еще не делает гносеологию объективных идеалистов теорией отражения. Как видно из того, что уже было сказано о философии Гегеля, познание у него в сущности есть не что иное, как познание абсолютным духом самого себя.

И когда возникает человек и общество, объективный дух продолжает познавать себя в форме субъективного духа. Познание

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 1–43. С. 138.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 125.

³ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977. С. 104.

субъективным человеческим духом природы и общества есть познание им воплощенного в них объективного духа.

Если философия Платона была первой систематически разработанной объективно-идеалистической концепцией, то в философской системе Г. Гегеля объективный идеализм достиг высшей формы своего развития. По существу его история с появлением философской системы Г. Гегеля завершилась. Он исчерпал все свои возможности.

Таким образом, исходным пунктом дороги, которая вела и привела к объективному идеализму, были три положения: 1) в объективном мире существует не только отдельное, но общее; 2) это объективно существующее общее не может быть материальным; 3) всё, что не является материальным, есть духовное. Отсюда с неизбежностью следовал вывод о существовании объективного духа, порождающего мир вещей, мир отдельного и субъективный дух.

Философы, которые не хотели признавать бытие объективного духа, — прежде всего материалисты, но не только они, — должны были отказаться от одного из перечисленных выше тезисов. Чаще всего они отказывались от положения, согласно которому в мире существует не только отдельное, но и общее. Одни из них утверждали, что общего вообще нигде нет — ни в мире, ни в сознании, другие — что общее существует, но только в человеческом сознании и ни в коем случае не в объективном мире. Такой взгляд носит название *номинализм*. Номиналистами были многие натурматериалисты. Отрицая объективное существование общего, они вступали в противоречие с реальным положением дел, что, конечно, подрывало их систему.

6. Социоконструктивный идеализм

Чтобы понять природу этой разновидности идеализма, нужно обратиться к тому, что говорилось во втором разделе этой главы. Там шла речь о появлении на определенном этапе развития философской мысли понятия общественного мнения. Тем самым

в какой-то степени стало ясным, что кроме сознания отдельных индивидов, индивидуального сознания, существует еще и сознание определенных групп людей. Пусть смутно, имплицитно, но с самого начала осознавалось, что, во-первых, хотя общественное сознание не может существовать без индивидуальных сознаний, оно тем не менее не представляет собой простой суммы сознаний отдельных индивидов. Оно есть особое целостное образование.

Более или менее отчетливо осознавалось также, что в отношении общественного сознания и сознаний индивидов первое является определяющим, а второе — определяемым. Это означало, что сознание любого индивида является не только индивидуальным, но также и общественным.

И вполне понятным было, что характеристика сознания индивидов относилась прежде всего не к их чувственному познанию, а к мышлению, разуму. Общественное сознание есть прежде всего разумное познание. И совершенно неудивительно, что наряду с понятием общественного мнения появилось понятие общественного разума, человеческого разума вообще.

Оно совершенно отчетливо присутствует, например, в философско-исторических работах выдающегося французского мыслителя Клода Анри де Ревруа, графа де Сен-Симона (1760–1825). И, как мы уже видели, это социарное сознание, это социарный разум в глазах многих мыслителей, не исключая материалистов, выступал как творец, создатель общества. Этот социоисторический идеализм мог сочетаться с натурматериализмом.

Но на этом развитие данной идеи не остановилось. Всё более ясным становилось, что общественным является не только социарное, но и натурарное сознание, что всё познание человека носит общественный характер. Так был сделан шаг к преодолению т. н. гносеологической робинзонады, т. е. взгляда на человеческое познание вообще как на сумму познаний отдельных индивидов, который долгое время был господствующим. Этот взгляд, помимо всего прочего, так или иначе вел к трактовке человеческого познания как явления не социального, а природного, биологического.

Становилось всё более ясным, что активный, творческий характер носит не только социарное, но всё вообще человеческое сознание. Люди не просто воспринимают воздействие природы, но и активно воздействуют на нее, создают вещи, которые без людей никогда бы не появились. Здесь оставался лишь один шаг до мысли, что общественный разум — общественное сознание — создает, конструирует не только общественные, но и природные явления, творит весь внешний мир. Зачатки такого взгляда обнаруживаются уже у И. Канта.

Но подлинным создателем нового течения идеализма — социоконструктивного идеализма — был, конечно, Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814). Исходным моментом его философской системы, как и философии субъективного идеализма, является Я. Но если Я субъективных идеалистов есть прежде всего чувственное познание, содержащее в себе весь мир, то Я у И. Фихте есть прежде всего общественный разум, творящий мир. Это Я не совпадает с Я индивидов, составляющих общество, оно не есть ни индивидуальное сознание, ни совокупность индивидуальных сознаний, а есть такое сознание, которое выступает как нечто объективное по отношению ко всем индивидуальным сознаниям — всеобщее сознание.

Это и есть абсолютное Я Фихте. Но являясь абсолютным сознанием, оно в то же время отлично от абсолютного сознания объективных идеалистов. Последнее есть ничейное сознание, и в этом смысле не является Я. Абсолютное сознание у Фихте не является ничейным сознанием. Оно хотя и не есть индивидуальное сознание или сумма индивидуальных сознаний, в то же время не может существовать без этих индивидуальных сознаний, без этих индивидуальных Я. И в этом смысле оно само является Я, но только Я абсолютным.

Суть абсолютного Я в том, что оно создает мир, создает не-Я. Это не-Я находится вне Я и в то же время не существует и не может существовать без Я. Абсолютное Я есть не только и не столько существующее, сколько действующее, созидующее, творящее. Оно

соединяет в себе и познающий чистый разум и разум практический, волю, и в этом единстве ведущим моментом является разум практический, воля, деятельность. Деятельностью, практикой является не только Я, но и неразрывно связанное с ним не-Я. Не-Я представляет собой и продукт деятельности, и саму деятельность.

В последующем развитии философской мысли на позиции социоконструктивного идеализма перешли те младогегельянцы, которые положили в основу своей философии категорию самосознания. Это прежде всего Бруно Бауэр (1809–1882), Эдгар Бауэр (1820–1885) и Макс Штирнер (псевдоним Иоганна Каспара Шмидта) (1805–1856).

Затем на долгое время он был забыт. Подлинное его возрождение наступило в XX в. Если в настоящее время не существует ни сколько-нибудь последовательных систем субъективного идеализма, ни сколько-нибудь новых, оригинальных объективно-идеалистических построений, то новых вариантов социоконструктивного идеализма существует множество. И самое, пожалуй, интересное состоит в том, что почти все современные социоконструктивные идеалисты не только объявляли, но и считали себя марксистами, а некоторые продолжают считать себя таковыми и сейчас.

Одни из них рассматривали свои философские построения как дальнейшее развитие диалектического материализма, другие как замену устаревшего диалектического материализма более высокой формой марксистской же философии. Эти системы социоконструктивного идеализма будут подробнее рассмотрены в дальнейшем изложении. Здесь же я ограничусь лишь более чем кратким их перечнем.

Это «философия живого опыта» Александра Александровича Богданова (наст. фам. — Малиновский) (1873–1928), философия Карла Корша (1886–1961), раннего Дьердя (Георга) Лукача (1885–1971), «философия практики» Антонио Грамши (1891–1937), «философия практики», пропагандировавшаяся группой югославских авторов (Гойо Петрович, Михайло Маркович, Светозар Стоянович и др.), сплотившихся вокруг журнала «Праксис», построения многих

западных неомарксистов, «деятельностная концепция познания» Игоря Серафимовича Алексеева (1935–1988), «деятельностная концепция» Георгия Петровича Щедровицкого (1929–1994), «практический материализм» в Китае наших дней.

7. Философский монизм. Понятия субстанции и акциденции

Между материалистами и идеалистами существует коренное различие в понимании и мира (бытия, природы, материального, физического и т. п.), и сознания (познания, мышления, идеального, духовного, психического и т. п.). И в то же время между ними имеется общее. Это общее заключается в том, что и те, и другие, принимая как факт существование двух качественно отличных форм реальности, духовной и физической, в то же время не допускают мысли, что эти две формы реальности представляют собой два совершенно самостоятельных, независимых друг от друга мира. С точки зрения и тех, и других, существует только один-единственный мир, и этот мир един, т. е. составляет одно единое целое. Понятия единственности и единства мира неотделимы друг от друга. Как уже указывалось, понятие единства включает в себя понятия, во-первых, наличия общего между всем существующим, во-вторых, связи всего существующего.

Согласно взгляду материалистов, кроме материи существует сознание, но оно представляет собой своеобразное порождение и проявление материи, и в таком качестве включено в один единый материальный мир. Субъективные идеалисты считают, что существует и мир, природа, но только как содержание сознания субъекта, как проявление субъективного духа. Объективные идеалисты признают независимое от сознания людей бытие природы, чувственных вещей, даже материи, но лишь как проявление, порождение и/или форму существования объективного мышления.

И материалисты, и идеалисты в равной степени являются монистами. Таким образом, *монизм* существует в двух основных

формах. Одна — монизм материалистический, другая — монизм идеалистический.

В процессе развития философской мысли возникло и получило развитие понятие «субстанция». Когда-то им широко пользовались. Теперь оно во многом забыто. Однако в целом ряде отношений оно весьма полезно. Субстанция (от лат. *substantia* — сущность, то, что лежит в основе), как ее стали понимать в Новое время, есть бытие, но при этом такое, существование которого не обусловлено никаким другим бытием, находящимся за его пределами. Это бытие существует само по себе. Оно не зависит ни от чего, кроме себя самого. Как говорил выдающийся голландский философ Б. Спиноза, субстанция есть *causa sui*, т. е. причина самой себя. Субстанции обычно противопоставляется акциденция (от лат. *accidentia* — случай, случайность) — бытие производное, имеющее началом что-то отличное от него самого. Те философы, которые признают существование лишь одной субстанции, рассматривают все акциденции как ее многообразные проявления.

Материалистический монизм состоит в признании существования одной единственной субстанции — материи, материального мира. Никаких других субстанций, кроме материальной, нет и быть не может. Идеальное, дух есть не субстанция, а лишь акциденция. Идеалистический монизм тоже заключается в признании существования одной-единственной субстанции, но только не материальной, а идеальной. Никакой другой субстанции, кроме идеальной, не существует и существовать не может. Природное, материальное не есть нечто самостоятельно существующее, а лишь проявление идеальной субстанции, и в этом смысле является ее акциденцией. Монистической философией является и социоконструктивный идеализм.

Глава 4

Дополнительные направления в философии

1. Философский дуализм и плюрализм

Выше были рассмотрены два ответа на основной вопрос философии: материалистический и идеалистический. Они основные, но не единственно возможные и не единственно существующие. Не исключен и такой ответ: ни материя не первична по отношению к сознанию, ни дух — по отношению к материи. Эти два вида реальности абсолютно равноправны и образуют два совершенно самостоятельных мира. Таким образом, существуют две субстанции: одна — материальная, другая — идеальная. Такая философская позиция носит название *дуализма* (от лат. *dua* — два, *dualis* — двойственный). В истории философии единственным крупным представителем дуализма был выдающийся мыслитель и ученый Рене Декарт (1596–1650).

Начав с положения о существовании двух субстанций, мыслящей (духовной) и протяженной (материальной), Р. Декарт подразделил первую из них на 1) первичную и бесконечную духовную субстанцию — бога и 2) производную и конечную духовную субстанцию — душу человека.

Но когда бог объявляется творцом не только конечной духовной субстанции, но и материальной субстанции, когда ему приписывается привнесение движения в материю, то, по существу, перед нами если и не полный идеалистический монизм, то во всяком случае эклектическое его сочетание с дуализмом. Но была область, в которой он выступал как последовательный дуалист.

Эта сфера психофизической (психофизиологической) проблемы, т. е. вопроса об отношении человеческой души и тела человека, психики человека и его физической организации, о работе головного мозга. Здесь он категорически настаивал на том, что духовные и нервные процессы совершенно равнозначны: первые не порождают вторых, а вторые не являются первичными по отношению к первым.

Были философы, провозглашавшие существование огромного, если не бесчисленного множества субстанций. Если исходить только из их собственных деклараций, то перед нами не что иное как *плюрализм* (от лат. *pluralis* — множественный).

Исходным пунктом учения немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) является положение о существовании множества простых неделимых, абсолютно независимых друг от друга субстанций — монад (от греч. *μονάς, μονάδος* — единица, неделимое).

Монады вечны и неуничтожимы, они не могут ни возникнуть, ни исчезнуть естественным путем. Но затем Г. В. Лейбниц объявляет монады духовными по своей природе, вводит бога, из излучений которого возникают монады и который может их уничтожить. В результате перед нами — всего-навсего своеобразная разновидность объективного идеализма.

2. Агностицизм, или феноменализм

Существует еще один ответ на основной вопрос философии. Суть его заключается в том, что на этот вопрос невозможно дать никакого ответа: он принципиально неразрешим, и заниматься этим делом совершенно ни к чему. Мы знаем мир таким, каким он нам является в сознании. Мы не знаем и не можем знать, существует ли он еще и вне нашего сознания. Мы не можем ни опровергать, ни доказать существование объективного мира или бога. Эту точку зрения принято именовать *агностицизмом* (от греч. *ἄ* — не, *γνῶσις* — знание, *ἄγνωστος* — непознаваемый). Название

не самое удачное, ибо наводит на мысль, что сторонники этого взгляда считают всё непознаваемым. Но это не так. Они не сомневаются в том, что мы знаем мир таким, каким он является в нашем сознании. Не знаем мы и никогда не узнаем только сущность мира, а тем самым и сознания. Поэтому более подходящим является термин *феноменализм* (от греч. *φαινόμενo* — явление).

Основоположником этого направления был крупнейший британский философ, шотландец Давид Юм (правильнее — Дэвид Хьюм) (1711–1776).

Хотя агностицизм — дитя Нового времени, у него в прошлом были предтечи. Первый и самый известный — один из «старших софистов» Горгий (ок. 480–435 до н. э.). В работе «О том, чего нет, или о природе» он обосновывает три тезиса: 1) ничего нет; 2) даже если что-то и существует, то оно непознаваемо; 3) даже если что-то и познаваемо, то невыразимо.

Спустя почти век Пирроном (ок. 365–275 до н. э.) из Элиды было положено начало философскому направлению, которое получило название *скептицизм* (от греч. *σkeptikisμός* — рассмотрение, сомнение). Из двух приведенных выше значений греческого слова «скепсис» в русском языке присутствует только одно — второе.

Но не всякий, кто не только просто сомневается, но даже возводит сомнение в один из важнейших принципов познания, является представителем философского скептицизма. Суть последнего — сомнение в возможности познания мира вообще.

Но можно, не сомневаясь в возможности познания мира, сомневаться в верности тех или иных конкретных положений. Принципу «во всём сомневайся» (*«de omnibus dubito»*) следовал Р. Декарт.

К. Маркс в своей «Исповеди» на вопрос: «Ваш любимый девиз?» ответил: *«De omnibus dubitandum»* («Подвергай всё сомнению»)¹. И тот и другой считали, что ничего нельзя принимать на веру, всё

---

¹ Маркс К. «Исповедь» // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956. С. 275.

нужно проверять. Но если в результате проверки выясняется, что то или иное положение верно, нужно его принимать и из него исходить в дальнейшем исследовании. Такого принципа должен придерживаться любой исследователь, будь то физик или философ. Здесь нет ничего из философского скептицизма. Как когда-то сказал великий французский физиолог и медик Клод Бернар (1813–1878), «...следует сомневаться, но не следует быть скептиком»¹.

Со скептицизмом как философским течением мы сталкиваемся тогда, когда подвергается сомнению возможность познать истину. Существуют разные степени, а тем самым и формы скептицизма.

Когда философ переходит от сомнения в достоверности знания к полному отрицанию возможности познать истину, то он уже не скептик, а агностик. Агностицизм можно рассматривать и как течение, отличное от скептицизма, и как крайнюю степень последнего. Во всяком случае ясно, что в истории философской мысли были скептики, которых никак нельзя назвать агностиками. Таков, в частности, выдающийся французский мыслитель Мишель Эйкем де Монтень (1533–1592).

В философской литературе агностицизм довольно часто характеризовался как один из вариантов скептицизма, а иногда между этими понятиями даже ставился знак равенства. Так, например, И. Г. Фихте, четко выделявший два основных направления в философии — идеализм и догматизм (материализм), — говорил о существовании также еще и скептицизма. И в качестве главного представителя скептицизма, или критического скептицизма, он называл Д. Юма². Так считали и некоторые другие исследователи³. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что скептицизм был одним из идейных источников юмовского агностицизма.

¹ Бернар К. Введение к изучению опытной медицины. СПб.; М., 1866. С. 68.

² Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Фихте И. Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. М., 1995. С. 305.

³ См.: Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма. Ч. 1. Теоретическая философия. Гл. 7. М., 1905.

3. Поздние разновидности агностицизма, включая самые последние — современные

Идеи Д. Юма, возникшие в ту эпоху истории западной философии, которую принято обозначать как классическую (она завершилась возникновением учений Г. Гегеля и Л. Фейербаха), получили свое развитие в последующую эпоху — неклассическую, или постклассическую. Они легли в основу течения в философии, которое получило название *позитивизма* (от лат. *positivus* — положительный). Такое название оно получило потому, что его основоположники заявляли, что они хотят освободить философию от метафизики, от всевозможных непроверяемых спекуляций, типа рассуждений о том, существует или не существует объективный мир, и базировать ее исключительно на позитивном, проверяемом на опыте знании.

Первыми позитивистами были француз Исидор Огюст Мари Франсуа Ксавье Конт (1798–1857) и англичане Джон Стюарт Милль (1806–1873) и Герберт Спенсер (1820–1903). Их взгляды в последующее время, когда появились иные формы позитивизма, получили название *первого позитивизма*.

За ним последовало то, что принято называть *вторым позитивизмом*. Его основоположники — уже известный нам Рихард Авенариус и австрийский физик Эрнст Мах (1838–1916). Его именуют также *эмпириокритицизмом* (от греч. *ἐμπειρία* — опыт и критика — искусство разбирать, судить) и *махизмом*. Эта философия существует в нескольких вариантах, ни один из которых не является чистым агностицизмом. Все они — замаскированные формы субъективного идеализма, что отчетливо видно на примере рассмотренной выше концепции принципиальной координации. Остальные не лучше.

В начале XX в. в довольно аморфном виде зарождается новое, в целом феноменологическое течение, которое значительно позднее получает название *аналитической философии*, хотя точнее всего его можно охарактеризовать как *аналитический*, или

лингвистический, феноменализм. У его истоков — Джордж Эдвард Мур (1873–1958), Бертран Рассел (1872–1970) и Людвиг Витгенштейн (1884–1950).

В 1920-е годы внутри аналитической философии выкристаллизовывается направление, которое получило название *третий позитивизм*, *неопозитивизм*, *логический позитивизм*, *логический эмпиризм*. Однако далеко не все исследователи включают неопозитивизм в рамки аналитической философии. Некоторые рассматривают его как особое течение, отличное от аналитической философии.

Крупнейшие представители логического позитивизма — Мориц Шлик (1882–1936), Филипп Франк (1884–1966), Рудольф Карнап (1891–1970), Курт Гедель (1906–1978). В неопозитивизме в наиболее отчетливой форме проявились все те особенности, которые дали основания называть феноменистическую философию XX в. аналитической.

Неопозитивизм всегда претендовал на то, что он является учением о научном знании, философией науки. Как и их предшественники, неопозитивисты исходили из того, что мы можем знать лишь содержание нашего чувственного познания. Но эти чувственные данные всегда у человека зафиксированы в высказываниях, облечены в языковую форму. Эти высказывания чувственны не в меньшей степени, чем обычные явления, и поэтому вполне доступны познанию. Совокупностью высказываний является и научное знание. Поэтому философия, чтобы нарисовать картину научного познания, должна заниматься анализом языка науки. Другие представители аналитической философии ставили своей задачей анализ обыденного языка. Это течение стало называться *философией лингвистического анализа*, *философией анализа обычного языка* или, короче, *лингвистической философией*.

В 1960-х годах довольно четко обнаруживается несостоятельность неопозитивизма. В результате возникает *постпозитивизм*, представленный прежде всего трудами Карла Раймунда Поппера (1902–1994), Томаса Сэмюэла Куна (1922–1995), Имре Лакатоса

(Лакатоша) (1922–1974) и Пола (Пауля) Карла Фейерабенда (1924–1994), а также несколько других течений, придерживающихся в сущности той же самой феноменалистической (агностической) ориентации. Именно тогда в качестве общего обозначения если не всех, то по крайней мере значительной части феноменалистических учений XX в., и возник термин «аналитическая философия».

Уже представители первого позитивизма выступали с заявлениями о создании ими абсолютно новой, ранее никогда не существовавшей линии в философии, поднявшейся выше совершенно устаревших к данному времени систем и идеализма, и материализма, третьей, не материалистической и не идеалистической, совершенно нейтральной линии в философии. Претендуя на преодоление односторонности и материализма, и идеализма, они практически очень часто противоречиво сочетали в своих трудах положения, позаимствованные как из одного, так и из другого основного течения философии. Как уже указывалось, подобного рода сочетание во взглядах одного и того же человека взаимоисключающих положений именуется эклектикой (эклектицизмом). Среди позитивистов всегда существовал большой разнотечий.

Нередко случалось, что за позитивизм, агностицизм выдавалось воззрение по существу материалистическое. Особенно частым это было в Великобритании, в которой в XIX в. быть материалистом и атеистом считалось совершенно неприличным. В результате ученых, не приемлющий идею бога, вынужден был объявлять себя агностиком. Так, в частности, поступил английский естествоиспытатель, страстный пропагандист дарвинизма Томас Генри Гексли (Хаксли) (1825–1895), который в 1869 г. впервые ввел термин «агностицизм». Агностиком называл себя и сам Чарлз Роберт Дарвин (1809–1882), хотя, как это стало известно из его автобиографических заметок, впервые полностью опубликованных лишь в 1957 г. в СССР, он ни в малейшей степени не сомневался в существовании и познаваемости объективной реаль-

ности и был убежденным противником любой религии, включая христианскую¹.

Но если на одном полюсе позитивизма были, выражаясь словами Ф. Энгельса, «стыдливые» материалисты², то на другом, используя на этот раз эпитет Г. В. Плеханова, «трусливые» субъективные идеалисты, которые всеми способами пытались открититься от обвинений в солипсизме³. В числе этих приемов — и ссылки на невозможность знать о существовании или несуществовании чего бы то ни было вне сознания, и утверждения, что в основе мира лежит не материя и не дух, а нечто третье, и дополнение субъективного идеализма положениями, заимствованными у материализма или, наконец, всё перечисленное вместе взятое. А между этими двумя полюсами простиралась целая гамма воззрений, в которых в разных пропорциях эклектически сочетались положения идеализма и материализма, причем, как правило, с явным преобладанием первых.

Новое, что внес по сравнению с первым и вторым позитивизмом неопозитивизм, заключалось в том, что основной вопрос философии был объявлен не проблемой, а псевдопроблемой, заниматься которой не имело абсолютно никакого смысла. «Также должно быть ясно, — писал английский неопозитивист Альфред Джулис Айер (1910–1989), — что не существует философская проблема относительно отношения сознания и материи, отличающаяся от лингвистических проблем определения некоторых символов, обозначающих логические конструкции в терминах символов, обозначающих чувственное содержание. Все проблемы, которые

---

¹ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография), 1876–1881 // Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). Дневник работы и жизни. М., 1957. С. 98–197.

² См.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С. 284; Он же. Введение к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 302. Эти высказывания Ф. Энгельса были использованы В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (С. 360).

³ См.: Плеханов Г. В. Трусливый идеализм // Плеханов Г. В. Соч. Т. 17. М., 1924.

мучили философов в прошлом и которые касаются возможности наведения мостов над „пропастью“ между сознанием и материей в познании или в действии, надуманы и возникают в бессмысленной метафизической концепции сознания и материи, или сознания и материальных вещей как „субстанций“»¹.

4. Терциаризм

Выше были приведены примеры мыслителей, которые достаточно четко осознавали существование основного вопроса философии и давали на него совершенно однозначный ответ (Платон, Дж. Беркли, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс и др.). Но была и масса философов, которые всячески увертывались от ответа на него. И их ряды не исчерпываются одними лишь агностиками.

Некоторые философы заявляли, что в основе мира лежит не материя и не сознание, а нечто третье, равноправными проявлениями которого являются духовное и физическое. Их точку зрения можно назвать *терциаризмом* (от лат. *tertia* — третий).

Примером может послужить еще один вариант эмпириокритицизма. Как уже отмечалось, его основоположники первоначально находились на позициях откровенного субъективного идеализма. Затем началась его маскировка. Еще один прием состоял в том, что Р. Авенариус, а вслед за ним Э. Мах объявили, что они открыли нечто третье — «элементы мира», которые не представляют собой ни психическое, ни физическое, а являются неразрывным единством и того и другого. В действительности, как это прекрасно показал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», всё их открытие свелось к тому, что они переименовали в элементы мира не что иное, как известные всем философам ощущения. В результате выдвинутое Дж. Беркли положение о том, что любая вещь есть совокупность ощущений,

¹ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М., 2010. С. 179.

превратилось в тезис, что каждый предмет представляет собой комплекс элементов мира¹. В целом и этот вариант представляет собой по сути обыкновенный субъективный идеализм, нагота которого прикрыта вновь изобретенной терминологией, позволяющей при нужде эклектически вводить отдельные положения материализма. Нелепо прозвучало бы утверждение, что ощущения существуют не только как моменты сознания, но и вне и независимо от него. Но если сказать то же самое об «элементах мира», то абсурдность этого высказывания сразу в глаза не бросается.

И основоположники эмпириокритицизма, и их последователи довольно часто в качестве чего-то третьего, нейтрального, проявлением которого являются и психическое и физическое, называли опыт. Они старались по возможности никак не определять, что же именно они понимают под опытом. Но как только они начинали оперировать этим понятием, то становилось ясным, что под опытом они понимают поток ощущений и восприятий.

Поисками чего-то третьего, нейтрального, занимались сторонники и некоторых течений иррационализма. У части их в качестве исходной категории выступало понятие жизни как некоей интуитивно познаваемой целостной реальности, не тождественной ни духу, ни материи. Предтечей этой «философии жизни» считается Фридрих Ницше (1844–1900), крупнейшими представителями — Вильгельм Дильтей (1833–1911), Георг Зиммель (1858–1918), Анри Бергсон (1859–1941), Освальд Шпенглер (1880–1936).

У В. Дильтея мы встречаем положения, мало отличающиеся от агностических. «Скептицизм, — писал он, — преследующий, словно тень, метафизику, привел доказательства тому, что мы как бы заперты в границах собственных впечатлений, а поэтому не можем познать их причину и высказать что-либо определенное о реальных свойствах внешнего мира. Все чувственные ощущения относительны и не позволяют заключить, что их порождает. Даже

---

¹ См. аргументированную критику махизма В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

понятие причины есть отношение, привносимое нами в мир вещей, и у нас нет законных оснований применять это отношение к внешнему миру. История метафизики к тому же показала, что о взаимосвязях между мышлением и объектами не может быть составлено никакого ясного представления, всё равно, обозначим ли мы его как тождество или параллелизм, соответствие или совпадение»¹. А. Бергсон прямо объявлял материализм и идеализм «одинаково крайними избыточными положениями»².

Сторонники другого направления иррационализма — экзистенциализма — клали в основу своей философии понятие существования (экзистенции), тоже не тождественное ни духу, ни материи.

Выделение пяти ответов на основной вопрос философии и тем самым пяти направлений в философии — материализма, идеализма, дуализма, агностицизма (феноменализма) и терциаризма — с чисто формальной точки зрения является совершенно обоснованным. Но если же подходить к этому делу по существу, то пять рассмотренных выше ответов на основной вопрос философии и пять направлений в ней должны быть сведены к двум основным ответам и двум основным течениям. Первый главный ответ на основной вопрос философии — признание мира за первичное, сознание за вторичное. Это — материализм. Другой ответ: отказ признать мир первичным, а сознание вторичным. Это — антиматериализм, представленный откровенным идеализмом, дуализмом, агностицизмом и терциаризмом. По своей сути дуализм, феноменализм и терциаризм представляют собой тот же самый идеализм, но только не открытый, а скрытый, «стыдливый» идеализм. Таким образом, все антиматериалистические течения в философии являются идеализмом в самом широком смысле этого слова.

---

¹ Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Дильтей В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 2000. С. 708.

² Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. М., 1992. С. 160.

Рассмотренные выше направления в философии, два главных (материализм и идеализм) и три дополнительных (дуализм, феноменализм и терциаризм), отличаются друг от друга различными решениями основного вопроса философии. Поэтому их можно объединить под названием основных направлений. Но кроме основного вопроса в философии существуют и другие проблемы, которые могут решаться и решаются различными философами по-разному. Поэтому философские системы могут различаться и различаются и по признакам иным, чем решение основного вопроса. В зависимости от решения проблемы источника знания и познания философы подразделяются на сторонников *сенсуализма* и *рационализма*. Выше уже упоминались два направления в решении проблемы общего и отдельного: *реализм* и *номинализм*. К ним нужно добавить еще одно — *объектализм*.

Глава 5

Философия и религия

1. Различие между идеализмом и религией

Объективный идеализм внешне очень схож с такими высшими формами религии, как христианство и ислам. Это сходство нередко абсолютизировалось. Так, например, в советской философской литературе, в частности, в учебниках по философии идеализм нередко характеризовался как утонченная, рафинированная форма религии, а религия, соответственно, как грубая, примитивная форма идеализма¹. С этим связано утверждение, что у религии, как и у идеализма, существуют не только социальные, гносеологические (теоретико-познавательные) корни.

Взгляда на близость, даже известное тождество, идеализма и религии придерживался даже уже известный нам Э. В. Ильенков². «А ведь фетишизм, — писал он в одной из работ, — есть самая грубая, самая первобытная и дикая форма идеализма, наделяющего (в фантазии, разумеется) всеми атрибутами „духа“ кусок бревна, украшенный ракушками и перьями»³. Такого рода взгляд

---

¹ См., например: Бухарин Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. 3-е изд. М.; Пг. [1924]. С. 54; Основы марксизма-ленинизма М., 1959. С. 40; Спиркин А. Г. Курс марксистской философии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1966. С. 12–13. Отождествление религии и объективного идеализма имеет место и в современной отечественной философской литературе. См. например: Левин Д. Г. Можно ли религиозное знание приравнять к научным гипотезам? // Вопросы философии. 2004. № 9. С. 81.

² Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия Т. 2. М., 1962. С. 219, 222; Он же. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 137–138. № 7. С. 156.

³ Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 7. С. 156.

ошибочен. Между религией и идеализмом существует качественное различие. Они относятся к отличным друг от друга формам общественного сознания.

Советские философы, отстаивая этот взгляд, чаще всего ссылались на одно из высказываний Ф. Энгельса. «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии, — писал он, — есть вопрос об отношении мышления к бытию. Уже с того отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру... Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости»¹.

Когда Ф. Энгельс относил начало постановки основного вопроса философии к появлению той формы первобытной религии, которая в его время носила название анимизма (от лат. *anima* — душа), он ошибался. Эта ошибка была связана с уровнем развития тогдашней науки о первобытности. Он принял за истину ту концепцию возникновения анимизма, которая развивалась в работе выдающегося английского этнографа Эдуарда Барнетта Тайлора (Тэйлора) (1832–1917) «Первобытная культура» (1871). Согласно Э. Тайлору, эта первоначальная, по его мнению, форма религии возникла как продукт размышлений дикаря-философа над проблемами сновидения и смерти. В действительности же анимизм имел совсем иные корни². Никакого дикаря-философа, предаю-

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии... С. 282–283.

² О возникновении и эволюции веры в «душу» см.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. 2-е издание с новым предисловием и приложениями М., 2003. С. 494–526.

щегося отвлеченным рассуждением, в реальности никогда не существовало.

В высших формах религии слова «душа» и «дух» используются для обозначения того, что качественно отлично от тела, чего-то бестелесного, нематериального. В первобытной же религии отделяющийся от тела двойник человека понимался как нечто вполне телесное. Понятие бестелесного, духовного в нашем понимании этого слова было совершенно чуждо не только первобытным людям, но большинству людей и в классовых обществах. Как вполне телесные, и ни в каком смысле не духовные, понимались и первобытными людьми, и крестьянами цивилизованных обществ все сверхъестественные существа, которые у этнографов долгое время было принято именовать духами. Достаточно вспомнить представления русских крестьян даже XIX – начала XX в. о леших, водяных, домовых, банниках, овиnnиках и т. п. Все они мыслились хотя и как сверхъестественные, но тем не менее вполне телесные существа. Поэтому этнографы теперь всё чаще называют их не духами, а демонами. Древними греками вполне телесными представлялись не только демоны — дриады, наяды, сатиры и т. п., — но и боги Олимпа.

Основной вопрос философии встал перед людьми только тогда, когда было открыто познание. Лишь тогда, когда объектом познания наряду с миром стало и само познание (именно познание, а не просто знание), встал вопрос об отношении между ними. Произошло это далеко не сразу после появления первых философских учений. И чувственное познание (ощущения, восприятия), и мышление как умозрение, а не просто психическое переживание, впервые открыли только древнегреческие философы, составлявшие Элейскую школу (VI–V вв. до н. э.), но уж ни в коем случае никак не первобытные люди. Представлению же о познании как о чем-то качественно отличным от телесного, материального, — понятию духовного, идеального положил начало лишь Платон.

Многие советские философы, обосновывая изложенный выше взгляд на отношение между идеализмом и религией, ссылались

не только на Ф. Энгельса, но и на В. И. Ленина. Обычно приводилось содержащееся в «Философских тетрадах» высказывание последнего: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее, ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога?»¹ Ссылка эта основана на явном недоразумении. Как явствует из контекста, говоря о «первобытном идеализме», В. И. Ленин имел в виду вовсе не религию первобытного общества, а идеализм Пифагора и Платона, который действительно был первоначальным, первым бывшим, первобытным в буквальном смысле слова.

Идеализм и религия отличаются не только и не столько формой, сколько содержанием. У них совершенно различная сущность. Суть религии заключается в признании существования некой сверхъестественной силы, от которой зависит успех или неуспех любой человеческой деятельности, а тем самым, в конечном счете, ход и исход человеческой жизни в целом. Так как никакого разумного доказательства бытия такой силы нет и в принципе быть не может, то ее признание предполагает слепую, нерассуждающую веру в бытие этой силы. Если человек верит в бытие такой силы, то он неизбежно должен совершать особого рода действия, долженствующие так повлиять на нее, чтобы она помогла человеку в его деятельности или, по меньшей мере, не вредила ему. Совокупность этих действий принято называть культом. Таким образом, два необходимых признака любой религии, включая и самые низшие ее формы (магию, оменализм, фетишизм, эманизм, демонизм), это 1) *вера в сверхъестественную силу* и 2) *культ*. Религия никогда не есть только извращенный, иллюзорный образ мысли, она всегда одновременно и извращенный, паразитический образ действий².

¹ Ленин В. И. Конспект книги Аристотеля «Метафизика» // Философские тетради. С. 329.

² См.: Семенов Ю. И. Происхождение и развитие религии, мифологии, теологии и религиозной философии. М., 2018.

Иное дело — идеализм. Он не предполагает существования какого бы то ни было культа. Даже когда идеалист называет объективный разум богом, он не совершает никаких действий, имеющих целью добиться от последнего каких-либо житейских выгод. Идеализм в своем чистом, классическом виде в принципе не требует никакой веры. Он апеллирует к знанию, к логике и всегда стремится обосновать свои положения.

У религии и идеализма совершенно разные корни в действительности. Религия вырастает из трудностей обыденной, практической деятельности людей, из мук реальной человеческой жизни. Никаких гносеологических корней у религии нет¹. Такие корни есть только у идеализма. Он рождается из мук познания, стремящегося познать самого себя.

Об ошибочности взгляда на объективный идеализм как на утонченную форму религии свидетельствует хотя бы тот факт, что некоторые его сторонники были открытыми атеистами. Атеизма, в частности, придерживались многие из тех последователей философии Г. Гегеля, которые известны под названием левых гегельянцев, или младогегельянцев. К их числу относились Бруно Бауэр, Эдгар Бауэр, Арнольд Руге (1802–1880), Людвиг Фейербах, Макс Штирнер (Иоганн Каспар Шмидт), Моисей (Мозес) Гесс (1812–1875), Карл Маркс, Фридрих Энгельс и др. Атеистами вполне могли быть и субъективные идеалисты, и иррационалисты. Кроме Артура Шопенгауэра (1788–1860) и Фридриха Ницше атеистами были и такие видные представители современной разновидности иррационализма — экзистенциализма, — как Жан Поль Сартр (1905–1980) и Альбер Камю (1913–1960)². Атеистами, хотя и не до конца последовательными, в принципе (хотя не обязательно в реальности) должны были быть и были агностики. Самый известный из атеистов-агностиков Бертран Рассел — автор мно-

¹ См. Семенов Ю. И. Происхождение и развитие религии, мифологии, теологии и религиозной философии. М., 2018.

² См., например, сборник: Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов. М., 1989.

гих работ, содержащих аргументированную критику религии вообще, христианства в первую очередь¹.

Существование идеалистов-атеистов — несомненный факт. Но столько же несомненен и факт наличия в истории философской мысли и материалистов, которые не были атеистами. Самый яркий пример — основоположник эмпирического материализма Нового времени, великий английский философ Ф. Бэкон. Он не только не выступал с критикой религии, но вел себя в жизни как правоверный англианин. Другой еще более яркий пример — уже упоминавшийся выше П. Гассенди. Он, с одной стороны, возрождал, пропагандировал и развивал атомистический материализм Эпикура, а с другой — был католическим священнослужителем, причем не притворявшимся верующим, но действительно им бывшим.

2. Концепция двойственной (двойной) истины

Как уже отмечалось, подход домарксистских и современных немарксистских материалистов был непоследовательным. Даже если оставить в стороне взгляды на общество, которые у всех этих материалистов без малейшего исключения были идеалистическими, в их и гносеологии, и онтологии материалистическое решение одних философских проблем вполне могло противоречиво сочетаться с идеалистическими ответами на другие философские вопросы. Кстати сказать, непоследовательными могли быть и были и идеалисты, не говоря уже об агностиках и дуалистах. Непоследовательность тех или иных материалистов давала некоторым историками философии основание причислять их к идеалистическому лагерю.

Материалистами нужно считать всех тех философов, которые, несмотря на определенные отклонения в сторону идеализма и агностицизма, главные и основные проблемы философии

---

¹ См.: Рассел Б. Почему я не христианин. Избранные атеистические произведения. М., 1987.

решали всё-таки материалистически. Материалистом, хотя и не во всем последовательным, был Ф. Бэкон. Несмотря на принятие им религии, в его философских работах понятие бога по существу почти полностью отсутствует. Всё дело в том, что Ф. Бэкон придерживался концепции двойственной (двойной) истины, или, точнее, концепции существования двух принципиально различных друг от друга и независимых друг от друга истин: истины откровения, лежащей в основе религии, и истины разума, на которой основывается наука.

Исходя из этой концепции, Ф. Бэкон считал, что ученому не нужно вторгаться в чуждую ему область истины откровения. Это поле деятельности священников и богословов. Но и последним не нужно вмешиваться в дела науки. Здесь всемерно царит разум, который всецело опирается на данные опыта. То, чего нет в опыте, для ученого в его сфере деятельности не должно существовать. В философии Ф. Бэкона места богу нет. Для него существует только природа и ее познание человеком. С негодованием и презрением писал он о тех философах, «которые под влиянием веры и почитания примешивают к философии богословие и предания. Суетность некоторых из них дошла до того, что они выводят науку от духов и гениев»¹. «Извращение философии, вызываемое примесью суеверия и теологии, — продолжал он, — идет еще дальше и приносит величайшее зло философиям в целом и их отдельным частям»². И речь у Ф. Бэкона идет не только о трудах теологов и обыденных суевериях, но о священном писании. «...Погрузившись в эту суету, — читаем мы дальше, — некоторые из новых философов с величайшим легкомыслием дошли до того, что попытались основать естественную философию на первой главе книги Бытия, на книге Иова и других священных писаниях... Эту суетность нужно сдерживать и подавлять...»³

¹ Бэкон Ф. Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 29.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

Учением о двойственной истине руководствовался и П. Гассенди. К этому принципу он прибегал, например, защищая науку от посягательств теолога и мистика Роберта Флудда (1574–1637): принятые на веру религиозные догматы, нужные и пригодные для спасения души, совершенно непригодны для научного объяснения природы¹.

3. Деизм, пантеизм, панпсихизм и гилозоизм

Не были атеистами и некоторые другие представители материализма. Они признавали существование бога, который сотворил мир, представляющий собой движущуюся материю. Это, конечно, было отступлением от материализма. Но далее они настаивали на том, что в дела созданного им и приведенного в движение материального мира бог совершенно не вмешивается. Движение мира всецело идет по его собственным объективным законам, без какого бы то ни было участия божественной воли. Такого рода взгляд на мир носит название *деизма* (от лат. *deus* — бог). Часть деистов признавала также существование бессмертной души, которую бог в зависимости от поведения человека после его смерти милует или карает.

Деистами были уже упоминавшиеся выше английские материалисты Дж. Локк, Дж. Толанд, Дж. Пристли, Э. Коллинз, а также Дейвид Гартли (1704–1757), Жан Жак Руссо (1712–1778) и один из самых выдающихся деятелей Просвещения XVIII в. Вольтер (наст. имя — Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778).

Нетрудно заметить, что такое учение, признавая бытие бога, в то же время не только ставит под сомнение, а полностью отвергает самое главное положение всякой религии: существование сверхъестественной силы, от которой зависит успех или неуспех человеческой деятельности, а тем самым делает совершенно

---

¹ См.: Ситковский Е. Материалист Пьер Гассенди // Гассенди П. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 12.

ненужными культ и церковь. Деизм по своей сущности антирелигиозен. Он прямо противоположен тому взгляду, который принято именовать *теизмом* (от греч. *Θεός* — бог). Последний состоит в признании существования высшего существа (или нескольких высших существ), наделенного сверхъестественной силой, от которой зависит жизнь каждого конкретного человека, что, как само собой разумеющееся, предполагает необходимость культа этого высшего существа (или высших существ). Будучи отрицанием теизма, деизм тем самым по существу являлся атеизмом, но только прикрытым теологической оболочкой.

Еще одной формой, в которой материалисты, не отказываясь от слова «бог», фактически отстаивали атеизм, был *пантеизм* (от греч. *παν* — всё, *Θεός* — бог). Суть пантеизма заключается в отождествлении бога и природы, бога и объективного мира. Пантеисты-материалисты шли дальше деистов. Если последние признавали всё же существование бога как высшего существа, хотя и не вмешивающегося в дела объективного мира, то у первых бог никаким существом не был. Слово «бог» у них обозначало объективный мир, и только.

Первым пантеистом в истории философии был, по-видимому, основатель знаменитой Элейской школы в древнегреческой философии — Ксенофан (570–480 до н. э.). Из числа материалистов-пантеистов Нового времени наиболее известен уже упоминавшийся Б. Спиноза.

В той или иной степени к пантеизму близок *гилозоизм* (от греч. *ὕλη* — вещество, материя и *ζωή* — жизнь), который определяется по-разному. Одна его дефиниция — учение о том, что миру в целом присуща жизнь, т. е. что он оживотворен, другая — учение о том, что все вещи имеют душу, т. е. весь мир одушевлен.

Принято считать, что первым в истории философской мысли гилозоистом был Фалес. Но хотя последний пользуется словом «психе», которое обычно переводится как душа¹, говорить о том,

---

¹ См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 100–101.

что он одушевлял или даже оживотворял природу в нашем смысле этих слов, вряд ли возможно. Так как Фалес считал, что в мире происходит непрерывное возникновение и исчезновение вещей, он должен был предполагать наличие у них какой-то силы, какой-то способности, обуславливающей эти процессы. Эту силу он и называл «психе». Наличие такой силы делает и все вещи, и природу в целом не косными, застывшими, пассивными, а активными, наделенными энергией и поэтому движущимися, самоизменяющимися. Фалес не оживотворяет и тем более не одушевляет природу; он, если можно так выразиться, ее «потенцирует», «энергетизирует», «активизирует». В развитии древнегреческой философской мысли наблюдается постепенное сужение смысла слова, которое принято переводить как «душа». Если вначале под «душой» понимается активность, присущая всей природе, то в дальнейшем она присуща только всему живому (так обстоит дело, в частности, у Аристотеля), а затем только животным и человеку. В последнем случае слово «душа» начинает обозначать только психику. И, наконец, уже в Новое время Р. Декарт выдвинул тезис, что душа присуща только человеку.

Когда душа стала пониматься как явление исключительно психическое, учение о всеобщей одушевленности природы получило еще одно название — *панпсихизм* (от греч. *παν* — всё, и *ψυχή* — душа). Но это вовсе не означает, что слово «гилозоизм» с тех пор начинает использоваться для обозначения учения лишь об оживотворенности, но не одушевленности природы. Оно используется и для обозначения учения, согласно которому всей природе присуща не только жизнь, но способность чувствовать, ощущать и даже мыслить.

Дело в том, что учение о всеобщей одушевленности может истолковываться как материалистически, так и идеалистически. Термин «гилозоизм» обычно применяется для обозначения материалистически понимаемого «одушевления» природы. Такого рода гилозоизм присутствовал в качестве момента в некоторых чисто атеистических материалистических концепциях. Он отчетливо прогля-

дывает в работах Д. Дидро. Сочетался он и с деизмом, что можно видеть на примере трудов Жана Батиста Рене Робине (1735–1820).

Своеобразное место среди пантеистов занимает итальянский мыслитель Джордано Бруно (1548–1600). Он не просто отождествлял бога и мир, а признавал существование мировой души, пронизывающей всю природу. Все вещи, по его мнению, обладают душой или, по крайней мере, жизненным началом. Таким образом, его пантеизм сочетался с панпсихизмом и гилозоизмом в буквальном смысле последнего слова. Пантеизм и в таком варианте носил антирелигиозный характер, но панпсихизм обуславливал наличие в учении Дж. Бруно наряду с материалистической основой определенных элементов объективного идеализма.

Но пантеизм совершенно не обязательно был своеобразной формой материализма, как это наблюдалось у Б. Спинозы. Он мог быть и чисто идеалистическим. В таком виде он, в частности, выступает у Г. Гегеля. Именно идеалистический пантеизм Гегеля и дал возможность наиболее радикальным его последователям перейти, не порывая при этом с основами гегельянства, на позиции атеизма.

В разные исторические эпохи и в разных условиях пантеизм играл далеко не одинаковую роль. В эпоху засилья религии пантеизм был более или менее скрытой формой отказа от понятия бога, а тем самым и от религии. В наше время, когда наука непрерывно теснит религию, пантеизм представляет собой изошренную попытку любым способом сохранить понятие бога, спасти хоть бы что-нибудь из рушащегося здания религии, хоть бы как-то продлить ее существование в мире философского и научного знания.

4. Религия, теология (богословие) и религиозная философия

Своеобразная разновидность идеалистической философии — философия религиозная. Последняя тесно связана не только и не просто с религией, а с такой формой духовной деятельности,

которую называют богословием, или теологией. Религиозная философия чаще всего возникала из теологии, а иногда в ходе развития трансформировалась в теологию.

Первоначально религия носила сугубо практический характер: она, конечно, включала в себя верования в сверхъестественные силы, но главным в ней был вопрос не о природе и устройстве этих сил, а о действиях (обрядах), которые необходимо предпринять человеку, чтобы обеспечить благоприятное влияние данных сил на его практическую деятельность и отвести неблагоприятное. Изначально вся религия сводилась к ритуальным действиям и неразрывно связанным с ними верованиям, которые можно назвать практическими. Она ничего не объясняла и не претендовала на объяснения каких бы то ни было явлений.

В дальнейшем совершенно независимо от религии стали возникать мифы, суть которых заключалась в объяснении тех или иных природных и социальных феноменов действиями героев этих повествований. Позднее наряду с мифами, которые никак не были связаны с религией, возникли религиозные мифы¹. Так в религию вошел третий компонент, на первых порах не имевший существенного значения.

С переходом от первобытности к классовому обществу стали возникать вначале религиозные идеи, а затем и религиозные учения (вероучения). И религиозные идеи, и религиозные учения первоначально были облечены в мифологическую форму. В этой форме первоначально выражались и основные положения тех или иных религий — религиозные догматы. Во многих случаях стали создаваться тексты, в которых излагались религиозные идеи и вероучения и содержались указания, какие именно обряды и каким именно образом их нужно исполнять, чтобы добиться благоволения сверхъестественных сил, которые на этом этапе приобретают облик богов или даже одного единого бога.

¹ См.: Семенов Ю. И. Происхождение и развитие религии, мифологии, теологии и религиозной философии. М., 2018. 2005.

И если не всегда и не везде, то в определенных исторических условиях появлялась нужда в истолковании, объяснении и обосновании содержащихся в священных писаниях идей и обрядов. Результатом было возникновение теологии (богословия). Теология, в отличие от религии, с необходимостью предполагает размышление, что сближает ее с наукой и философией. Именно наличие размышления дает теологии основание претендовать на звание науки, что нашло выражение в ее названии. Размышление является важнейшим моментом исследования. Исходя из этого, теологи считают, что они, равно как все другие ученые, включая философов, занимаются исследованием.

Но эти претензии не имеют под собой никакой реальной основы. Ученые исследуют природу и общество, философы — истину. И природа, и общество, и истина существуют на самом деле. Объектом размышления теологов являются сверхъестественные силы, прежде всего боги, если религия является политеистической, или единый бог, если религия является монотеистической. Но сверхъестественных сил в реальности не существует. Таким образом, теология «исследует» то, чего в реальности нет.

Наука исходит из фактов, относящихся к природе и обществу, философия опирается на данные о протекании процесса познания истины. Теология же может исходить только из религиозных текстов: религиозных писаний и религиозных преданий.

«...Наше богословие, — писал средневековый религиозный философ и христианский богослов Иоанн Дунс Скот (1265–1308), — фактически есть [знание] только того, что содержится в Писании, и того, что может быть из этого выведено... Наше откровенное богословие не может быть знанием, что познается нами естественным образом»¹.

Вот как насмешливо рассказывал о возникновении христианской теологии выдающийся французский поэт-просветитель Эварист Дезире Дефорж де Парни (1753–1814):

---

¹ Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное. М., 2001. С. 147–148.

*Страсть к богословью всеми овладела,
Ни до чего другого нет им дела,
На полках фолиантов строй возник.
Все заняты разбором, толкованьем,
Подделкою или перевираньем
Священных, хоть недостоверных книг.
Где здравый смысл? Им все пренебрегают¹.*

Столь же саркастически пишет поэт о богословских проблемах и предлагаемых теологами решениях:

*«Христос — в дарах!» — одни из них кричат.
«Нет, он — на них!» — другие голосят.
«Вокруг даров он!» — третьи говорят.
«Вы врете всё! — четвертые вопят, —
Христос, вестимо, спрятан под дарами!»²*

Не имея права усомниться в истинности всего изложенного в священных книгах, теология лишь толкует и объясняет содержащиеся в них положения. В частности, в результате работы теологов получают достаточно четкую формулировку религиозные догматы. Этим занимается т. н. догматическое богословие. В последующем теологи занимались толкованием не только священных писаний и преданий, но и сочинений авторитетнейших представителей своей конфессии. Естественно, что богословские размышления ни в коем случае не являются исследованиями, а теология в целом никогда не была и в принципе не может быть наукой.

Возникает вопрос: является ли теология вообще знанием? Он в равной мере относится и к религии. Религия даже в самой своей первоначальной и примитивнейшей форме, а таковой является магия, всегда включает в себя знание. Магия предполагает знание об обрядах, которые необходимо совершить, чтобы добиться

¹ Парни Э. Война богов. Л., 1970. С. 120.

² Там же. С. 123.

успеха в тех или иных здоровых практических действиях людей (охота, рыбная ловля). Это, несомненно, знание, но своеобразное, знание об использовании человеком собственных сверхъестественных сил. Но таковых сил в реальности нет. Поэтому оно — знание только по видимости, мнимое, пустое знание (пустознание), ложное знание (лжезнание). И таково не только любое религиозное знание, но и теологическое. Теология есть разработанное, систематизированное, но тем не менее лжезнание.

Разные теологи, даже придерживающиеся одного религиозного учения, могли по-разному истолковывать и объяснять те или иные идеи, те или иные обряды. Как следствие, возникали споры о правильности тех или иных интерпретаций. Необходимо было умение аргументировать свою точку зрения, обосновывать истинность выдвигаемых положений и опровергать доводы противников, доказывать их ложность.

«Ведь мы не сможем, — писал средневековый теолог и философ Пьер (Петр) Абеляр (1079–1142), — опровергнуть нападки еретиков или каких-либо неверных, если не будем в состоянии сокрушить их рассуждения и опровергнуть их софизмы истинными доказательствами так, чтобы ложь уступила место истине и чтобы диалектики подавили софистов, всегда готовые, как уверещает святой Петр, к удовлетворению всякого спрашивающего у нас доказательств об имеющихся у нас надежде или вере»¹.

В результате перед теологами вставал вопрос о том, как отличить истину от заблуждения, и соответственно о том, что такое истина и чем она отличается от заблуждения, какие пути ведут к истине, а какие — к заблуждению. А эти проблемы были уже не богословскими, а философскими.

В результате в недрах теологии могли зарождаться и нередко зарождались элементы философии. Затем могло произойти выделение философии в качестве особой области духовной жизни,

¹ Абеляр П. Возражения некому невежде в области диалектики, который, однажды, порицал занятия ею и считал все ее положения за софизмы и обман // Абеляр П. История моих бедствий. М., 1959. С. 92.

отличной от богословия. Но и после отделения философии от теологии связь с последней долгое время могла сохраняться. Это часто выражалось в том, что философы одновременно были и богословами. Но главное заключалось в том, что возникшие уже не богословские, а философские учения включали в себя в качестве необходимого момента теизм, т. е. веру в существование сверхъестественных сил, от которых зависит судьба каждого конкретного человека. Зародившаяся в недрах богословия философия по крайней мере на первых порах с необходимостью была религиозной.

Вызревание философии внутри теологии и последующее ее выделение в особую сферу духовной жизни особенно интенсивно шло тогда, когда споры о правоте разгорались между представителями не одной конфессии, а разных, конкурирующих друг с другом. Даже отделившись от теологии, религиозная философия продолжала сохранять такую ее особенность, как опора на авторитеты. Она тоже чаще всего выступала как толкование текстов. Но в качестве таковых могли теперь выступать уже не только священные писания и предания, но и тексты иных авторитетов.

Ярким примером такого рода развития является Индия I тысячелетия до н. э. Отправным пунктом движения, которое привело к возникновению философских учений — даршан, были религиозные тексты. Самые ранние из них принято называть *самхитами*. Именуют их также ведами (буквально — знание, в данном случае — священное знание). На ранних порах понятия самхита и веда полностью совпадали. В последующем слово «веды» приобрело более широкий смысл. Существовало четыре самхиты: Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа, из которых самой ранней и важной была первая. В самхитах излагались мифы, предания, гимны богам и обращения к ним, правила совершения молитв и ритуальных действий. Затем появились комментарии и разъяснения к самхитам — брахманы, араньяки и, наконец, упанишады. Каждая самхита имела свои собственные брахманы, араньяки и упанишады. С появлением этих комментариев понятие вед рас-

ширилось. Ведами стали называть самхиты вместе с тремя видами комментариев к ним.

Ранние упанишады — уже явное богословие. В последующем в упанишадах всё более явственно просвечивают элементы философии. Самые поздние из них уже считаются философскими текстами. Исследователи индийской философии говорят о философии упанишад.

Следующий шаг — создание на базе комментирования как вед, так и упанишад *сутр*, которые являются во многом уже философскими текстами. Сутры, в свою очередь, истолковывались. В комментариях к ним, которые именовались *бхашьями*, философия выступает в более или менее чистом виде.

Брахманистская философия оформилась в ходе упорной борьбы со сторонниками новых религий — джайнизма и особенно буддизма, которые также создали собственные теологические и философские учения. И брахманистская философия, признававшая авторитет вед, и буддистская, и джайнистская философии, отрицавшие авторитет вед, в равной степени принадлежали к числу религиозных. Лишь одна философская школа Индии вступила на путь отрицания не только авторитета вед, но и вообще существования каких бы то ни было сверхъестественных сил. Этой нерелигиозной, светской философией была система лоаята, или чарвака.

Сходным образом шло формирование философии в Китае того же времени. И здесь всё началось с комментирования священных текстов, прежде всего «Книги перемен» (И цзин), возникло богословие, а вслед за ним и религиозная философия. И здесь несколько позднее некоторые философские школы освободились из-под влияния религии и богословия и стали светскими.

Совершенно иным, чем в древней Индии и древнем Китае, был путь становления философии в Греции того же самого времени — I тысячелетия до н. э. Здесь философия возникла не из богословия, и с самого начала была не религиозной, а светской. Она зародилась и развивалась вместе с наукой. Именно это и

обеспечило блистательный взлет философской мысли Древней Греции.

Подлинный прогресс философии с необходимостью предполагает полную свободу мысли. Только тот способен стать настоящим философом, кто может поставить под сомнение любое положение, для которого нет непререкаемых авторитетов. Религиозный философ на это в принципе не способен. Для него всегда существует набор положений, в правильности которых он не имеет права усомниться. Его мысль всегда заключена в рамки веры, за которые она не смеет выйти. Религия всегда есть духовное рабство.

И это обстоятельство не могли не заметить и сами религиозные философы. «Перед нами, — писал, например, русский религиозный философ и богослов Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), — встает во всей трудности вопрос об отношении философии и религии. Возможна ли и в каком смысле возможна *религиозная философия*. Совместим ли догматизм религии с священнейшим достоянием философствования, его *свободой и исканием истины*, с его правилом — во всем сомневаться, всё испытывать, во всем видеть не догмат, а лишь проблему, предмет критического исследования? Где же здесь место философскому исканию, если истина уже дана в виде догмата — мифа? Где место свободе исследования, если для него руководящей нормой является верность догмату? Где место критике, если царствует догматика? Таковы предубеждения против религиозной философии, благодаря которым и самый вопрос о *возможности* религиозной философии, или, что то же самое, философской догматики, чаще всего разрешается отрицательно...»¹ С. Н. Булгаков на последующих страницах пытается доказать, что и религиозная философия способна к самостоятельному творчеству, но это выглядит столь глупо и неубедительно, что невольно становится неловко за автора.

---

¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 69.

Когда-то великий мыслитель средневекового Ближнего Востока, математик, философ и поэт Омар Хайям (1048–1123) сказал:

*Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе¹.*

И в состоянии унижительного духового рабства находятся не только верующие и богословы, но и все религиозные философы. В результате подобного духовного холопства философская мысль и в Индии, и в Китае с самого начала развивалась крайне вяло и медленно, а затем стала топтаться на месте и деградировать. Не помогло и происшедшее в дальнейшем появление отдельных светских философских систем. Они не могли опираться на науку, ибо таковой ни в Индии, ни в Китае не было. Существовала там лишь преднаука. В результате светская философия на Востоке быстро заглохла.

У древнегреческих философов VI–IV вв. до н. э., во-первых, не было тех внутренних преград, которые сковывали мысль религиозных философов Востока; во-вторых, они имели опору в науке. Именно это и обеспечило целый каскад их открытий. Высшего своего развития древнегреческая философия достигла в трудах Демокрита, Платона и, наконец, Аристотеля.

После Аристотеля началось оскудение философской мысли, что было связано с общим упадком древнегреческого мира. Это не значит, что никаких философских открытий вообще больше не делалось. Были сделаны определенные находки, но в целом развитие философии пошло по нисходящей линии, что особенно отчетливо проявилось в первые века нашей эры. Некоторые первоначально светские философские учения постепенно стали превращаться в религиозно-философские концепции, которые, возникнув, шаг за шагом начали оттеснять на задний план, а затем вытеснять светскую философию.

---

¹ Омар Хайям. Рубай. Л., 1986. С. 170.

Следующий шаг — трансформация возникших религиозно-философских учений в богословские. Философия уступает место теологии, а последняя превращается в чистое религиозное учение, предписывающее совершение определенных обрядов, необходимых для обеспечения благоволения сверхъестественных сил.

Эта эволюция более чем наглядно прослеживается на примере неоплатонизма. Неоплатоники Аммоний Саккас (ок. 175–242) и Плотин (205–270) — всё еще в основном философы, хотя и религиозные. Основатель же сирийской школы неоплатоников Ямвлих (ок. 245 – ок. 330) — уже меньше всего философ. Он создал богословскую систему, возродил на новой основе религиозную мифологию. Но одним только богосозерцанием он не ограничился, а дополнил его теургией — системой обрядов, имеющих целью обеспечить благоволение богов.

Иначе говоря, Ямвлих создал не просто и не только богословие, но подлинное религиозное учение с присущим ему культом. И религия была объявлена им более высокой формой духовной жизни, чем философия. И так как, согласно его взглядам, только божественное откровение дает реальную возможность общения с богами, то священники стоят выше философов. Сам он выступал в роли первосвященника созданной им на основе объединения всех языческих религий древнего мира новой конфессии.

В Пергамской школе, основанной учеником Ямвлиха Эдесием, философским размышлениям места вообще не нашлось. Перед нами практически чистая религия, в которой на первом плане находится теургия (культ). Эволюция полностью завершилась.

Правда, не следует думать, что развитие неоплатонизма шло по прямой нисходящей линии. В одной из поздних неоплатонических школ — Афинской, самым крупным представителем которой был Прокл (410–485), — наблюдалось известное возрождение интереса к философским проблемам. Но это было временным отступлением от преобладающей тенденции. В целом античная философская мысль иссякла, исчерпала себя. И датированный 529 годом н. э. эдикт императора Юстиниана о закрытии осно-

ванной Платоном Академией и полным запрете преподавания философского знания был всего лишь выдачей официального свидетельства о кончине античной философии.

Еще две религиозные философии — средневековая арабская исламская и христианская схоластика средних веков, — так же как и брахманистская и древнекитайская, возникли в недрах богословия и были с ним тесно связаны. Но в отличие от древней Индии и древнего Китая, где философская мысль зародилась совершенно без всякого влияния извне, впервые и совершенно заново, исламская и западноевропейская схоластическая философии усвоили многие достижения античной философии. Величайшим авторитетом и для арабских, и для западноевропейских религиозных философов стал Аристотель.

В результате и перед арабскими, и перед средневековыми западными философами с особой остротой встал вопрос, которого в принципе не существует для светской философии, но с которым рано или поздно должна столкнуться любая религиозная философия. Это проблема отношения *веры* и *разума*. Для теологии такой проблемы не было. Здесь разум выступал в роли слуги веры: уточнял и разрабатывал религиозные догматы. Когда теологи столкнулись с философскими проблемами и тем самым стали одновременно и философами, положение начало меняться. Образовалась область, где религиозной вере места не было. Если и была вера, то в философские авторитеты, в частности, в положения Аристотеля. Результатом было постепенное выделение философии из теологии. В истории западной философии уже Альберт Великий (Альберт фон Больштедт) (1193 или 1206/7–1280), а затем Фома Аквинский признали богословие и философию двумя тесно связанными, но разными областями знания. В теологии вера как была, так осталась господствующей. В философии, которая и после отделения от теологии принимала догматы религии и тем самым была религиозной, разум выдвинулся на первый план. Ни богословы, ни философы не ставили под сомнение законность признания веры или разума. Споры шли по вопросу о том, кому

принадлежит первенство. Фома Аквинский не сомневался в том, что теология, имеющая дело с «истинами откровения», выше философии с ее «истинами разума», а тем самым и вера выше разума. Поскольку конечным источником и первых, и вторых истин является бог, то не может быть принципиального противоречия между откровением и правильно действующим разумом. Конечно, Аквинат не мог не заметить, что существуют такие «истины откровения», которые разум не способен доказать. Он объявлял их не «противоразумными», а «сверхразумными». Но были, причем еще до Фомы Аквинского, средневековые мыслители, ни в малейшей степени не сомневавшиеся в необходимости веры, но считавшие, что разум всё же выше ее. Такого взгляда придерживался из числа ранних схоластов Пьер Абеляр.

В том самом XIII в., когда жили и творили Альберт Великий и Фома Аквинский, число мыслителей, придерживавшихся иных, чем эти столпы ортодоксии, взглядов на отношение веры и разума возросло. Им становилось ясным, что истины, получаемые с помощью разума, всё в большей степени вступают в противоречие с «истинами откровения». Но прямо выступить против религии и теологии они не могли. В результате они выдвинули концепцию двух истин, или двойственной истины, о которой выше уже шла речь. Принято считать, что начало этой концепции положил выдающийся арабский философ Ибн Рушд (Рошд), которого на Западе называли Аверроэсом (1126–1198). Это мнение сейчас оспаривается. Но несомненно, что концепции двойственной истины придерживались западноевропейские средневековые философы, которых обычно называют латинскими аверроистами: Сигер Бранбурнский (ок. 1240 – ок. 1282), Боэций Дахский (р. ок. 1240) и др. Эта концепция возникла для того, чтобы оградить философию, в которой ведущая роль окончательно перешла к разуму, от вмешательства со стороны теологии и вообще религии. Но она имела и другую сторону. Она провозглашала не только невмешательство теологии в дела философии, но и философии в область богословия. И так как теологи всё с большей тревогой наблюдали,

как разум не только не обосновывает религиозные догматы, но что рассчитывали, например, Альберт Великий и Фома Аквинский, но безжалостно их опровергает, вскрывая всю их нелепость, то некоторым из них концепция двойственной истины пришла по душе.

Окончательное свое оформление концепция двойственной истины нашла в трудах последних выдающихся представителей западной схоластики, богословов и философов — уже упоминавшегося Иоанна Дунса Скота и Уильяма Оккама (ок. 1284–1349). Оба они считали, что религиозные догматы (бытие бога, троица, бессмертие души и т. п.) основываются исключительно на вере. Доказать их разумом абсолютно невозможно, и заниматься этим не имеет никакого смысла. Они в принципе не поддаются никакому разумному объяснению и обоснованию. Вера в них вообще не связана с познанием. Отсюда следовало, что теология в отличие от философии не может быть и не является наукой. Она есть дисциплина не теоретическая, а чисто практическая. Она дает лишь нормы и правила, следование которым обеспечивает спасение человеческих душ. «...Поскольку, — утверждал Иоанн Дунс Скот, — первый объект богословия (т. е. бог. — Ю. С.) является конечной целью, а принципы, взятые в сотворенном разуме от конечной цели, суть принципы практические, постольку, следовательно, принципы богословия являются практическими; следовательно, и выводы из них — практические»¹.

Как доказывал У. Оккам, естествознанию и философии присущ совершенно иной тип познания, чем тот, который действует в теологии².

Следующим шагом могло быть только полное освобождение философии от религии, т. е. превращение ее из религиозной в светскую, а затем и провозглашение существования только одной единственной истины — истины разума.

¹ Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное... С. 151.

² Оккам У. Избранное. М., 2010. С. 145–153.

Были времена, когда и в рамках религиозной философии возможно было некоторое движение вперед. Так обстояло дело и в арабском мире в IX–XII вв., и в Западной Европе в IX–XIV вв. Но рано или поздно дальнейшее развертывание философской мысли в религиозной оболочке становилось абсолютно невозможным. Необходимым для философии был разрыв с религией, превращение ее в светскую, что и произошло в Западной Европе Нового времени. Одновременно с этим возникла современная наука, что создало условия и обеспечило новый блистательный взлет философской мысли в XVII – первой половине XIX вв. Это отнюдь не означает, что начиная с этого времени вся западноевропейская философия стала светской. Религиозная философия сохранилась, но отошла на задний план. Всерьез ее принимать перестали.

Светской стала и идеалистическая философия, даже та, где объективное сознание именовалось, помимо всего прочего, также и богом. И попытка, например, русского религиозного философа Ивана Александровича Ильина (1852–1954) доказать в книге «Учение Гегеля о конкретности бога и человека» (1918), что философия этого мыслителя была религиозной, оказалась совершенно несостоятельной. Как с горечью вынужден был признать другой религиозный же мыслитель Н. А. Бердяев, «философия Гегеля... безбожна»¹.

В арабском мире ничего подобного не произошло, что и привело к полному параличу философской мысли. Начиная с XIII в. арабская философия не просто стала топтаться на месте, а полностью деградировала.

Одним из первых, если не первым, кто в Западной Европе провозгласил существование одной только истины — истины разума, был Джордано Бруно. Он выступил с беспощадной критикой религиозных догматов, объявив их не какой-то другой истиной, существующей наряду с научной, а заблуждением, более того —

---

¹ Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической духовности. Общество и объективация // Бердяев Н. А. Дух и реальность. М., Харьков. 2003. С. 534.

ложью. «Глупцы мира, — писал Дж. Бруно, — были творцам религий, обрядов, законов, веры, правил жизни; величайшие ослы мира (те, которые, будучи лишены всякой мысли и знаний, далекие от жизни и цивилизации, загнивают в вечном догматизме) по милости неба реформируют безрассудную и испорченную веру, лечат язвы прогнившей религии и, уничтожая злоупотребления предрассудков, снова заделывают прорехи в ее одежде»¹.

Вот что писал об истине Дж. Бруно: «Она — и в идеях, и в природе, и в познании, она и в метафизике, и в физике, и в логике»². А метафизика есть наука, «изучающая общие основы всего доступного человеческому познанию», не говоря уже о физике и логике, неразрывно связанных с «руководящим разумом», который «обнимает всеобщее и частное»³.

Великий мыслитель вскрывает пустоту и ничтожество не только теологии, но и религиозной философии. «Нет, говорю я вам, — читаем мы у него, — нет, не существует лучшего зеркала перед человеческими очами, чем ослиность и осел... Нет лучшего или равного средства, которое сопровождало бы, вело и приводило к вечному спасению, чем истинная, одобренная божественным словом мудрость; и наоборот, нет средства, которое более действительно низвергало бы нас в глубь адской пучины, чем философские и рациональные созерцания, рождающиеся из ощущений, растущие со способностью к рассуждению и созревающие в уме человека. Итак, старайтесь, старайтесь сделаться ослими вы, которые еще являются людьми!»⁴

Разящие удары, нанесенные Дж. Бруно теологам и религиозным философам, запомнились представителям этих профессий на века. Немецкий профессор теологии Шредер, выступая 7 июля 1889 г. в Кельне на митинге протеста католиков против открытия

¹ Бруно Дж. Тайна Пегаса с приложением Килленского осла // Бруно Дж. Диалоги. М., 1949. С. 404.

² Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. СПб., 1914. С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 49.

памятника Дж. Бруно на Площади цветов в Риме, где он был сожжен, заявил: «Он выступал против самого бога, в фантастическом заблуждении он отрицал его промысел, его существование, в своих писаниях проповедуя грубейший пантеизм и проводя в своей жизни самый плоский материализм... Кем же был Джордано Бруно? Это был отпавший монах, расстрига-священник, безнравственный человек, мятежник против Христа и церкви, отрицатель бога, враг трона и алтаря, короче говоря, революционер в полном смысле этого слова»¹.

К тому времени, когда жил и творил Дж. Бруно, не просто даже критика, а злое и беспощадное высмеивание богословия и схоластической философии (но не религии) стало привычным для многих авторов-гуманистов. Эразм Роттердамский (1469–1536) в «Похвале глупости» (1509; 1511), главу, посвященную богословам, начал с вопроса: «...Не лучше бы обойти их молчанием, не трогать *болота Камаринского*, не прикасаться к этому ядовитому растению»². Затем появились знаменитые «Письма темных людей» (1515–1517), созданные кружком немецких гуманистов во главе с Ульрихом фон Гуттеном (1488–1523), в которых теологи и схоласты были заклеены как обскуранты, мракобесы, «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532–1562) великого сатирика Франсуа Рабле (1494–1553), «Опыты» (1580–1588) Мишеля де Монтеня.

Если Ф. Бэкон еще допускал, что кроме научной истины, истины разума существуют истины откровения, то продолжатель его дела Т. Гоббс категорически настаивал на том, что существует только одна истина — истина разума. Эту истину способно дать только рациональное познание, которое он именовал философией, имея в виду не только и не столько философию, сколько науку. Т. Гоббс подчеркивал: «...Философия (т. е. наука. — Ю. С.) исключает из себя теологию, т. е. учение о природе и атрибутах бога...

¹ Цит.: Дынник М. А. Мировоззрение Джордано Бруно // *Бруно Дж. Диалоги*. М., 1949. С. 30–31.

² Эразм Роттердамский. *Похвала глупости*. М., 1960. С. 71.

Исключает и всякое знание, имеющее своим источником божественное внушение или откровение...»¹

В великий век Просвещения теология не только была окончательно исключена из числа наук, но и стала объектом чуть ли не всеобщего осмеяния. Вот определение теологии, которое давал П. Гольбах в своем сатирическом «Карманном богословии»: «Глупокомысленная и божественная наука, приучающая нас рассуждать о том, чего мы не понимаем, и терять ясное представление о том, что нам вполне понятно. Отсюда следует, что это — самая благородная и самая полезная из всех наук; все остальные не выходят из границ познаваемого, и, следовательно, достойны презрения. Без богословия государство не смогло бы существовать, церковь погибла бы, а народы бы не знали, что думать о благодати, о предопределении, о булле *Unigenitus* — предметы, о которых нужно иметь представление»².

И в свете всего сказанного выше ничего, кроме удивления и возмущения всех подлинных людей науки, не может не вызвать предпринятая нашей нынешней государственной властью попытка внедрить теологию в высшие учебные заведения России, создать там кафедры теологии и даже теологические факультеты. В этом отношении наша «демократическая» власть, провозглашающая свободу совести и отделение церкви от государства и школы, переплюнула даже царскую. В дореволюционной России, в которой православие было государственной религией, в государственных высших учебных заведениях богословских факультетов никогда не было.

В 2007 г. с резким протестом против предложения включить теологию в перечень научных дисциплин выступили десять крупнейших естествоиспытателей действительных членов Российской академии наук: Евгений Борисович Александров, Жорес

---

¹ Гоббс Т. Основы философии // Гоббс Т. Избранные сочинения. М.; Л., 1926. С. 11.

² Гольбах П. А. Д. Карманное богословие // Гольбах П. А. Д. Избранные антирелигиозные произведения. Т. 1. М., 1934. С. 531.

Иванович Алферов, Гарри Израилевич Абелев, Лев Митрофанович Барков, Андрей Иванович Воробьев, Виталий Лазаревич Гинзбург, Сергей Георгиевич Инге-Вечтомов, Эдуард Павлович Кругляков, Михаил Александрович Садовский, Анатолий Михайлович Черепашук. «А на каком основании, спрашивается, — писали они в письме Президенту Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину, — совокупность религиозных догм следует причислить к научным дисциплинам? Любая научная дисциплина оперирует фактами, логикой, доказательствами, но не верой»¹.

Протесты научной общественности, возможно, отсрочили реализацию планов наших властей. Но не больше. Нашлись и более послушные представители ученого мира. Кафедры теологии всё же стали создаваться. В частности, одна из них появилась в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ). На это событие газета «Московский комсомолец» отреагировала публикацией довольно едкого анекдота. «Первая лекция по теологии в МИФИ. Батюшка с кафедры: — Так, дети мои, забудьте всё, чему вас до этого учили»².

А 12 октября 2015 г. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) признала теологию научной специальностью. Так как наукой может быть названо только исследование чего-то реально существующего, то тем самым фактически одной из государственных инстанций было признано бытие бога. Таким образом, наша страна погружается во тьму средневековья. И это далеко не единственный признак такого движения.

Когда в нашей стране началась перестройка, в изобилии появились вначале обширные статьи, а затем и монографии, в которых пелась хвала русским религиозным философам конца XIX — начала XX в. Они были объявлены великими или даже величайшими, замечательными, гениальными мыслителями, которые на весь мир прославили русскую философскую мысль. На все лады

¹ Политика РПЦ: консолидация или развал страны? // Здравый смысл. 2007. № 4. С. 4.

² Горячие анекдоты // Московский комсомолец. 20.10.2012.

утверждалось, что ими был внесен неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры, были сделаны величайшие открытия, которые намного продвинули человеческую мысль, что их труды содержат величайшее, неоценимое духовное богатство, без приобщения к которому невозможно никакое дальнейшее развитие и т. д. и т. п. Единственное, что не сообщалось в этих писаниях, — это что же всё-таки открыли русские религиозные философы, в чем же конкретно заключался их вклад в развитие философии. О том, что они гении, утверждалось без конца. Но ни одна из их гениальных мыслей почему-то никогда и нигде не приводилась.

И понятно, почему. Всё это было чистейшим блефом. Никаких великих открытий русские религиозные философы не совершили, никакого вклада в развитие мировой философской мысли они не внесли, ничем мировую культуру не обогатили. И это естественно. Движение по выбранному ими пути никуда, кроме тупика, привести не могло. Многие из них в течение нескольких лет повторили тот путь, по которому шла античная философия времен упадка античного мира. Такой видный ее представитель, как С. Н. Булгаков, от материализма и марксизма перешел к религиозной идеалистической философии, затем занялся богословием и, наконец, принял духовный сан, стал священником¹. В заключение можно еще раз повторить, что время, когда и в рамках религиозной философии было возможно хотя и крайне ограниченное, но всё же исследование, давно кануло в прошлое. Сейчас религиозная философия является либо лжефилософией, либо, в самом лучшем случае, эрзацфилософией. Это, в частности, относится и к модернизированному учению Фомы (Томаса) Аквинского — неотомизму.

---

¹ Подробнее см.: Семенов Ю. И. О русской религиозной философии конца XIX — начала XX века // Философия и общество. 1997. № 4.

Глава 6

Специфика философского знания. Философия — наука, эрзацфилософия и лжефилософия

1. Особенности философского знания

Как уже указывалось, философия есть наука, но особого рода, отличная от всех остальных наук и в известной степени противостоящая им всем. Это, в частности, ярко проявляется в довольно широком распространении убеждения в том, что философия наукой не является. И для этого имеются определенные основания.

Наука есть знание теоретическое. Но создание теории есть заключительный этап научного исследования. Ему у всех конкретных наук, исключая лишь математику, предшествуют сбор и накопление единичных фактов. Затем эти факты обрабатываются, систематизируются, обобщаются. В результате обработки единичных фактов получаются общие факты. На основе общих фактов создаются гипотезы, которые проверяются на единичных фактах, и в случае подтверждения ими превращаются в теории. В ходе исследования ученые всё время сталкиваются с вопросами, на которые нужно найти ответ. Каждый верный ответ представляет собой открытие. Когда одни проблемы разрешаются, на смену им приходят новые. Развитие науки есть процесс постановки и решения всё новых и новых проблем, свершения всё новых и новых открытий, бесконечный процесс накопления, расширения и углубления знания человека об окружающем его мире и о себе самом.

В отличие от представителей конкретных наук философы не занимаются наблюдением и экспериментированием, добыванием и накоплением единичных фактов. Философия не имеет собственного эмпирического базиса.

Философские системы — всегда результат одного лишь размышления. Размышление — единственное, чем занимаются философы. Именно на этом основании философии нередко отказывают в праве именоваться исследованием. Как полагают многие, размышление никак не может быть охарактеризовано как исследование. Это положение неверно, но в нем имеется момент истины.

Оно неверно, ибо ученые не только наблюдают и экспериментируют, но и размышляют. Науки нет без теорий, а последние возникают только в результате размышления. Размышление — не просто неотъемлемый компонент научного исследования, в нем заключена его суть. Существуют естествоиспытатели, которые занимаются лишь размышлением, — например, физики-теоретики. Размышление — единственный способ исследования и в математике.

Огромное значение придавал размышлению один из величайших ученых, первый «стопроцентный» теоретик в истории физики, а может быть, и естествознания вообще, — Макс Планк. Свою «Научную автобиографию» (1948) он начинает словами: «С юности меня вдохновило на занятие наукой осознание того, отнюдь не очевидного факта, что законы нашего мышления совпадают с закономерностями, имеющими место в процессе получения впечатлений от внешнего мира, и что, следовательно, человек может судить об этих закономерностях при помощи чистого мышления. Существенно важно при этом то, что внешний мир представляет собой нечто независимое от нас, абсолютное, чему противопостоят мы, а поиски законов, относящихся к этому абсолютному, представляются мне самой прекрасной задачей в жизни»¹.

---

¹ Планк М. Научная автобиография // Планк М. Избранные труды. М., 1975. С. 649.

Однако в отказе считать размышление формой исследования имеется и крупная истина. Она заключается в том, что не всякое размышление есть исследование. Оно является исследованием, если приводит к созданию теории, несущей истину. В науке выявление истинности плода размышления совершается путем сопоставления с единичными фактами. Истинность естественно-научной теории проверяется наблюдением и экспериментом.

В философии же это невозможно. Она не имеет собственного эмпирического базиса. В этом и только этом смысле философские умственные построения непроверяемы. Поэтому если в науке, которая имеет дело не только с общими, но и с единичными фактами, рано или поздно утверждается одно определенное решение той или иной проблемы, то в философии одновременно может существовать и существует множество нередко взаимно исключающих друг друга точек зрения по одному и тому же вопросу. Иногда такое положение вещей называется ситуацией «скандала в философии».

Всё это было подмечено давно. Вот как, например, характеризовал философию великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804): «*Метафизика* (здесь имеется в виду философия. — Ю. С.), совершенно изолированное спекулятивное познание разумом, которая целиком возвышается над знанием из опыта, а именно познание посредством одних только понятий (но без применения их к созерцанию, как в математике), и в которой разум, следовательно, должен быть только своим собственным учеником...»¹ И результат: «В метафизике приходится бесчисленное множество раз возвращаться назад, так как оказывается, что [избранный прежде] путь не ведет туда, куда мы хотели. Что же касается единого взгляда во взглядах сторонников метафизики, то она еще так далека от него, что скорее напоминает арену, как будто приспособленную только для упражнения в борьбе, арену, на которой ни один боец еще никогда не завое-

¹ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 86.

вывал себе места и не мог обеспечить себе своей победой прочное пристанище»¹.

Философы в своих спорах не могут обращаться к данным опытов, поэтому все их дискуссии совершенно бесплодны.

«Таким образом, — утверждал И. Кант, — в сфере чистого разума не бывает настоящей полемики. Обе стороны толкут воду в ступе и дерутся со своими теньями, так они выходят за пределы природы, туда, где для их догматических уловок нет ничего, что можно было бы схватить и удержать. Они могут бороться сколько угодно; тени, разрушаемые ими, мгновенно срastaются вновь, как герои в Вальгалле, чтобы опять развлекаться бескровными битвами»².

Писали об этом и современные философы. Известный представитель неопозитивизма Ганс (Ханс) Рейхенбах (1891–1953) призывал философов мужественно признать тот факт, что «философия оказалась неспособной разработать общую теорию, которую можно было бы преподавать студентам с согласия всех тех, кто преподает философию»³.

И эта особенность философии приводила Г. Рейхенбаха к выводу, что почти все, если не все, философские системы являются ложными. «Если философы, — писал он, — создали множество противоречащих друг другу философских систем, то все эти системы, за исключением одной, должны быть ложными. Но вероятно даже, что все они ложны»⁴.

Но если так считали сами философы, тем более подобные мысли должны были навязываться посторонним наблюдателям. «История человеческой мысли, — заявлял, например, великий английский писатель Герберт Джордж Уэллс (1866–1946), — в основном есть история человеческих заблуждений — огромная куча кухонных отбросов, которую еще никогда не удавалось разгрести до конца... Историк философии, обзирающий „великих“, или

---

¹ Кант И. Критика чистого разума. С. 73.

² Там же. С. 628–629.

³ Reichenbach H. Modern Philosophy of Science. London, 1969. P. 136.

⁴ Ibid.

какое там пышное название ни дай этому несвежему пирогу из остатков, встречает путаницу противоречивых идей, перемешанные кусочки от разных складных картинок, невнятицу, преподносимую как мудрость»¹.

Из всего этого напрашивался вывод, что философия — не наука. И считали философию не наукой не только люди, не занимавшиеся ею. Категорически утверждали, что она не наука, и многие из тех, кого принято относить к числу философов, причем иногда даже весьма известных.

И в этом заключена немалая доля истины.

2. Философия как множество философских систем. Их подразделение на научные и ненаучные

Дело в том, что в силу рассмотренной выше специфики философского знания, одной единой философии не существует, а наличествует множество существенно отличных друг от друга философий, которые принято называть философскими системами или философскими школами. Ничего похожего нет в области конкретных наук. Физика, например, существует только одна. Она, конечно, подразделяется на множество дисциплин: физика твердого тела, квантовая механика и т. п., что связано с многообразием и сложностью изучаемой ею области природы. Но у физиков существуют общие взгляды на один и тот же предмет, единое его понимание. Бывают периоды, когда физики расходятся во мнениях, но рано или поздно единство восстанавливается.

Философские же системы отличаются друг от друга разными взглядами на один и тот же предмет, разными решениями одних и тех же проблем.

И важное различие между тем, что принято называть философскими системами, состоит в том, что одни из них являются

---

¹ Уэллс Г. Необходима осторожность // Уэллс Г. Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. М., 1964. С. 281.

научными, а другие таковыми не являются. Иными словами, есть философия, которая является наукой, занимается исследованием, и философия, которая исследованием не занимается и тем самым к науке не имеет никакого отношения. И нередко приверженцы последней честно в этом признаются.

Виднейший представитель русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. Н. А. Бердяев категорически настаивал на том, что *«философия ни в каком смысле не есть наука и ни в каком смысле не должна быть научной»*¹. И в этом утверждении есть момент истины. Его философия и вообще вся русская религиозная философия конца XIX – начала XX в. действительно никакого отношения к науке не имеют. Никакими исследованиями ни сам Н. А. Бердяев, ни другие представители этого направления не занимались². Но так как сами они все считали себя настоящими философами, то отсюда ими делался вывод, что не только их собственная философия, но и вся философия вообще — не наука.

Другим не менее ярким примером являются построения Мартина Хайдеггера (1889–1976), который тоже настаивал на том, что *«философия — ни наука, ни мировоззренческая проповедь»*³. И он, также как и Н. А. Бердяев, никогда никакими исследованиями не занимался. Его философия наукой, бесспорно, не являлась.

Если считать философией только научную философию, то философию, наукой не являющуюся, следовало бы назвать лжефилософией.

Подобного рода философы не занимаются исследованием, поисками истины. Поэтому их мыслительные построения в принципе не могут быть истинными. Но обычно они не пред-

---

¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 264.

² Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. О русской религиозной философии конца XIX – начала XX века.

³ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступление. М., 1993. С. 327.

ставляют собой просто только заблуждения. Дело обстоит гораздо сложнее.

Принято подразделять все единичные мыслительные конструкции, принадлежащие к тем формам мышления, которые способны нести истину, а тем самым и заблуждение (в рассудочном мышлении, например, это только суждение), исключительно на истинные и ложные. Это не вполне верно.

Истинные мысленные конструкции находятся в соответствии с действительным положением дел, ложные — в противоречии с ним. Но существуют и такие мыслеконструкции, которые не находятся ни в том, ни в другом отношении к действительности. Они не истинны и не ложны, они просто пусты. Отношение такого рода мыслей к миру можно назвать *ментопустотой*. Пустоментальные мыслеконструкции никаким знанием не являются.

Существуют разные их формы. Есть такие, которые не только не являются знанием, но даже не обладают видимостью знания. Их и операции с ними называют ахинеей, белибердой, бессмыслицей, бредятиной, галиматьей, дребеденью, чепухой, чушью, пустомелием, пустословием, словопомолом, переливанием из пустого в порожнее, толчением воды в ступе, трепотней и т. п., и т. д.

Существуют и такие пустоментальные конструкции, которые, не являясь знанием, обладают видимостью знания. Это прежде всего относится к тем, в которых предпринимаются попытки объяснить те или иные явления. На самом деле эти мыслительные построения ничего такого не дают, более того, нередко даже мешают пониманию. Если это и знание, то абсолютно ненужное, бесполезное.

Философские системы, которые не являются наукой, исследованием, представляют собой смесь пустоментального и ложного, в которую иногда вкраплены и отдельные моменты истинного. Так что взгляд на них как на лжефилософские в целом вполне оправдан.

Но при характеристике этих систем только как лжефилософских игнорируется, что ненаучная философия представляет собой

не просто результат деяний отдельных людей, а общественное явление. Были эпохи, когда такого рода философия, разрастаясь, теснила и даже полностью вытесняла настоящую философию. Тогда с очевидностью выявлялась ее общественная роль: подмена, замена подлинной философии видимостью философии, фальшивой философией, подделкой под философию. Поэтому эту поддельную, ненаучную философию можно назвать *эрзацфилософией* (нем. *Ersatz* — замена, заменитель).

Грань между настоящей философией и эрзацфилософией не совпадает с границей между материализмом и идеализмом. Существовали идеалистические системы, которые были настоящими исследованиями: философия Платона, Аристотеля, И. Канта. И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля и др. Их создатели имели полное право называть свои системы наукой, и некоторые из них так и делали. И. Г. Фихте называл свою систему наукоучением. Главный труд Г. В. Ф. Гегеля носил название «Наука логики». В нем излагалась логика, но не рассудочного мышления, т. е. формальная, а логика разумного мышления, т. е. философия.

Положения философии, которая является исследованием, наукой, доступны проверке, но иной, чем та, что имеет место в конкретных науках вообще, в естествознании в частности. Философия действительно не имеет собственного эмпирического базиса. Ее положения не могут быть проверены путем наблюдения или эксперимента.

Это отнюдь не означает, что она вообще не опирается ни на какие фактические данные. Она есть наука об истине, есть теория познания. И, соответственно, материалом для нее является вся история и современное состояние человеческого познания вообще, научного познания в первую очередь. Ее материал — и научные теории, и факты, но факты не единичные, а общие.

Настоящая, научная философия возникла для того, чтобы помочь искать и находить истину. Эрзацфилософию вызвали к жизни иные причины, в которых нужно разобраться.

3. Наука и лженаука

Переходя от философии в область конкретных наук, нельзя не заметить, что кроме этих наук и рядом с ними всегда существовали умственные построения, которые выдавались за научные, но таковыми не являлись. Их обычно без всяких колебаний называли *лженаучными*.

Существуют даже целые течения человеческой мысли, которые претендуют на то, чтобы быть особыми самостоятельными отраслями научного знания, но в действительности никакими науками не являются. Это, например, теология (богословие), астрология, хиромантия, экстрасенсорика, нумерология, графология, псевдонавтика (уфология). Но если принять во внимание, что все эти течения к настоящей науке никакого отношения не имеют, все их построения вряд ли могут быть названы лженаучными. Это просто ахинея в обыденном, привычном значении данного слова.

Лженаучными в точном смысле являются противоречащие реальности умственные построения, творцы которых считают или выдают себя за людей, работающих в области тех или иных подлинных конкретных наук. Именно лишь о них и пойдет речь в последующем изложении.

Лженаучные построения в области настоящих наук нужно отличать от ошибок, допускаемых учеными, от гипотез и теорий, которые оказались неверными. С настоящими учеными, впадшими в заблуждения, спорят, их концепции опровергают, авторов же лженаучных конструкций разоблачают.

От лженаучных построений Γ застраховано даже естествознание. Достаточно вспомнить «открытие» N -лучей, «холодного ядерного синтеза», торсионных полей, взаимопревращения вирусов и бактерий, лысенковскую генетику и многое другое¹.

---

¹ См.: *Вейнберг П.* « N лучи». Доклад на Математическом отделении Новороссийского Общества естествоиспытателей // *Вестник опытной физики и элементарной математики*. Одесса. 1904. 38 семестр. № 381–384; *Сибрук В.* Роберт Вуд. Современный чародей физической лаборатории. М., 1980. С. 229–233; *Медведев Ж.* Взлет и

И если бы всё это было только в прошлом... В постсоветское время в России произошел прямо-таки взрыв лженаучных изысканий, причем и в сфере естествознания. Лжеестествоиспытатели стали представлять такую опасность, что Президиум Российской академии наук вынужден был создать Комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. Разоблачению бурной деятельности фальсификаторов естествознания посвящены книга первого председателя названной выше Комиссии академика Эдуарда Павловича Крутлякова (1934–2012) «„Ученые“ с большой дороги» (М., 2001) и бюллетени Комиссии, носящие название «В защиту науки».

Но особенно много лженаучных творений имеет хождение в сфере обществоведения. Существуют они, например, в социологии. Одному из обзоров способов фальсификации социологических данных был даже предпослан иронический эпиграф: «Данные на полу не валяются. Данные берутся с потолка»¹.

В настоящее время особенно много лженаучных построений создается в области истории. Не просто даже лжеисторическими, но бредоисторическими являются опусы, принадлежащие доктору физико-математических наук академику РАН А. Т. Фоменко и его достойным соратникам, а также некоему Мураду Аджи², физику С. И. Валянскому и экономисту Д. В. Калужному. Суть их «открытий» была более чем четко выражена в одном юмористическом стихотворении, начало которого я приведу:

падение Лысенко. М., 1993; *Сойфер В. Н.* Красная биология. Псевдонаука в СССР. М., 1998; *Крутляков Э. П.* «Ученые» с большой дороги. М., 2001; *Медведев Л. Н.* За границей реальности. Новосибирск, 2003; *Язев С. А.* Мифы минувшего века. Новосибирск, 2003; *Губин Б. В.* О методологии лженауки. М., 2004; *Он же.* О науке и лженауке. М., 2005; *Наука и квазинаука.* М., 2008; *Даниленко В. П.* Инволюция в духовной культуре. Ящик Пандоры. М., 2012 и др.

¹ *Бутенко И. И.* Какого обращения заслуживают социологические данные? // Соисс. 2002. № 1.

² Критический разбор этого бреда см.: *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* История России в мелкий горошек. М., 1998; *История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко.* М., 2000; «Антифоменко». Сборник Русского исторического общества. Т. 3 (151). М., 2000; *Антинаука: «новая хронология» истории Древнего мира и средневековья.* М., 2005; *Анти-история, вычисленная математиками.* М., 2006 и др.

*Через Греко-Палестину,
Пряча в ладан ятаган,
Делал хадж на Украину
Римский папа Чингисхан.
Вез Мерриде Магдалине
В Гизу ризу он в презент,
На него в родном Берлине
Ополчился весь конвент¹.*

Откровенно лжеисторическими являются писания доктора исторических наук Л. Н. Гумилева, доктора философских и исторических наук Д. И. Волкогонова, сбежавшего на Запад бывшего сотрудника советской военной разведки В. Б. Резуна (литературный псевдоним — В. Суворов) и многих других авторов². К числу типичных лжеисторических работ относятся многие сочинения А. И. Солженицына (1918–2008), в частности, вся его многотомная эпопея «Красное колесо» и двухтомник «Двести лет вместе»³.

Но при всей своей распространенности лженаука, в отличие от эрзацфилософии, никогда не получала общественного признания и не играла общественной роли. Она была делом одиночек и групп одиночек.

---

¹ Горайнов О. Долой химеры // *Валаянский С. И., Калужный Д. В. Тьма горьких истин*. Русь. М., 1998. С. 303.

² См.: *Клейн Л.* Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // *Нева*. 1992. № 4; *Лурье Я. С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997; *Трофимов Ж.* Волкогоновский Ленин (критический анализ книги Волкогонова «Ленин»). Ульяновск, 1955; *Дедков Н. И.* «Как я документально установил» или «смею утверждать». О книге Д. А. Волкогонова «Ленин» // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. М., 1996; *Помогайбо А.* Псевдоистория Суворов и тайны Второй мировой войны. М., 2002.; *Грызун В.* Как Виктор Суворов сочинял историю. М., 2003; *Исаев А.* Антисуворов. М., 2004; *Петров А. Е.* Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // *Новая и новейшая история*. 2004. № 4 и др.

³ См.: *Жидков Г. П.* «Красное колесо» А. Солженицына глазами историка // *Отечественная история*. 1994. № 5–6; *Лерт Р.* Этика и история в романе «Август четырнадцатого» // *Лерт Р.* На том стою. М., 1991; *Резник С.* Вместе или врозь? Заметки на полях книги А. И. Солженицына. М., 2003; *Дейч М.* Клио в багряных тонах. Солженицын и евреи. М., 2006.

4. Лжефилософия, философствование и эрзацфилософия

Занятие спекуляцией в области той или иной конкретной науки все же требует хотя бы каких-то специальных знаний. В области же философии, в силу специфических особенностей ее познания, — отсутствия собственной эмпирической базы, — это не нужно.

Об этом с горечью писал Г. Гегель: «Относительно всех наук, изящных и прикладных искусств, ремесел распространено убеждение, что для овладения ими необходимо затратить большие усилия на их изучение и на упражнение в них. Относительно же философии, напротив, в настоящее время, видимо, господствует предрассудок, что — хотя из того, что у каждого есть глаза и руки, не следует, что он сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструменты, — тем не менее каждый непосредственно умеет философствовать и рассуждать о философии, потому что обладает для этого меркой в форме своего природного разума, как будто он не обладает точно так же меркой для сапога в виде своей ноги. Будто и впрямь овладение философией предполагает недостаток знаний и изучения и будто она кончается там, где последние начинаются»¹. Результаты такого отношения к философии самые плачевные. «Печально то, — продолжает Г. Гегель, — что незнание и даже бесцеремонное и лишнее вкуса невежество, неспособное сосредоточить свои мысли на каком-либо абстрактном предложении, а тем более на связи между несколькими предложениями, выдает себя за свободу и терпимость мышления, а то и за гениальность»².

«Положение философии в отношении к ее любовникам, — развивал эту мысль выдающийся русский мыслитель А. И. Герцен, — не лучше положения Пенелопы без Одиссея: ее никто не охраняет — ни формулы, ни фигуры, как математику, ни частоколы, воздвигаемые специальными науками около своих огородов. Чрезвы-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа // Гегель Г. В. Ф. Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959. С. 36–37.

² Там же. С. 37.

чайная всеобъемлемость философии дает ей вид доступности извне. Чем всеобъемлемее мысль и чем больше она держится во всеобщности, тем легче она для поверхностного разумения...»¹ «Другие науки, — продолжал он, — гораздо счастливее философии: у них есть предмет, непроницаемый в пространстве и сущий во времени. В естествоведении, например, нельзя так играть, как в философии. Природа — царство видимого закона; она не дает себя насиловать; она представляет улики и возражения, которые отрицать невозможно: их глаз видит и ухо слышит. Занимающиеся безусловно покоряются...»²

В силу отмеченных выше причин эрзацфилософия и лжефилософия — явление необычайно широко распространенное. «Нет другой такой области, — остроумно и зло заметила известная представительница российского марксизма Любовь Исааковна Аксельрод (псевдоним — Ортодокс) (1868–1946), — в которой можно так жестоко обманывать читателя, как в философии. Стоит только наполнить данное произведение известным количеством философских терминов, поместить несколько замысловатых, трудно понимаемых вне контекста цитат, сделать несколько ссылок на давно забытых авторов с указанием на различные издания одного и того же произведения, наконец, отнести свысока к материализму, как к мировоззрению, не удовлетворяющему метафизической потребности тонко мыслящей индивидуальности, и вы можете быть уверены, что книга произведет такое солидное внушительное впечатление, что какая-нибудь „Этика“ Спинозы покажется дилетантским произведением в сравнении с нею. Читатель, испытывающий тупую тоску при чтении такого произведения, всё-таки проникается благоговейным почтением к нему, хотя никогда не дочитывает его до конца и не понимает его с самого начала»³. Ее слова пере-

¹ Герцен А. И. Дилетантизм в науке // Герцен А. И. Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1955. С. 13.

² Герцен А. И. Дилетантизм в науке. С. 15–16.

³ Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Еще один критик Маркса // Аксельрод (Ортодокс) Л. И. Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. 3-е изд. М.; Пг., [1924]. С. 325.

кликаются с тем, что было сказано А. Эйнштейном по поводу ряда философских трудов. «Не будь они столь туманными и запутанными, — писал он М. Соловину, — образчики философии такого рода не смогли бы просуществовать так долго. Но большинство людей испытывает священный трепет именно пред теми словами, которые недоступны их пониманию, и считает поверхностным того автора, которого они могут понять. Трогательное проявление скромности»¹.

Именно эрзацфилософию и лжефилософию имел в виду немецкий мыслитель Вальтер Дубислав (1895–1937), когда писал, что одно из определений философии — «злоупотребление словами, специально для этого придуманными»². Сколько пародий написано на эрзацфилософские и псевдофилософские тексты! Вот одна из них, созданная в незапамятные времена одним из капитанов команды КВН Московского физико-технического института, знаменитого физтеха: «Философия — это трансцендентальный эмпириокритицизм монизма, оперирующий пифагоровыми феноменами и акцигоровыми нуменами как эдеистическая метафизика. Еще Авенариус индуцировал, что субстанция бытия солиписизма, оперированная абстантами, имеет столько же гипетентиков, что и эдеистический постулат кантовской теории чистого разума»³.

Многие не только лжефилософские, но и эрзацфилософские тексты мало отличаются от пародий на эти тексты. В 1996 г. профессор физики университета Нью-Йорка Ален Сокал, перечитав множество трудов представителей необычайно модной в те годы философии постмодернизма и убедившись в их полной пустоте и глупости, устроил мистификацию. Он написал заведомо бредовую статью, обильно уснастил ее цитатами и ссылками на работы философов-постмодернистов, дал ей совершенно заумное назва-

¹ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1967. С. 560.

² Dubislav W. Die Philosophie der Mathematik in der Gegenwart. Berlin, 1932. S. 17.

³ Текст был представлен в мое распоряжение профессором кафедры философии МФТИ, доктором философских наук Сергеем Владимировичем Илларионовым (1938–2000).

ние «Нарушая границы: К трансформативной герменевтике квантовой гравитации» и послал в постмодернистский журнал «Социальный текст»¹. Статья с готовностью была принята, опубликована и вызвала положительные отклики. Никто из приверженцев постмодернистской философии ни в малейшей степени не усомнился в том, что она написана истинным собратом по убеждениям. На нее ссылались, ее хвалили.

Скандал разразился, когда А. Сокал послал в тот же журнал новую статью. «Наконец, вот правда, — писал он в ней, — моя статья „Нарушая границы: навстречу трансформативной герменевтике квантовой гравитации“, которая появилась в весенне-летнем выпуске культурологического журнала *Социальный Текст*, это пародия. Ясно, что я должен редакторам и читателям *Социального Текста*, а также широкой интеллектуальной общественности без шутки объяснить мотивы, которые мною двигали, и мои истинные взгляды... Как и в предмете, который был подвергнут сатире — в моих ссылках вы найдете миллиард примеров, — моя статья представляет собой собрание истины, полуистины, четверть истины, ошибки, непоследовательности в грамматически правильных предложениях, в которых полностью отсутствует смысл. (Печально, что существует только небольшое число последних: я тщательно пытался создать их, но я обнаружил, что, не считая редких моментов вдохновения, мне не хватало сноровки.) Я также использовал некоторые стратегии, которые хорошо обоснованы (хотя иногда небрежны) в этой области: обращение к авторитету вместо логики, спекулятивные теории как установленное знание, неестественные и даже абсурдные аналогии; риторика, которая хорошо слушается, но содержание которой двусмысленно; и недоразумение между специальным и обыденным смыслами английских слов. (NB: все работы, цитированные мною в статье, являются подлинными и все цитаты строго точными;

---

¹ Статья опубликована в качестве приложения к книге: Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002.

ничего не придумано.) Но моя основная задача состоит вовсе не в защите науки от варварских орд литературных критиков (литкрит) (мы прекрасно обойдемся без этого — спасибо), моя задача скорее политического характера: противостоять модному в настоящее время постмодернистскому / постструктуралистскому / социально-конструктивистскому дискурсу — и в более общем плане увлечению субъективизмом, — что является, я считаю, враждебным по отношению к ценностям и будущему левого движения¹. Статья была отвергнута редакцией на том основании, что «не вписывается в интеллектуальный формат журнала»².

Именно широкое распространение эрзацфилософии и лжефилософии было причиной изменения смысла слова «философствование». Первоначально под философствованием понимали размышление, ведущее к созданию философских систем, т. е. представляющее специфически философский способ исследования. К настоящему времени такое значение слова «философствование», по крайней мере, в русском языке, в значительной степени утрачено. Слово это постепенно обрело иронический, даже пренебрежительный оттенок. В него стали вкладывать иной, не очень лестный для философии смысл, — «мудрено или беспочвенно рассуждать, умствовать»³. Под философствованием давно уже понимают любое рассуждение, которое либо вообще не опирается ни на какие факты, т. е. полностью отвлечено от фактов, либо исходит из нескольких произвольно взятых как единичных, так и общих фактов. Слово «философствование» во многом перестало означать особого рода способ изучения действительности, а тем самым потеряло в прошлом связь с философией как исследованием.

Но философствование уже в новом, позднем значении этого слова, отнюдь не прекратилось. Хорошо, правда, то, что многие из тех, что философствуют, не претендуют на то, что они занимаются

¹ Сокал А. Нарушая границы. Послесловие // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 220–221.

² Там же. С. 220.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 850.

философией. Достаточно вспомнить монолог Фамусова из грибоедовского «Горя от ума»:

*Куда, как чудно создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дня не сварится¹.*

Чтобы понять, как и почему лжефилософия становится эрзацфилософией, достаточно вспомнить судьбу теологии. Она всегда была и остается лженаукой, что в определенные эпохи не мешало ей процветать. Все дело в том, что в ее существовании были заинтересованы господствующие классы, которым нужна была религия как мощное средство удержания угнетенных народных масс в повиновении. И сейчас у нас в России богословие было объявлено наукой потому, что это было нужно влиятельным общественным силам. И эрзацфилософия была рождена для того, чтобы служить определенным общественным группировкам. В этом случае мы сталкиваемся с тем, что принято называть идеологией.

5. Философия как наука и философия как идеология

Идеология подробно рассматривается в седьмой книге, посвященной проблеме истины. Здесь я очень кратко коснусь лишь самого необходимого.

Философия возникла и существует в цивилизованном обществе, которое всегда было расколото на классы с различными, иногда даже прямо противоположными интересами. Один из результатов — рождение *партийности*, отстаивание людьми интересов того или иного класса или фракции класса. Партийность по-разному влияет на процесс познания. Если интересы класса требуют истины, создается объективная картина действительно-

---

¹ Грибоедов А. С. Горь от ума // Грибоедов А. С. Избранные произведения. Л., 1961. С. 89.

сти. Такую партийность можно назвать объективистской. Если дело обстоит иначе, давление классовых интересов ведет к искажению картины реальности, к заблуждению. Это — субъективистская партийность. Отклонение от действительности, вызванное действием на человека каких-то внешних объективных сил, называется иллюзией, давлением классовых интересов — идеологической иллюзией, а созданное таким образом концептуальное построение — идеологией. Если единицей научного знания является теория, то единицей идеологии — идеологическое учение. Или просто учение.

Прекрасную характеристику идеологии дал Ф. Энгельс. «Идеология, — писал он, — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представление о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и вообще не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимо источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении, потому что совершается *при посредстве* мышления»¹.

Естественные науки находятся вне сферы действия партийности. Они в этом смысле не партийны. Иное дело — науки общественные. Они всегда партийны. И если партийность исследователя является субъективистской, она с неизбежностью порождает

---

¹ Энгельс Ф. Письмо к Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 39. С. 83.

идеологические иллюзии. Тогда создаваемые ученым концепции в лучшем случае являются своеобразным симбиозом научной теории и идеологического учения, в худшем — чистым идеологическим учением, чистой идеологией.

Сходным является положение в философии. И дело не только в том, что всякая законченная философская система включает в себя предельно общий взгляд на общество и историю. Она всегда есть и общий взгляд на мир. А то или иное мировоззрение может быть как выгодным тому или иному классу, так и невыгодным. Опасными для господствующего класса могут оказаться также те или иные положения гносеологии. В. И. Ленин прямо говорил о партийности гносеологии¹.

Субъективистская партийность с неизбежностью делает философию идеологией. Во многих случаях философские концепции являются одновременно и теориями, и идеологическими учениями. Но в такого рода философских системах соотношение научного и идеологического может быть самым различным. Были системы почти полностью научные, были системы, сочетавшие в себе в разных пропорциях науку и идеологию. И были, наконец, системы, представлявшие собой чистые идеологические учения, чистую идеологию. Таким образом, существует два основных вида философии: философия, которая, если даже и не полностью, то в основном является наукой, и философия, которая целиком или в основном представляет собой идеологию. Только первая из них является настоящей философией. Именно она занимается исследованием. Только она с полным правом может быть названа философией. Вторая исследованием не занимается, и тем самым не является подлинной философией. Это — эрзацфилософия. Не будучи настоящей философией, она в то же время не может быть названа и лжефилософией. Она — не простая выдумка отдельных индивидов, а продукт общества. Она возникает с необходимостью, а не по прихоти отдельных людей. Суть ее в том, что в определенные эпохи она заменяет философию, выдает себя за настоящую философию.

---

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм... С. 363–364.

На философию влияют не только интересы тех или иных групп общества. Каждое конкретное общество может находиться в разных состояниях: переживать расцвет, находиться в упадке или даже клониться к гибели. Каждое состояние общества порождает определенные настроения как в обществе в целом, так в различных слоях его населения. И когда в нем существует философия, всё это находит в ней выражение.

Бывают периоды, когда философия выступает прежде всего как наука, в ней идет смена теорий, делаются открытия, которые навсегда остаются достоянием человечества. Это — эпохи расцвета философской мысли. Одна из самых известных таких эпох — VI–IV вв. до н. э. в Древней Греции, другая — XVII — первая половина XIX в. в Западной Европе.

Но бывают и такие периоды, когда философия выступает прежде всего как идеология, теоретическая ее составляющая либо уходит на задний план, либо даже полностью исчезает. В последнем случае перед нами не столько философия, сколько эрзацфилософия, и даже лжефилософия. Одна из них — эпохи III в. до н. э. – V в. н. э. в античном мире.

6. Самоубийство буржуазной философии второй половины XIX в. – начала XXI в.

Развитие возникшей в XVII в. западноевропейской философии, которая по своему классовому характеру была буржуазной, представляло собой настоящий каскад крупных открытий. В результате этих достижений был накоплен материал, который сделал возможным создание философии рабочего класса — диалектического материализма, что произошло в сороковые годы XIX в.

Буржуазная философия при этом существования не прекратила, но резко изменилась. Это нашло отражение в названии. Если буржуазную западноевропейскую философию XVII в. – первой половины XIX в. называют классической, то буржуазную западную философию второй половины XIX в. – начала XXI в. –

неклассической или постклассической. Произошло это потому, что изменился характер буржуазной партийности.

В первую из названных эпох она была, если и не полностью, то в основном объективистской, во вторую — она стала превращаться и окончательно превратилась в субъективистскую.

В первую эпоху капитализм зародился, но мало где утвердился. Буржуазия была кровно заинтересована в смене общественного строя и делала все возможное, чтобы обеспечить победу капитализма. Она была сторонницей идеи общественного прогресса. Нужно было доказать ее истинность, а сделать это можно было только при помощи разума. Нужно было раскрыть пороки существующего строя и доказать необходимость его уничтожения, показать преимущества нового строя перед старым.

Духовным оплотом феодальных порядков была религия и церковь. Это принуждало к борьбе с религией. Истинное идейное обоснование атеизму мог дать только материализм. И он появился. Необходимостью было развитие естественных наук, а оно предполагало разработку метода познания.

Все это вместе взятое и многое другое порождало у тогдашней буржуазии потребность в настоящей философии, которая бы была теорией и методом познания. А этот метод мог быть только руководством по направлению разума по пути, ведущему к постижению истины. В эту эпоху, особенно в XVIII в., царил культ разума, что дало основание называть его в западной литературе Веком Разума (в наше литературное — Век Просвещения).

XIX в. характеризуется утверждением капитализма в Западной Европе. Буржуазия стала господствующим классом, пришла к власти. Главной ее заботой стало сохранение возникшего нового общественного порядка. В разных формах утверждалось, что он возник навсегда — смены ему никогда не будет. На все лады говорилось, что капитализм является наилучшим из всех общественных порядков, поэтому бороться против него не имеет никакого смысла.

Марксизмом было неопровержимо доказана абсолютная ложность этих утверждений. Капитализм в действительности есть

общество, базирующееся на эксплуатации человека человеком, и его развитие с неизбежностью ведет к замене его более совершенным обществом, в котором не будет эксплуатации.

Религия в классовом обществе всегда была важнейшим средством, при помощи которого эксплуататоры держали в повиновении народные массы. Когда буржуазия стала господствующим классом, она сразу же поставила религию себе на службу. Атеизм и материализм были отброшены. И здесь истина оказалась опасной, а заблуждение — нужным, полезным, спасительным.

Все это можно продолжать до бесконечности, но вряд ли имеет смысл заниматься этим. А итог довольно прост: буржуазии становилось все более и более ясным, что истина для нее опасна, а тем самым опасен и разум, суть которого состоит в поисках и отыскании истины. А раз так, то опасна и настоящая философия, научная философия, которая занимается исследованием процесса познания истины и разрабатывает предельно общий метод ее отыскания разумом. Эта философия, которая провозглашала: «Да здравствует разум, да скроется тьма!», была заменена подделкой под философию, суть которой нашла предельно четкое выражение в названии книги одного из ее приверженцев — «Прощай, Разум!».

Враждебное отношение к познанию в целом, к мышлению, разуму, прежде всего проявляется во всех системах западной постклассической философии. Не задерживаясь на системах-однодневках, остановимся на двух ее направлениях, которые существуют с самого ее начала до наших дней — иррационализме и позитивизме. Уже само название первого из них говорит, что его суть заключается в принижении или даже отрицании значения разума. А из этого вытекает признание существования в мире непознаваемого. О слове «позитивизм» этого не скажешь. Но у данного течения есть и другие названия — агностицизм и феноменализм. Согласно позитивизму, мы можем знать только явления. Сущности же либо нет, либо, если она все же существует, она непознаваема. В любом случае суть мира в целом абсолютно

непостижима. Знание дают только чувства. Мышление лишь фиксирует и упорядочивает данные органов чувств. Само оно никакого нового знания дать не в состоянии. В этом смысле позитивизм тоже есть иррационализм, причем чуть ли не крайний.

Этим течением, как и большинству других направлений неклассической философии, присуще крайне нигилистическое отношение к предшествующим философским системам.

Уже первая форма этой философии — иррационализм — с самого начала отличалась резко отрицательным отношением ко всем предшествующим философским системам. «Все философы до Канта, т. е. все догматики, — писал основоположник иррационализма А. Шопенгауэр, — это, собственно говоря, люди, которые ищут квадратуру круга, ибо пытаются при помощи законов и отношений объяснить вечность, они ищут совпадение несоизмеримых величин»¹. Еще хуже, по Шопенгауэру, пошло дело после Канта. «...Люди, подобные Фихте, Шеллингу и Гегелю, — продолжал он, — должны быть изгнаны из царства философов, как некогда торгошники и менялы были изгнаны из храма Иерусалимского...»² Особую ненависть вызывало у него учение Г. Гегеля. — высшее достижение домарксистской философской мысли, впитавшее в себя почти все ее великие открытия. Из массы его филиппик против Г. Гегеля приведу лишь одну. «Итак, если в этих видах я скажу, — писал А. Шопенгауэр, — что называемая философия этого Гегеля — колоссальная мистификация, которая еще у наших потомков будет служить неисчерпаемым материалом для насмешек над нашим временем; что она — всякие умственные способности расслабляющая, всякое подлинное мышление заглушающая и на место его, с помощью беззаконнейшего злоупотребления словами, пустейшую, бессмысленнейшую, нелепейшую и поэтому, как показывают результаты, помрачительнейшую словесную чепуху

¹ Шопенгауэр А. Новые паралипомены: отдельные, но систематически изложенные мысли о разного рода предметах (1810–1860) // Шопенгауэр А. Введение в философию. Новые паралипомены. Об интересном. Мн., 2000. С. 101.

² Там же. С. 107.

поставляющая псевдофилософия, которая имея своим ядром неведомо откуда взятую и вздорную выдумку, не знает ни оснований, ни следствий, т. е. ничем не доказывается и сама ничего не доказывает, и ничего не объясняет, и, к тому же, лишенная оригинальности, является простой пародией на схоластический реализм и вместе на спинозизм, — чудовище, долженствующее при том же еще, со своей оборотной стороны, представлять собой христианство... — то я буду прав»¹. Нигилистическое отношение ко всей предшествующей философии отличает и иные иррационалистические системы, включая самые поздние.

То же самое присуще и всем разновидностям позитивизма. Уже «первый» позитивизм исходил из того, что вся предшествующая философия была порождением метафизической стадии развития человеческого мышления, которая сейчас должна быть полностью преодолена и заменена новой — позитивной. В ходе развития старой, традиционной философии не было сделано ни одного открытия, которое могло бы быть принято во внимание и использовано.

Приведу в качестве примера одно из высказываний ярого поклонника О. Конта англичанина Джорджа Генри Льюиса (1817–1878), автора, получившего самое широкое распространение, переведенного на все европейские языки (в одной только России до революции вышло пять изданий) труда, который первоначально назывался «История философии в биографиях» (1845–1856), затем был переработан и получил название «История философии от Фалеса до Конта» (1867).

«Повсюду в Европе, — писал Дж. Льюис, — философия утратила кредит... Уже немногие верят ее громким обещаниям, но и у них крепнет убеждение, что философия по самой своей сути обречена блуждать в запутанных лабиринтах. И хотя философия пребывает в постоянном движении, но это движение по кругу...

---

¹ Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики // Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1910. С. 11.

Изучение истории философии свидетельствует, что перед философами постоянно возникал вопрос о достоверности их суждений, всегда приводивший к кризису той или иной философской системы. В конце концов эти постоянные кризисы и отвратили большинство умов от бесплодных попыток философии объяснить явления окружающего мира... Философия была великой родоначальницей научного знания... Исполнив всё это, она может считать свою роль сыгранной. В настоящее время она представляет чисто исторический интерес»¹.

Такова точка зрения представителей первого позитивизма. Не отставали от них неопозитивисты.

«Неумолимый приговор новой логики, — писал, например, неопозитивист Р. Карнап, — гласит: все прежние философские системы, связаны ли они с именами Платона, Фомы Аквинского, Канта, Шеллинга или Гегеля, а также новая „метафизика бытия“ или „философия наук о духе“ не только ложны с точки зрения содержания, но логически несостоятельны, а поэтому бессмысленны»².

И, на что хотелось бы обратить особое внимание, одной из наиболее отвергаемых философских систем прошлого является та, которая положила начало перевороту в этой области знания, завершённому марксизмом, а именно философия Гегеля. Выше уже было приведено мнение о ней А. Шопенгауэра. С ним были полностью солидарны неопозитивисты.

Логический позитивист Г. Рейхенбах категорически утверждал, что философию Гегеля «можно изучать как пример того, какой не должна быть философия»³. Особенно неприязненно относился он к диалектике, которую расценивал как свидетельство полной некомпетентности Гегеля в проблемах логики и естественных наук.

¹ Льюис Дж. Г. Античная философия от Фалеса до Сократа. Мн., 1997. С. 5–6.

² Карнап Р. Старая и новая логика // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М., 2006. С. 106.

³ Reichenbach H. Der Ausstieg der Wissenschaftlichen Philosophie. Berlin-Grunwald, 1951. S. 82.

Не лучшим было отношение к Гегелю постпозитивиста К. Поппера. «Успех Гегеля, — писал он, — положил начало „веку нечестности“ (как характеризовал период немецкого идеализма А. Шопенгауэр) или „эре безответственности“ (как К. Хайден назвал век современного тоталитаризма) — сначала интеллектуальной, а потом, как следствие, и моральной безответственности, новой эре, подчиняющейся магии и высокопарным словам и силе жаргона»¹. «Для того, чтобы предостеречь читателя от серьезного восприятия напыщенного и мистифицирующего жаргона Гегеля, — продолжает К. Поппер, — я процитирую некоторые поразительные отрывки из его сочинений...»²

Приведя их, К. Поппер завершает свою филиппику фразой: «Возникает вопрос, обманывал ли Гегель сам себя, загипнотизированный собственным возвышенным жаргоном, или он нагло пытался обмануть и запутать других. Я склоняюсь ко второму предположению...»³ И, наконец, общий вывод: «Что же касается Гегеля, я даже не думаю, что он — талантливый философ. Но несомненно, что он совершенно неудобоваримый писатель. Как вынуждены признать даже самые его ревностные сторонники, стиль его работ „безусловно скандален“. Что же касается их содержания, оно превосходно только выдающимся отсутствием оригинальности. В работах Гегеля нет ничего, что не было бы гораздо лучше сказано до него. В его апологетическом методе нет ничего такого, что не было бы сказано другими апологетами до него. Гегель, хотя и без всякого блеска, освятил эти заимствованные мысли единым намерением и подчинил их единой цели: борьбе против открытого общества и служению своему работодателю — Фридриху Вильгельму III Прусскому»⁴.

Этот приговор, который был вынесен К. Поппером Гегелю, является его приговором самому себе. Человек, который не по-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 37.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 41.

нимает и не хочет понять великого значения философских открытий Гегеля, никаким философом не является: ни хорошим, ни плохим. В философии он — пустое место.

Этот практически полный отказ от всего философского наследия, состоящего в большинстве своем из таких философских систем, которые занимались исследованием, были научными, неопровержимо свидетельствует, что и иррационализм, и позитивизм представляют собой не философию, а эрзацфилософию, можно даже сказать, антипод всякой подлинной философии.

Выше уже говорилось, что если человек, считающий себя философом, настаивает на том, что философия не является наукой, то это свидетельствует о том, что его собственная система никакого отношения к науке не имеет. Она — не философия, а эрзацфилософия. В качестве примера были приведены Н. А. Бердяев и М. Хайдеггер. Но то же самое утверждали приверженцы и аналитической философии: М. Шлик, Р. Карнап, К. Поппер, Т. Кун, П. Фейерабенд и др. «...Философия, — без всяких обиняков писал, например, М. Шлик, — не является системой предложений, не является наукой»¹.

Выявление столь присущего практически всей постклассической философии нигилистического отношения к философскому наследию помогает понять характер ее развития.

Вопреки концепции развития научного знания постпозитивиста Т. Куна, изложенной в книге «Структура научных революций», эволюция науки носит кумулятивный характер. Каждый новый шаг вперед в развитии науки основан на использовании предшествующих ее достижений. Отказ от этого с неизбежностью означал бы прекращение прогресса научного знания.

Поэтому беспредельный нигилизм, характерный не только для названных течений западно-постклассической философии, но и для нее в целом, безоговорочно исключал возможность в ней

---

¹ Шлик М. Поворот философии // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М., 2006. С. 101.

каких бы то ни было позитивных сдвигов. Она может только либо топтаться на месте, либо все больше и больше деградировать.

Как уже указывалось, в философии, в целом являющейся не наукой, а идеологией, на ранних этапах могли сохраняться отдельные моменты научности. А в последующем они могли быть полностью утрачены. На ранних порах эрзацфилософы должны были пользоваться понятийным аппаратом, созданным теми, кто работал раньше в этой области, и лишь позднее начал создаваться новый. Фактически отказываясь от того, что было принято прежними философами, они обычно прямо об этом заявляли: реально воюя с философией научной, они открыто ей войну до поры до времени не объявляли.

В целом же постклассическая философия шла по пути все большего раскрытия своей собственной сущности. Маразм крепчал. Если, например, первые позитивисты не выражали сомнения в существовании мышления, то несколько иначе обстояло дело у неопозитивистов. Исходя из признанного всеми позитивистами тезиса о том, что мы можем знать только то, что доступно органам чувств, они предприняли попытку отказаться от использования этого понятия. Исходный пункт их концепции науки: знание суть чувственные данные, облеченные в языковую оболочку. Мысль здесь ни при чем. Но в процессе дальнейшего изложения выяснилось, что без признания существования мышления обойтись совершенно невозможно.

Главным понятием философии как теории познания истины всегда являлась категория истины. Она тоже еще с середины XIX в. была поставлена под сомнение, но далеко не всеми постклассическими философами. «Первые» позитивисты ставили вопрос и об истине, и о познании истины. Не отвергали прямо понятия истины и неопозитивисты. Но уже К. Поппер, не отказываясь прямо от использования этого понятия, объявил истину непознаваемой. У последующих постпозитивистов: Т. Куна, С. Тулмина, И. Лакатоса понятие истины полностью исчезает. А П. Фейерабенд открыто проклял разум и объявил истину одним из порож-

денных им абстрактных чудовищ, которые, как ранее боги, использовались для запугивания человека и ограничения его свободного и счастливого развития¹. С его точки зрения, нет, например, никакой принципиальной разницы между научной теорией и религиозным мифом.

Кстати сказать, такого взгляда придерживается и такой поборник аналитической философии, как Уиллард ван Орман Куайн (1908–2000). «Как эмпирик, — писал он, — я продолжаю считать концептуальную схему науки инструментом для предсказания будущего опыта в свете прошлого опыта. Физические объекты концептуально вводятся в ситуацию как удобные посредники, причем не путем их объяснения в терминах опыта, но просто как простые несводимые постулируемые сущности (*posits*), эпистемологически сопоставимые с богами Гомера. Что касается меня, то я как правоверный физик верю в физические объекты, а не в гомеровских богов, потому что было бы научной ошибкой думать иначе. Но с точки зрения эпистемологии физические объекты и боги Гомера отличаются только по степени, а не в принципе. Оба типа сущностей входят в наше познание только как культурно постулируемые сущности. Миф о физических объектах эпистемологически превосходит большинство других мифов в том отношении, что оказался более эффективным, чем другие мифы, в качестве устройства для выработки поддающейся управлению структуры потока опыта»². Таким образом, по У. Куайну, научная теория есть не что иное, как одна из разновидностей мифологии.

Теория познания есть теория познания истины. Отбрасывание понятия истины по существу есть отказ от какой бы то ни было гносеологии. Видный представитель аналитической философии Ричард Рорти (1931–2007) с восторгом возвестил о некой

---

¹ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 322 и др.

² Куайн У. ван О. Две догмы эмпиризма // Куайн У. ван О. Слово и объект. М., 2000. С. 365.

революции в философии, которую совершили три «наиболее важных» философа XX в. — Витгенштейн, Хайдеггер и Дьюи.

Как пишет он, суть этого переворота заключается в том, что они «отбросили теорию познания, эпистемологию». Как особо подчеркивает Р. Рорти, они не просто подвергли критике существующие теории познания и предложили взамен им свои собственные теории, они заявили о необходимости отказа от какой бы ни было теории познания, отказа от эпистемологии вообще.

Сам Р. Рорти с положением об окончательной и бесповоротной смерти эпистемологии полностью согласен. «Эта книга, — пишет на первых страницах своего сочинения „Философия и зеркало природы“ (1979), — представляет собой обзор развития последних философских исследований, особенно в области аналитической философии, с точки зрения антикартезианской и антикантианской революции, которую я только что описал. Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к „уму“ как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь „философский“ взгляд, к „познанию“ как к чему-то такому, о чем должна быть теория и что имеет „основания“, а также к „философии“, как она воспринималась со времен Канта»¹.

Предела падения достигла современная западная философия в т. н. философии постмодернизма. Некоторые из постмодернистов считают, что о какой-либо философии постмодерна говорить не приходится. Ее не существует. И они правы.

Действительно всё, что преподносится под маркой постмодернистской философии, не обладает даже видимостью философии. Это просто-напросто треп, ахинея, белиберда. Об этом наглядно свидетельствует приведенный выше пример со статьей-пародией А. Сокала. Тот же самый Ален Сокал вместе с физиком-теоретиком из Лувенского университета (Бельгия) Жаном Брикмоном написали великолепную книгу, которая в оригинале называется «Модная бессмыслица. Критика современной философии

---

¹ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 5.

постмодерна» (в русском переводе — «Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна»)¹, где убедительно показали безмерную глупость философов-постмодернистов и их ужасающее невежество в области естественных наук.

Единственное, что дает основание называть современную немарксистскую философию не лжефилософией, а всё же эрзацфилософией, это наличие у нее социальных корней. Дело здесь не только и не столько в субъективных качествах ее творцов, в частности, в обычной человеческой глупости, стремлении выделиться, побольше заработать, сколько в сложившейся в обществе ситуации. Кризисное состояние духовной жизни современного капиталистического общества имеет своей основой кризис всего этого общества в целом. Оно обречено, впереди его ждет только гибель².

Чтобы продлить существование этого общества, его господствующий класс должен держать в неведении всё основное его население, без конца лгать. Этому классу страшна правда. Поэтому нужно искоренить понятие истины, стереть грань между истиной и заблуждением. Этим и занимаются современные философы буржуазии. Они подводят идейную базу под распространение всех видов мракобесия, убивают всякую свободную критическую мысль, уничтожают способность людей самостоятельно мыслить, приучают людей слепо верить буржуазным средствам массовой информации.

К полному отрицанию истины — *антиверитизму* (от греч. *anti* — против и лат. *veritas* — истина), или контрверитизму толкает современных западных философов и их собственное положение. Они в силу тупика, существующего в области их деятельности, в принципе не в состоянии искать и находить истину, в принципе неспособны создавать несущие истину труды. Антиверитизм дает им оправдания: они не способны искать истину не в силу того,

---

¹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002.

² Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Философия истории... С. 509–658.

что стоят на глубоко ошибочных идейных позициях, а потому что никакой истины нет и быть не может.

Могут сказать, что, например, среди философов-постмодернистов немало людей, считающих себя людьми левых взглядов. Суть дела от этого не меняется. Важно не то, что человек говорит и даже думает о себе, а то, что он делает. А на деле все они выполняют социальный заказ современной буржуазии.

«В тот час, когда суеверие, мракобесие и националистический и религиозный фанатизм чувствуют себя замечательно, — пишут А. Сокал и Ж. Брикмон, — по крайней мере безответственно обращаться с легкостью с тем, что исторически было единственным заслоном перед этим безумием, а именно рациональное мировоззрение. Содействие мракобесию наверняка не является задачей постмодернистских авторов, но оно является неизбежным следствием их деятельности»¹.

С уверенностью можно сказать, что взгляда, согласно которому философия не является наукой, придерживалось немало отечественных философов и в советское время. Но возможности провозгласить и отстаивать данную точку зрения до перестройки у них не было. Однако они взяли реванш в перестроечное и постсоветское время.

Наибольшее рвение в этом деле проявил доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН Александр Леонидович Никифоров. В своих многочисленных выступлениях и статьях он категорически настаивал: «Философия никогда не была, не является и, по-видимому, никогда не будет наукой» (курсив автора. — Ю. С.)².

Как категорически утверждает Никифоров, философия в отличие от науки не ищет и неспособна найти истину³, не дает

¹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 169.

² Никифоров А.Л. Философия как личный опыт // Заблуждающийся разум. Многообразие ненаучного знания. М., 1990. С. 298.

³ Там же. С. 312.

и неспособна дать никакого знания, тем более нового¹. Философы в отличие от ученых не делают и в принципе неспособны делать никаких открытий. Поэтому если в науке идет поступательное развитие, то в философии никакого прогресса нет и быть не может.

«В философии, — пишет А. Л. Никифоров, — нет того непрерывного поступательного движения ко всё более полному, точному и глубокому знанию, которое так характерно для развития науки... В науке легко заметить *развитие*, в философии же на первом плане мы замечаем лишь *изменение*»².

Эти положения нашли поддержку у определенного числа российских философов (докторов философских наук А. Н. Кочергина, А. Ф. Зотова и др., не считая множества кандидатов) и проникли в учебные пособия.

И это вполне понятно. Ведь все они усвоили и свято уверовали в ту философию, которая безраздельно господствует на Западе. А она действительно никакой наукой не является, она — эрзац-философия. А эти люди другой не знают и знать не хотят. Это и ведет их к выводу, что философия вообще не является и в принципе не может быть наукой. С этим же связано отрицание ими существования основного вопроса философии. Современная западная эрзацфилософия не занимается эксплицитным, преднамеренным решением подлинных философских проблем, хотя постоянно сталкивается с ними. А ее представители всячески избегают четкого определения своих философской позиций. Наоборот, они их тщательно маскируют, занимаются изобретением всё новых и новых направлений в философии, всё новых и новых «-измов».

Все они или идеалисты или близки к ним, но в отличие от классиков идеализма (Платона, Фомы Аквинского, Фихте, Гегеля и др.) стыдятся это признать.

---

¹ Никифоров А. Л. Выступление на «круглом столе» // Природа философского знания. Что такое философия? (Материалы «круглого стола» МГУ им. М. В. Ломоносова. Май 1994 г.) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1995. № 2. С. 5.

² Никифоров А. Л. Философия как личный опыт. С. 304.

Никакой науки нет в подавляющем большинстве и наших работ по философии. То, что у нас сейчас выдается за философию, в большинстве случаев никакой наукой не является. А содержание учебных пособий, как правило, — эклектическая похлебка из кусков самых различных, нередко противоречащих друг другу эрзацфилософских и даже лжефилософских концепций.

Господствующая в современной немарксистской философии тенденция получила предельно четкое выражение в названии последней книги П. Фейерабенда «Прощай, разум»¹. Поэтому вряд ли кого может удивить появление в последние десятилетия массы работ, в которых на все лады говорится о конце философии. Буржуазная философия действительно умерла. Она покончила жизнь самоубийством. Но труп ее гальванизирует и отравляет духовную атмосферу.

Уже известный нам А. Л. Никифоров, стремясь доказать, что философия не есть наука, ссылается на реальные результаты творческой деятельности современных западных философов, поклонником которых является. Он, например, считает К. Поппера одним из крупнейших философов XX в.

Но вот что мы читаем в тезисах доклада А. Л. Никифорова на IV Российском философском конгрессе (май 2005 г.): «В прошлом, 2004 г., исполнилось 10 лет со дня смерти достаточно крупного философа XX столетия К. Поппера. Все его основные труды переведены на русский язык, и отечественные философы хорошо знакомы с результатами его творческой деятельности. По-видимому, по силе интеллекта Поппер едва ли уступал многим Нобелевским лауреатам. Но что осталось в философии от его идей и концепций? Увы, строго говоря, ничего. И в этом нетрудно убедиться. По собственному признанию Поппера, важнейшей философской проблемой для него была проблема демаркации. Для ее решения он предложил принцип фальсифицируемости. Однако оказалось, что фальсификационизм столь же неспособен отделить науку от

---

¹ Фейерабэнд П. Прощай, разум. М., 2010.

ненауки, как и раскритикованный им джастификационизм. Поппер с гордостью заявлял, что решил старую проблему оправдания индукции. В чем же состояло его решение? В том, что он отверг существование индукции как метода познания. Ясно, что это решение никем не было принято. Модель развития и роста научного познания, сформулированная Поппером, тоже была подвергнута критике и отброшена, ибо совершенно не отвечала на вопрос, на который была призвана ответить: как возрастает научное знание? Однако все попытки придать ей точную формулировку окончились неудачей, и постепенно она была отброшена. И его истолкование знания, и его концепция трех миров, и его учение о предрасположенностях — всё осталось в прошлом и ныне уже не вызывает никакого интереса»¹.

А. Л. Никифоров совершенно прав в своей оценке итогов деятельности К. Поппера. Тот действительно ничего не внес в философию. Но он совершенно неправ, когда рассматривает факт творческого бесплодия К. Поппера в качестве неопровержимого подтверждения своего взгляда на философию. Логика его предельно проста.

«Творчество ученого, — пишет он, — оставляет науке результаты, которые включаются в совокупность научного знания и наследуются новыми поколениями ученых. М. Планк оставил физикам квант действия, А. Эйнштейн — теорию относительности, И. П. Павлов оставил физиологам учение об условных рефлексах... Я говорю о крупных достижениях, но и самый скромный ученый всё-таки вносит в копилку научного знания какой-то собственный вклад, который достаточно долго сохраняется»². К. Поппер же, крупнейший философ, не оставил после себя ничего. Значит, он не ученый, а философия не наука.

---

¹ Никифоров А. Л. Творчество философа и развитие философии // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.). Т. 3. М., 2005. С. 436–437.

² Там же. С. 436.

В действительности же из приведенного А. Л. Никифоровым факта следует лишь, что К. Поппер не был исследователем, ученым, а созданное им учение не относится к науке. И никак не больше.

Как уже указывалось, под общим названием философии скрываются два разных вида духовной деятельности: подлинная философия, которая является наукой, и подделка под философию, которая никакой наукой не является, эрзацфилософия.

Подлинные философы делают открытия, которые, как и открытия специалистов в области конкретных наук, навсегда вошли в сокровищницу знаний человечества. В области эрзацфилософии это невозможно. Она неспособна давать истину. Она — сфера пустознания, переливания из пустого в порожнее. А К. Поппер был типичным эрзацфилософом. И то, что было сказано выше об итогах его деятельности, вполне может быть отнесено и к другим представителям современной эрзацфилософии. В лучшем случае у них пустота, в худшем — полная деградация мысли.

Глава 7

И всё же будущее за материализмом

1. Вводные замечания

Разумеется, что для современной эрзац-философии главным противником является материализм вообще, диалектический материализм в особенности. Все на Западе и в России без конца твердят, что к нашему времени материализм (а следовательно, и диалектический материализм) полностью, абсолютно и навсегда опровергнут. Соответственно, полностью, абсолютно и навсегда опровергнута и теория отражения. Придерживаться материалистического взгляда на мир и познание, уверяют они, значит безнадежно отставать от времени. И эти заклинания на многих действуют безотказно. Будучи убежденными в истинности материалистического взгляда, они боятся об этом сказать, тем более его отстаивать.

Принципиально нового здесь ничего нет. Это же и с той же помпой твердили философы-идеалисты и агностики ровно сто лет тому назад, в начале XX в. Об этой философской вакханалии достаточно было сказано В. И. Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме» (1909). И повторять всё это нет смысла. Нужно лишь отметить различие между шумными антиматериалистическими кампаниями прошлого и современности.

Ранее идеалисты и агностики без конца ссылались на современное им естествознание, которое своими последними открытиями якобы полностью опровергло материализм. Сейчас ссылки на естествознание практически отсутствуют. В основном сейчас делается упор на логику, разумеется, формальную, из

которой, как утверждается, неопровержимо следует, что ни доказать, ни опровергать существование внешнего объективного мира нельзя.

Подобная перемена в способе опровержения материализма вполне понятна. На рубеже XIX–XX вв. с опровержением объективного существования внешнего мира выступил ряд крупных естествоиспытателей, в основном физиков-теоретиков, — Эрнст Мах, Жюль Анри Пуанкаре, Вильгельм Фридрих Оствальд (1853–1932). К махизму в известной степени склонялся в это время Альберт Эйнштейн. Лишь немногие крупные физики открыто выступили в защиту материализма. Большинство физиков, тяготея к материализму, отмалчивалось.

К середине XX в., и особенно к его концу, практически никто из крупных физиков-теоретиков не стоял на позициях субъективного идеализма и агностицизма. Одним из немногих склонялся к этим взглядам, пожалуй, лишь Э. Шредингер. Но он честно признавал свое одиночество в среде естествоиспытателей. Он прекрасно сознавал, что изложение его философских взглядов вызывает «сильное нападение со стороны рационалистов, т. е. со стороны большого числа моих коллег-естествоиспытателей, которые в лучшем случае скажут мне с дружески-иронической усмешкой: знаешь, дорогой, оставь нас с этим, потому что нам значительно милее всё-таки исключительно близко лежащее предположение о существовании материального мира как причины наших общих переживаний»¹.

Во второй половине XX в. естествоиспытатели, в особенности физики-теоретики, не просто утвердились на материалистических позициях, но, по сути, перешли в контрнаступление, открыто защищая материализм, теорию отражения и одновременно резко критикуя и даже едко высмеивая неопозитивистов, постпозитивистов и постмодернистов.

---

¹ Шредингер Э. Мой взгляд на мир. М., 2005. С. 124.

2. Выдающиеся естествоиспытатели XX в. в борьбе за материализм и против эрзацфилософии

«В уме человека, — писал, характеризуя научное познание, выдающийся русский математик Владимир Андреевич Стеклов (1861–1928), — создается таким путем ряд умственных образов, находящихся в однозначном соответствии с известной совокупностью вещей и явлений чувственного мира, строится изображение, особая модель внешнего мира...»¹

«Первое самое общее свойство, качество ума, — говорил великий русский физиолог Иван Петрович Павлов (1849–1936), — это постоянное сосредоточие мысли на определенном вопросе, предмете... Вы понимаете, конечно, что когда ум направлен к действительности, он получает от нее разнообразные впечатления, хаотически складывающиеся, разрозненные. Эти впечатления должны быть в вашей голове в постоянном движении, как кусочки в калейдоскопе, для того чтобы после в вашем уме образовалась наконец та фигура, тот образ, который отвечает системе действительности, является ее верным отпечатком»².

Сторонником материализма и теории отражения был Л. Больцман. «Я держусь мнения, — писал он, — что задача теории заключается в конструировании существующего исключительно в нас отражения внешнего мира... Своеобразие человеческого духа заключается именно в том, что он стремится создать себе такое отражение и всё более приспособляет его к внешнему миру. Первоначальная выработка и постоянное совершенствование этого отображения и являются главной задачей теории. Фантазия — ее колыбель, наблюдающий разум — ее воспитатель»³.

¹ Стеклов В. А. Математика и ее значение для человечества. Берлин, 1923 [переиздание — М., 2010]. С. 134.

² Павлов И. П. Об уме // Неопубликованные и малоизвестные материалы И. П. Павлова. Л., 1975. С. 17.

³ Больцман Л. О значении теории // Больцман Л. Очерк методологии физики. М., 1929. С. 1–2.

Такой же была позиция великого ученого, создателя стереохимии Якоба Хенрика Вант-Гоффа (1852–1911). «Всякие принципы деления научных дисциплин, — утверждал он, — в сущности являются произвольными, ибо наука, как и природа, отражением которой она является, образует одно безраздельное целое»¹.

Еще в 1909 г. М. Планк выступил с резкой критикой философии Э. Маха, заявив, что она чужда естествознанию, которое признает и не может не признавать существования объективной реальности². В последующем он раскрывает антинаучную сущность неопозитивистской философии. «Позитивизм, проводимый последовательно, — говорил М. Планк в докладе „Позитивизм и реальный внешний мир“ (1930), — отрицает понятие и необходимость объективной, т. е. независимой от индивидуальности, физики. Он вынужден делать это, поскольку не признает никакой другой действительности, кроме переживаний отдельных физиков. Мне не стоит говорить, что, констатируя это, мы недвусмысленно разрешаем вопрос — достаточен ли позитивизм для построения физической науки; ведь наука, принципиально лишаящая себя предиката объективности, тем самым выносит себе приговор»³.

Замечательный немецкий физик Арнольд. Зоммерфельд (1886–1951) так прокомментировал предисловие М. Планка к книге «Пути к познанию в физике» (1933). «В предисловии к своей книге он следующим образом сформулировал свою руководящую идею: „Задачей физики является изучение реального внешнего мира“. Это слово звучит несколько старомодно и метафизично... Но он подчеркивает, что идея о внешнем мире, подчиняющемся определенным закономерностям, совершенно необходима естествоиспытателям, и каждый новый успех под-

¹ См.: Вант-Гофф Я. Г. Очерки по химической динамике. М., 2012. С. 11.

² Планк М. Единство физической картины мира // Планк М. Избранные труды. М., 1975. С. 631–632.

³ Планк М. Позитивизм и реальный внешний мир // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 124.

тверждает эту мысль... Вы замечаете, что эта точка зрения как раз противоположна исходной установке так называемого позитивизма. Позитивист с большим нежеланием смирится с применением выражения „внешний мир“, его мечта — уничтожение всякой метафизики... Что же касается меня, то я полностью разделяю чувства Планка... В утверждении, что законы природы независимы от нас и „долговечнее бронзы“, безусловно есть метафизическое. Позитивизм и прагматизм с пренебрежением отвергают подобное верование, но оно является постулатом для любого исследователя»¹.

А. Эйнштейн, которого вначале привлекала философия Э. Маха, в последующем стал относиться к ней резко отрицательно. Во время дискуссии, состоявшейся в Париже в апреле 1922 г., он отозвался о Э. Махе как о «хорошем механике», но «никудышном» (*deplorable*) философе»², а о его философии как о «глупости»³. Именно в приверженности к позитивизму видел он причину выступления Э. Маха и В. Оствальда против учения об атомах. «Предубеждение этих ученых против атомной теории, — писал великий ученый, — можно, несомненно, отнести за счет их позитивистской философской установки. Это — интересный пример того, как философские предубеждения мешают правильной интерпретации фактов даже ученым со смелым мышлением и тонкой интуицией»⁴.

В статье «Замечания о теории познания Бертрانا Рассела» (1944) А. Эйнштейн писал, вводя понятие «объективного мира» и тем самым бросая открытый вызов позитивистам всех мастей: «Мы просим читателя разрешить нам на некоторое время употребление этого понятия, хотя в глазах философской полиции оно

¹ Зоммерфельд А. Пути познания в физике... С. 109–111.

² Einstein and the Philosophies of Kant and Mach // Nature. 1923. Vol. 112. № 2807. 18 August. P. 253.

³ См.: Гейзенберг В. Физика и философия. Целое и часть. М., 1989. С. 191.

⁴ Эйнштейн А. Творческая автобиография // Эйнштейн и современная физика. М., 1956. С. 49.

подозрительно»¹. Закончил же он эту статью словами: «...Я не вижу никакой „метафизической“ опасности в том, чтобы включить в систему в качестве независимого понятия вещь (объект в смысле физики) вместе с ее соответствующей пространственно-временной структурой»².

«...В наши дни преобладает субъективистская и позитивистская точка зрения, — читаем мы в письме А. Эйнштейна Морису Соловину (1938). — Сторонники этой точки зрения провозглашают, что рассмотрение природы как объективной реальности — устаревший предрассудок... Люди же поддаются дрессировке, как и лошади, и в любую эпоху господствует какая-нибудь одна мода, причем большая часть людей даже не замечает господствующего тирана»³.

Предельно ясно изложил А. Эйнштейн свой взгляд на мир в беседе с ирландским писателем Мэрфи (1932). На вопрос писателя, верно ли распространенное в британской прессе мнение, что он разделяет теорию, согласно которой внешний мир является производным от сознания, А. Эйнштейн дал абсолютно четкий ответ: «Ни один физик не верит, что внешний мир является производным от сознания, иначе он не был бы физиком. Не верят в то и названные вами физики (А. Эддингтон и Дж. Джинс. — Ю. С.). Следует отличать литературную моду от высказываний научного характера. Названные вами люди являются настоящими учеными, и их литературные работы не следует считать выражением их научных убеждений. Зачем кто-нибудь стал бы любоваться звездами, если бы он не был уверен в том, что звезды действительно существуют? Здесь я полностью согласен с Планком. Мы не можем логически доказать существование внешнего мира. Более того, вы не можете логически доказать, что я сейчас разговари-

¹ Эйнштейн А. Замечания о теории познания Бертрана Рассела // Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. С. 249.

² Там же. С. 252.

³ Эйнштейн А. Письма к Морису Соловину // Собрание научных трудов. Т. 4. С. 555.

ваю с вами или что я нахожусь здесь. Но вы знаете, что я здесь, и ни один субъективный идеалист не сможет убедить вас в противоположном»¹.

И еще одно высказывание великого ученого (1931): «Вера в существование внешнего мира, независимо от воспринимающего субъекта, лежит в основе естествознания»². И еще небольшое, но важное добавление. В одной из неопубликованных работ, созданной после 1949 г., А. Эйнштейн писал о том, что основная аксиома его мышления — постулат о соответствии между реальным миром и миром думающего и экспериментирующего человека³.

«Естествоиспытатель... — пишет М. Борн, — должен быть реалистом, он должен видеть в своих чувственных представлениях нечто большее, чем галлюцинации, а именно информацию, идущую от реального внешнего мира»⁴. Для М. Борна формулы теоретической физики не в меньшей степени, чем восприятия, являются образами внешнего мира. «Их реальность того же самого типа — я имею в виду объективную реальность во внешнем мире, — как и реальность любого образа хорошо знакомых вещей, например, образа человеческого тела»⁵. Выдающийся физик не только отвергал, но даже едко высмеивал построения неопозитивистов⁶.

Дугалс Мердок, детально исследовавший мировоззренческие и методологические воззрения Н. Бора в книге «Философии физики Нильса Бора», определяет его взгляды как «эмпирический реализм», под которым он понимает по сути материализм. «Бор... — пишет он, — эмпирический реалист, считающий, что присущая обыденному здравому смыслу концепция физического мира

¹ Эйнштейн А. Эпilog. Сократовский диалог // Там же. С. 162–163.

² Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Там же. С. 136.

³ См.: Холтон Д. Эйнштейн о физической реальности // Эйнштейновский сборник. 1969–1970. М., 1970. С. 225–226.

⁴ Борн М. Физика и метафизика // Борн М. Физика в жизни моего поколения. М., 1963. С. 207.

⁵ Борн М. Эксперимент и теория в физике // Там же. С. 144.

⁶ Борн М. Физическая реальность // Там же. С. 272–273.

не является ни радикально ошибочной, ни противоречащей современной физике. Он полагает, что наш чувственный опыт относится к реальному миру внешних объектов, чье существование не зависит от нашего их восприятия. Этот реальный мир, общий для всех субъектов опыта, образует базис intersubъективной коммуникации¹. В 1961 г. в разговоре с Н. Бором в Москве видный отечественный физик Евгений Львович Фейнберг (1912–2006), защищая академика Владимира Александровича Фока (1898–1974), сказал, что последний отстаивал квантовую механику, когда на нее нападали наши философы. Реплика Н. Бора: «Философы сами по себе очень хорошие люди. Но к ним относятся с состраданием (*pity*) не только в вашей стране, но и всюду — в Америке, в Дании. В Дании говорят, что философ — несчастный человек — он никогда ничего не узнает»². Фейнберг комментирует: «Н. Бор, говоря о западных философах, имел в виду позитивистов, с которыми не соглашался»³.

Крупнейший физик-теоретик Виктор Фредерик Вайскопф (1908–2002) писал: «...На Земле развилась жизнь в мыслящие существа. В мыслях этих существ отражается природа. Но это не простое отражение. В мозгу человека внешние впечатления не просто регистрируются, они создают представления и понятия. Это отпечатки внешнего мира в человеческом мозгу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после долгого периода поисков и ошибок некоторые из представлений и понятий, выработанных человеком, приближаются к фундаментальным законам, управляющим миром, и какая-то часть наших представлений правильно отражает истинное строение атомов и истинное движение звезд. Природа в образе человека начинает познавать самое себя»⁴.

¹ Murdoch D. Niels Bohr's Philosophy of Physics. Cambridge etc., 1987. P. 210.

² Фейнберг Е. Л. Бор Нильс Хендрик Давид (1885–1962) // Фейнберг Е. Л. Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания. М., 2003. С. 294.

³ Там же. С. 302–303.

⁴ Вайскопф В. Наука и удивительное. Как человек понимает природу. М., 1965. С. 227.

И эту материалистическую точку зрения В. Вайскопф проводит до конца последовательно. «Часто говорят, — читаем мы у него, — что атомный мир менее „реален“, чем видимый мир вокруг нас, поскольку нельзя описать атомные явления независимо от способа наблюдения, и приходится использовать двойственные описания, которые нельзя простым путем проиллюстрировать расчетами, не применяя абстрактной математики». (Далее автор приводит, а затем комментирует высказывание В. Гейзенберга. — Ю. С.) «Концепция объективной реальности элементарных частиц (писал В. Гейзенберг. — Ю. С.), следовательно, курьезным образом испаряется, обращаясь не в туман, не в какое-то новое неясное или еще не постигнутое понятие реальности, а в прозрачную ясность математики, которая теперь соответствует не поведению атомных частиц, а скорее, нашим знаниям об этом поведении»¹.

«Я (комментирует В. Вайскопф. — Ю. С.) не согласен с заявлением о том, что в атомном мире существует какой-либо недостаток в реальности. В конце концов, видимый реальный мир состоит из тех же самых атомов, обнаруживающих такое странное поведение. Действительно, атомный мир отличается от нашего привычного мира сильнее, чем когда-то ожидали: он обладает более богатым набором явлений, чем можно вообразить, пользуясь классическими представлениями. Но это не делает его менее реальным... Всё более глубокое проникновение в подробности происходящих в природе процессов дает нам уверенность в том, что открыто нечто, относящееся к реальному миру»².

Один из крупнейших современных физиков-теоретиков Стивен Уильям Хокинг (1942–2018) писал: «Я бы назвал себя реалистом в том смысле, что признаю существование вне нас Вселенной, ожидающей, когда ее исследуют и поймут. Я считаю,

¹ Heisenberg W. The Representation of Nature in Contemporary Physics // Deadalus. 1958. Vol. 87. P. 100.

² Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. М., 1977. С. 41.

что позиция солипсиста — якобы всё сущее есть наше воображение — это пустая трата времени»¹.

Для подавляющего большинства ученых понимание истины как соответствия между миром и мышлением является само собой разумеющимся. Так, например, американский физик-теоретик, нобелевский лауреат Ричард Филипс Фейнман (1918–1988), подчеркивая, что настоящий ученый должен быть до предела честен, писал: «Мы знаем по опыту, что истина рано или поздно выходит наружу. Другие экспериментаторы повторят ваш опыт и выяснят, были вы правы или нет. Явления природы будут соглашаться с вашей теорией — или не будут»².

Критикуя позитивистскую и феноменалистическую позицию, Л. де Бройль писал: «Она стремится также ослабить, если не уничтожить, понятие объективной физической реальности, независимой от наших наблюдений. Как некогда резко подчеркнул Эмиль Мейерсон, физик всегда инстинктивно является „реалистом“ в философском смысле этого слова и сомнительно, чтобы он смог с пользой вести свою работу, отказавшись от своей веры в объективную реальность»³.

«Нередко утверждалось, — говорит нобелевский лауреат, физик-теоретик Дж. Томсон, — что понятия теории в науке — это исключительно творения человека, а не объективная истина. Я думаю, что такая точка зрения неверна, хотя человек, разумеется, играет здесь свою роль. Мне кажется, что наука всё же скорее открывает, чем изобретает, и что ученый скорее подобен Колумбу, нежели Аркрайту...»⁴

Жесточайшей критике подверг неопозитивизм и постпозитивизм американский физик-теоретик и нобелевский лауреат Стивен Вайнберг. Одна из глав его книги «Мечты об окончатель-

¹ Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. СПб., 2001. С. 52.

² Фейнман Р. Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман! М., 2008. С. 470.

³ Бройль Л. де. По тропам физики // Бройль Л. де. По тропам науки. М., 1962. С. 172.

⁴ Томсон Д. Дух науки. М., 1970. С. 12.

ной теории. Физика в поисках самых фундаментальных законов природы» (1992) называется «Против философии». В примечании автор поясняет, что он отвергает не философию вообще, а говорит о пагубном влиянии на науку доктрин позитивизма и релятивизма¹.

Свое философское *credo* он излагает коротко: «Конечно, у всякого физика есть своя рабочая философия. Для большинства из нас — это грубый прямолинейный реализм, т. е. убежденность в объективной реальности понятий, используемых в наших научных теориях. Однако эта убежденность достигается в процессе научного исследования, а не в результате изучения философских трудов»².

С. Вайнберг полагает, что позитивизм первоначально даже принес некоторую пользу науке: А. Эйнштейну при создании им теории относительности и В. Гейзенбергу при разработке квантовой теории. Но значительно больше принес он науке вреда. «Позитивизм стал основой оппозиции атомной теории в начале XX в.»³. Именно позитивистские убеждения помешали В. Кауфману открыть электрон. «Позитивизм также внес свою лепту в запутывание проблемы бесконечностей... Позитивизм сыграл также ключевую роль в борьбе против квантовой теории поля, которую ввел в 1960 г. в Беркли Джеффри Чу»⁴. Но самым драматическим отрицанием принципов позитивизма было развитие современной теории кварков⁵.

Что же касается релятивизма, под которым С. Вайнберг понимает постпозитивистские концепции Т. Куна и П. Фейерабенда, то он — подлинный враг науки. «Не так давно, — пишет С. Вайнберг, — наука подверглась атаке со стороны недружественных комментаторов, объединившихся под знаменем релятивизма.

---

¹ Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. М., 2004. С. 232.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Там же.

Философы-релятивисты отрицают стремление науки к открытию объективной истины; они рассматривают ее всё еще как одно социальное явление, не более фундаментальное, чем культ плодородия или шаманство»¹. Книгу Т. Куна «Структура научных революций» С. Вайнберг оценивает как «манифест общей атаки на предполагаемую объективность научного знания»². В нее включились как философы, так и социологи: П. Фейерабенд, Ш. Тревик, Б. Латур, С. Вулгар, Э. Пикеринг. Перу последнего принадлежит книга с названием «Создание кварков»³.

С. Вайнберг особо отмечает: «Похоже, что все эти радикальные критики науки мало влияют на самых ученых. Мне неизвестен ни один работающий ученый, который воспринимает этих философов всерьез. Та опасность, которую они несут науке, связана с их возможным влиянием на тех, кто сам не участвует в научной деятельности, но от кого мы зависим, особенно от тех, кто финансирует науку, а также на новое поколение ученых»⁴. Эта звонкая пощечина, нанесенная подлинным ученым тем, кто называет себя философами науки, распространяется и на тех, кто сейчас продолжает ретиво пропагандировать эти антинаучные в точном смысле слова взгляды научной молодежи.

«Сказать, что „физическая реальность“ есть и социальный, и лингвистический конструкт, — пишет уже известный нам физик-теоретик А. Сокал, — является откровенной глупостью»⁵. Его собственный взгляд: «...Я умудренный опытом ученый, который наивно верит, что существует внешний мир, что существуют объективные истины об этом мире и что моя работа заключается в том, чтобы открыть некоторые из них...»⁶ И, конечно, он сторонник теории отражения. «Лучший способ объяснить связанность

¹ Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. С. 144.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Сокал А. Нарушая границы. Послесловие // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии модерна. М., 2002. С. 222.

⁶ Там же. С. 221.

нашего опыта, — читаем мы в книге, написанной им совместно с Ж. Брикмоном, — состоит в том, чтобы предположить, что внешний мир по крайней мере приблизительно соответствует его образу, который представляется нашими чувствами»¹.

Выше уже говорилось о письме десяти естествоиспытателей, действительных членов Российской академии наук Президенту Российской Федерации. В нем они протестовали не только против признания теологии наукой, но и вообще против вмешательства Русской православной церкви в сферу науки и образования. В числе многого другого там категорически было сказано: «Вообще-то все достижения современной мировой науки базируются на материалистическом видении мира. Ничего иного в современной науке просто нет»².

Стоит особо обратить внимание на то, что эти ученые говорят не только и не просто от собственного имени, но и от лица если не всех вообще, то во всяком случае подавляющего числа испытателей природы. Тот факт, что большинство ученых даже на рубеже XIX–XX вв. продолжало стоять на позициях материализма, признавал и Э. Мах. В 1906 г., подводя итоги своей многолетней (с 1872 г.) борьбы с материализмом, он был вынужден признать, что среди своих сторонников и союзников он может считать целый ряд философов-эмпириокритиков, позитивистов, имманентов, но «очень немногих естествоиспытателей»³.

«...Большинство естествоиспытателей, — читаем мы в его работе „Философское и естественно-научное мышление“, — придерживается еще в настоящее время, в качестве философов, материализма»⁴.

¹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. С. 55–56.

² Политика РПЦ: Консолидация или развал страны? // Здравый смысл. 2007. № 4. С. 4.

³ Мах Э. Анализ ощущений и отношение психического к физическому. [М.], б. г. С. 20.

⁴ Мах Э. Философское и естественно-научное мышление // Мах Э. Познавание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М., 1909. С. 12.

Обычно рядовые физики редко высказываются по вопросам теории познания, а если они это и делают, то еще реже их взгляды становятся достоянием общественности. Но бывают и исключения. В те самые годы, когда многомудрый А. А. Богданов до небес превозносил Э. Маха, объявляя его учение философией новейшего естествознания¹, скромный российский приват-доцент Александр Николаевич Щукарев (1864–1936), который вначале тоже поддался махистскому поветрию, прочитал на физико-математическом факультете Московского университета, а затем повторил в Харьковском университете курс лекций по теории познания. В нем он четко и ясно объяснял студентам, что ничего нового в философии Э. Маха нет. «Приведенных цитат, — говорил он, — вполне достаточно, чтобы квалифицировать точку зрения Маха как принадлежащую к лагерю самого крайнего субъективного идеализма. Проф. Мах переходит даже через этот край и утверждает, что вопрос о том, существует внешний мир или он — „наша иллюзия, не более как сон“ не имеет никакого смысла, „так как самый несообразный сон есть факт, не хуже никакого другого“ и „будь наши сны правильнее и устойчивее... они имели бы для нас практически важное значение“»².

В противовес Э. Маху А. Н. Щукарев отстаивал взгляд на познание вообще и научное познание в частности как на отражение в голове человека объективного внешнего мира. «Итак, — говорил он, — он существует — этот прекрасный мир, полный звуков и красок, он не одна наша фантазия, не простой комплекс наших переживаний, он лежит вне нас и доступен нашему познанию»³. «Внешний мир, — утверждал далее А. Н. Щукарев, — один и обладает вполне определенными свойствами, наше мышление тоже по существу одно и обладает такими свойствами, что отдельные

¹ Богданов А. Вместо предисловия. Что искать русскому читателю у Э. Маха? // Мах Э. Анализ ощущений... С. 4–5.

² Щукарев А. Н. Проблемы теории познания в их приложении к вопросам естествознания и в разработке его методами. Одесса, 1913. С. 45.

³ Там же. С. 73.

образы его являются однозначными отображениями первого»¹. К счастью, эти лекции рядового физика не пропали бесследно. В 1913 г. они были опубликованы под названием «Проблемы теории познания в их приложении к вопросам естествознания и в разработке его методами».

Интересно заметить, что спустя век полную несовместимость с наукой, но уже не второго позитивизма, а современной аналитической философии убедительно показал другой рядовой физик, кандидат физико-математических наук Дмитрий Юрьевич Манин (США, Калифорния). Он внимательнейшим образом прочитал труды постпозитивистов. «Результат меня поразил, — пишет он в начале статьи, озаглавленной „Наука в кривом зеркале: Лакатос, Фейерабенд, Кун“ . — Оказалось, что классики философии науки XX в. науки не понимают. Я осознаю, что это очень серьезное утверждение, которое надо доказывать, поэтому без дальнейших предисловий перейду к разбору избранных мест, а дальше логика изложения естественно приведет к некоторым обобщениям»². Завершается статья высказыванием: «Примеры научной безграмотности философов, берущихся судить о науке, можно приводить бесконечно»³.

И сейчас полностью справедливы слова, сказанные В. И. Лениным более ста лет тому назад. «...Есть устой, — писал великий мыслитель, — который становится всё шире и крепче и о который разбиваются все потуги и усилия тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма и реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма. Этот устой — естественноисторический материализм. Убеждение „наивных реалистов“ (т. е. всего человечества) в том, что наши ощущения суть образы объективного реального внешнего мира, есть неизменно растущее и крепнущее убеждение массы естествоиспытателей»⁴.

¹ Там же. С. 118.

² Манин Д. Ю. Наука в кривом зеркале: Лакатос, Фейерабенд, Кун // В защиту науки. Бюллетень З. М., 2006. С. 84.

³ Там же. С. 113.

⁴ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 372.

Далее он продолжает: «Проиграно дело основателей новых философских школ, сочинителей новых гносеологических „измов“, проиграно навсегда и безнадежно. Они могут барахтаться со своими „оригинальными“ системками, могут стараться занять своих сторонников интересным спором о том, сказал ли раньше „э!“ эмпириокритический Бобчинский или эмпириомонический Добчинский, могут создавать даже обширную „специальную литературу“ подобно „имманентам“, — ход развития естествознания, несмотря не все его шатания и колебания, несмотря на всю бессознательность материализма естествовников, несмотря на вчерашнее увлечение модным „физиологическим идеализмом“ или сегодняшнее — модным „физическим идеализмом“, отбрасывает прочь все системки и все ухищрения, выдвигая снова и снова „метафизику“ *естественноисторического материализма*»¹.

3. Будущее — за диалектическим материализмом

Всё сказанное В. И. Лениным в полной мере относится и ко всем ныне существующим «-измам»: неопозитивизму, постпозитивизму, вообще всей аналитической философии, постмодернизму и т. п. Дело их всех проиграно. Единственное отличие нынешней ситуации от той, что существовала во время, когда В. И. Ленин писал свою великую книгу, заключается в том, что естествоиспытатели стали меньше шататься и колебаться, стали превращаться во всё более последовательных защитников материализма и борцов со всеми видами эрзацфилософии. Их материализм становится всё более последовательным. Однако не до конца.

Тот же самый А. Эйнштейн, твердо отстаивая положение о том, что внешний мир существует вне и независимо от сознания человека, в то же время повторяет юмовскую формулу от невозможности это доказать. Буквально то же самое делают в своей

---

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 372–373.

совместной книге А. Сокал и Ж. Брикмон¹. И повторяют они это потому, что естественно-научный материализм не имеет своей достаточно разработанной теории познания. Как уже указывалось, создать подлинную последовательную материалистическую теорию познания невозможно, не вскрыв социальную природу сознания, что предполагает принятие материалистического понимания истории.

По сути, все они знают лишь один вид мышления — рассудочное. Для рассудочного мышления, знание о котором воплощено в формальной логике, бытие внешнего объективного мира действительно недоказуемо. Но кроме рассудочного мышления существует еще и разумное мышление. Не всякое разумное мышление является научным, но научное познание есть прежде всего разумное мышление. И разум как раз и позволяет неопровержимо доказать, что внешний мир, который изучает наука, действительно существует вне и независимо от сознания человека.

Но о существовании кроме рассудка еще также и разума естествоиспытатели в самом лучшем случае лишь догадываются. Между тем существует наука о формах и законах разумного мышления — диалектический материализм. И чтобы быть полностью вооруженными против идеализма и агностицизма, естествоиспытатели и вообще все ученые должны усвоить эту философию.

Заголовок рассмотренного выше раздела книги С. Вайнберга не случаен. Он свидетельствует не только о резко критическом отношении автора к неопозитивизму и постпозитивизму. Суть дела в том, что С. Вайнберг вообще не знает философии, которая могла бы служить физике. О существовании диалектического материализма он даже не подозревает.

Те же самые причины привели к такого же рода выводам видного современного отечественного естествоиспытателя, действительного члена РАН Анатолия Леонидовича Бучаченко. Ознакомившись с трудами как русских религиозных философов, так и

¹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. С. 54–55.

позитивистов и постпозитивистов, автор пришел к заключению, что философия для науки не только не нужна, но вредна и опасна. Особо опасным он считает релятивизм, имея в виду прежде всего взгляды П. Фейерабенда¹.

С. Вайнберг, А. Сокал, Ж. Брикмон, А. Л. Бучаченко и другие естествоиспытатели, наблюдая неприглядную картину, которую представляет собой современная буржуазная философия и на Западе, и в России, проникаются чувством полного презрения к ней и ее адептам. И до ученых доходят откровенные высказывания самих же философов о неизлечимой болезни, о конце, крахе, гибели, смерти философии. И эти положения находят подтверждение в действительности. Крутом тлен, разложение различных эрзацфилософских системок и тошнотворный трупный запах. Действительно, вся современная буржуазная философия обречена на топтание на месте, на деградацию, на гибель.

И эта позиция современных естествоиспытателей, решительное отстаивание ими пусть во многом стихийного, но тем не менее всё же материализма и, соответственно, теории отражения, аргументированная и беспощадная критика всех разновидностей современной эрзацфилософии, выявление всей ее несуразности и глупости оказывает воздействие на определенную часть тех людей, для которых занятие философией является профессией. Последние всё в большей и большей степени стали склоняться к материализму. Но так как в глазах большинства современных философов приверженность материализму считается чуть ли не постыдным делом, поборники этого направления называют его *научным реализмом*. Материализм этот является во многом робким, довольно непоследовательным. Сторонники его склонны к уступкам агностицизму. Но всё-таки это хоть и плохонький, но материализм. И его появление вызвало тревогу у основной массы западных философов. С ним ведут ожесточенную борьбу². Появ-

¹ Бучаченко А. Л. От квантовых структур до тайн мышления. М., 2017. С. 136–148.

² Подробнее о научном реализме см.: Фурсов А. А. Проблема статуса теоретического знания в полемике между реализмом и антиреализмом. М., 2013.

ление научного реализма наглядно свидетельствует о том, что материализм действительно неистребим. Но помимо собственных слабостей научный реализм страдает всеми теми же недостатками, которые были присущи всему домарксистскому и последующему немарксистскому материализму. Поэтому надежным методом для современной науки вообще и естествознания в частности он быть не может.

Но помимо всех рассмотренных выше изживающих или уже изживших себя школ буржуазной эрзацфилософии и нового издania старого материализма имеется одна философская система, которая способна жить и развиваться. Это диалектический материализм. Но мало чтобы философская система была способна к развитию. Это только возможность. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, приверженцы диалектического материализма должны активно действовать. Нужно начать энергичную разработку диалектико-материалистической теории познания, диалектической логики. Только это может спасти философию. Великий британский поэт Джордж Нозл Гордон Байрон (1798–1824) говорил:

*Так будем смело мыслить! Отстоим
Последний форт среди общего паденья.
Пусть хоть ты останешься моим,
Святое право мысли и сужденья¹.*

¹ Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд Гарольда // Байрон Дж. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1981. С. 273.

Глава 8

Еще раз о предмете философии, а также о том, сколько же всё-таки существует философий

Как видно из всего сказанного выше, философия представляет собой науку об истине, теорию познания, теорию и метод разумного мышления (содержательную логику, или логику разума), предельно общий взгляд на мир в целом, включая предельно общий взгляд на человека как на социальное существо, а тем самым на общество и его историю.

Когда мы обращаемся к предельном общим взглядам на мир, общество и историю, то сталкиваемся с терминами, обозначающими не философию вообще, а философию чего-то, отличного от философии, какую-то «частную» философию: во-первых, со словосочетанием «философия природы», во-вторых, со словосочетаниями «философия истории» или «социальная философия». В обоих случаях место их в системе философского знания довольно ясно.

Философия природы (натурфилософия) — раздел философии вообще, который в силу рассмотренных ранее причин исчез. Философия истории (социальная философия) есть неотъемлемая составная часть философии вообще. Философия не может не заниматься исследованием природы социального. Ведь ее основной вопрос — проблема отношения духа и мира, сознания и бытия. Но человеческий дух — явление социальное. Поэтому выявление природы социального — необходимое условие правильного решения основного вопроса философии. Нельзя уйти от проблемы

природы социального даже в том случае, если мы будем заниматься исследованием не духа в целом, а лишь познания, даже уже — только мышления как способа постижения истины. Ведь мышление, а не только дух в целом — явление социальное.

Если подойти к философии и как к теории познания истины, и как к предельно общему мировоззрению, то она никогда не сможет быть сколько-нибудь целостной системой без включения в нее предельного общего взгляда на человека как на социальное существо, на общество и его развитие.

Этика, возникнув, как и формальная логика, в недрах философии, в последующем, так же как и формальная логика, стала вполне самостоятельной наукой и выпала из состава философии. Но предельно общий взгляд на общество, на его историю и, соответственно, на человека как на социальное существо, который принято называть социальной философией, или философией истории (историософией), всегда был и навсегда останется интегральной частью науки философии.

Но если мы обратимся к современной литературе, то столкнемся с огромным количеством работ, в чьих названиях фигурирует философия чего-то отличного от философии, или какая-то особенная философия. Привожу названия в основном книг, реже статей: «Философия небытия», «Философия науки», «Философия когнитивных наук», «Философия познания», «Философия ума», «Философия логики», «Философия сознания», «Философия непознанного», «Философия научного поиска», «Философия естествознания», «Философия естественных наук», «Философия естественной природы», «Философия общественных наук», «Философия пространства и времени», «Философия времени», «Философия физики», «Философия физики элементарных частиц», «Философия гравитации», «Философия психологии», «Философия космизма», «Философия техносферы», «Философия нестабильности», «Философия синергетики», «Обсервационная философия», «Философия математики», «Философия арифметики», «Философия математических пространств», «Философия символизма», «Фило-

софия символических форм», «Философия виртуальной реальности», «Философия органического», «Философия биологии», «Био-философия», «Ноосферная философия», «Философия генетики», «Нейрофилософия», «Философия медицины», «Философия медицины здоровья», «Философия здоровья», «Философия управления здоровьем личности», «Философия сохранения жизни и здоровья людей», «Философия техногенной цивилизации», «Философия изобретения», «Философия инженерии», «Философия техники», «Философия технической реальности», «Философия абсолюта», «Философия фотографии», «Философия кибернетики», «Философия управления», «Философия сложных систем», «Философия коммуникации и информации», «Философия информационной цивилизации», «Философия информационной реальности», «Философия компьютерной революции», «Философия программирования», «Философия инновации», «Философия научно-инновационной деятельности», «Философия искусственного интеллекта», «Философия ценностей», «Философия диалектики», «Философия смысла», «Философия смысла культурного мира», «Философия случая», «Философия качества», «Философия неопределенности», «Философия риска», «Антропная философия», «Философия человека», «Философия свободы», «Философия воли», «Философия развивающейся гармонии», «Философия возможности», «Философия возможного», «Философия неоднородностей», «Философия жизни», «Философия бессмертия», «Философия диалога», «Философия возраста», «Философия существования», «Философия чувств», «Философия желания», «Философия надежды», «Философия поступка», «Философия действия», «Философия силы», «Философия ненасильственных действий», «Философия освобождения», «Философия побежденных», «Философия сердца», «Философия безопасности», «Философия жизненного успеха», «Философия зла», «Философия секса», «Философия пола и любви», «Философия брака», «Эротическая философия», «Философия и психология пола», «Философия любви», «Философия любви и добра», «Философия супружества», «Феминистская философия», «Философия рода»,

«Философия моды», «Философия спорта», «Философия спорта и телесности человека», «Философия олимпийского движения», «Философия техногенного общества», «Олимпийская философия», «Практическая философия», «Философия труда», «Философия экономики», «Философия психоэкономики», «Философия потребления», «Философия отбора», «Философия экономической науки», «Философия хозяйства», «Философия денег», «Философия нищеты», «Философия бизнеса», «Философия менеджмента», «Философия власти», «Философия патриотизма», «Философия виртуальной реальности современного государства», «Философия государственного управления», «Философия геополитики», «Философия войны», «Философия мира», «Философия кризиса», «Философия конфликта», «Философия глобальных проблем», «Философия глобализации и футурологии», «Философия урбанизации», «Философия самоорганизации», «Философия устойчивого развития», «Философия подвижной иерархии», «Философия искусства жизни», «Философия археоавангарда», «Философия творчества», «Философия культуры», «Философия русской культуры», «Философия культуры России», «Философия русской телесности», «Философия традиционализма», «Философия праздника», «Философия языка», «Философия антиязыка», «Философия языкознания», «Этнолингвистическая философия», «Философия имени», «Философия письма», «Философия текста», «Философия грамматики», «Системная философия космологии России», «Философия русского византизма», «Философия русского слова», «Философия литературы», «Философия русской литературы», «Философия русской драмы», «Философия книги», «Философия фантастики», «Философия музыки», «Философия красоты», «Философия фильма», «Философия религии», «Философия культа», «Философия мистики», «Эзотерическая философия», «Философия мифологии», «Философия сознания, мозга и медитации», «Философия преподавания философии», «Философия бессознательного», «Философия сновидения», «Философия ценности», «Философия морали», «Философия скуки», «Философия образования», «Философия семина-

ра», «Философия экологического образования», «Философия экологии», «Философия социоз экологии», «Философия антропоэкологии», «Философия права», «Философия насилия», «Философия преступления», «Философия убийства», «Социально-политическая философия», «Политическая философия», «Философия политики», «Философия современного государства», «Философия вожизма», «Философия прошлого», «Философия грядущего», «Философия этноса», «Философия нейтральности», «Философия незавершенного», «Философия смеха», «Философия психоанализа», «Философия искусства движения», «Философия искусства опыта», «Философия наивности», «Философия гламура», «Философия кухни», «Философия рыбалки», «Философия нонсенса», «Философия панка»¹. Добавим к этому списку «Философскую антропологию», «Философские проблемы науки», «Философские проблемы гендеристики», «Философские проблемы естествознания», «Философские проблемы физики», «Философские проблемы времени», «Философские проблемы пространства и времени», «Философские проблемы квантовой физики», «Философские проблемы физики элементарных частиц», «Философские проблемы атомной физики», «Философские проблемы теории относительности», «Философские проблемы математики», «Философские проблемы медицины», «Философские проблемы политической экономики», «Философские проблемы теоретической лингвистики» «Философские проблемы информатики» и т. д. и т. п.

Авторы всех этих книг, а отчасти и статей, претендуют на то, что в них излагается та или иная более или менее самостоятельная область философского знания или по меньшей мере особая учебная дисциплина.

¹ А в различного рода текстах встречаются также: «философия куклы», «философия шпиги», «философия цвета», «философия звука», «философия выживания», «философия вседозволенности», «философия вульгарного либерализма», философия «всё до лампочки» и т. п. (Подбор такого рода выражений см.: Чанышев А. Н. Философия как «филология», как мудрость и как мировоззрение // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1995. № 5. С. 37–38).

Обилие всех философий чего-то отличного от философии имеет не одно, а несколько объяснений. Одно из них — научная и философская традиция. Было время, когда науку и философию терминологически достаточно четко не разграничивали (вспомним хотя бы работы Т. Гоббса). При этом даже если науку и философию и различали, то теорию любой конкретной науки нередко именовали философией. Журнал учрежденного в 1662 г. Королевского общества Великобритании, членами которого в основном были естествоиспытатели, и по сей день носит название «Философских протоколов». Достаточно также вспомнить «Математические начала натуральной философии» (1687) Исаака Ньютона (1643–1727) и целый ряд работ других естествоиспытателей XVII, XVIII и даже XIX века. Именно в силу этой традиции общая теория права и в наши дни продолжает называться философией права.

Всевозможные философии естествознания, биологии, физики и т. п. представляют собой различного рода попытки реанимировать навеки опочившую философию природы. Всё, что имеется дельного в т. н. философии науки, представляет собой теорию научного познания, являющуюся неотъемлемой частью теории познания в целом, гносеологии и тем самым философии в самом точном и узком смысле этого слова.

Не имеют под собой никакого реального основания необычайно популярные, особенно в прошлые годы, словосочетания типа «философские проблемы физики» и т. п. Никаких философских проблем физики и т. п. не существует, и в принципе существовать не может. Если данные проблемы являются физическими, это значит, что они не принадлежат к числу философских. Если же эти проблемы философские, то они не представляют собой проблемы физики. Другое дело, что развитие физики или какой-либо другой конкретной науки может вызвать к жизни проблемы, которые может решить только философия. Но эти проблемы являются философскими и только философскими, хотя их решение жизненно необходимо не только для философии, но для физики или другой конкретной науки.

Но основная причина появления сочинений, в названии которых фигурирует философия чего-то, заключается в пышно расцветшем в нашей стране в последние годы ужасающем дилетантизме. Человек, по какой-то причине облюбовавший ту или иную область знания, не желает утомлять себя детальным изучением фактических данных. Он сразу же рвется в область теории. Но вполне понятно, что без знания фактов ничего путного у него получиться не может. В результате он занимается совершеннейшим пустословием, словопомолом. И сам он, более или менее отчетливо осознавая, что никакой теории у него не получилось, называет это свое словоблудие философией.

Особенно наглядно это проявляется в том случае, когда в той или иной сфере человеческой деятельности создание подлинной теории вообще невозможно. Примером может послужить образование. Вот и появляются многочисленные сочинения, носящие название «Философия образования». Типичный пример — почти тысячестраничный опус Б. С. Гершунского «Философия образования для XXI века» (М., 1998). К счастью, он уже подвергся разгромной, но при этом совершенно справедливой и великолепно аргументированной критике в нашей печати. Рецензент прекрасно показал, что перед нами не что иное, как абсолютнейшая галиматья¹. Приходится только пожалеть, что остальные подобного же рода сочинения проходят незамеченными или, что еще хуже, воспринимаются некоторыми неискушенными в науке и философии читателями чуть ли не как величайшие откровения.

У нас долгое время господствовал взгляд, что вначале возникла одна единая наука — философия, из которой в процессе дальнейшего развития стали выделяться и оформляться конкретные науки, как естественные, так и общественные. С ним вряд ли можно согласиться. Ни математические, ни физические, ни биологические знания никогда не входили в состав философии. Другое

---

¹ Муравьев Ю. А. Как нам образовать образование и перестать валять образованьку // Философия и общество. 2001. № 3.

дело, что философы могли одновременно заниматься и математикой (Фалес, Пифагор), и физикой, и биологией (Аристотель). Но некоторые науки действительно первоначально зародились в лоне философии и лишь впоследствии отделились от нее и стали вполне самостоятельными дисциплинами. Это произошло с формальной логикой, этикой и теорией искусства — эстетикой. Память об их происхождении сохранилась в том, что их и сейчас именуют философскими науками. Еще одной философской наукой является история философии.

Глава 9

Проблема изложения философии как исследования, как науки

1. Проблема выбора философской системы

В настоящей работе предпринята попытка более или менее систематически изложить философию, причем философию не вообще, а философию, являющуюся исследованием, короче, науку философию. Эрзацфилософия и лжефилософия если что и затрагивают, то лишь как объекты изучения, как своеобразные разновидности идеологических иллюзий, заблуждений и фальсификаций. Но даже если ограничиться философией как исследованием, всё равно возникает множество проблем.

Ведь философии вообще как таковой не существует. Существовало и существует много философий, множество философских систем, в каждой из которых в принципе может быть и что-то ценное. С этим связано стремление авторов общих работ по философии, особенно учебников по данной дисциплине, познакомить читателей не с какой-либо одной определенной философской системой, а по возможности с большим или меньшим числом разных философских учений. В результате чаще всего получается своеобразная философская окрошка, где есть всё, кроме системы, кроме целостности. В ней причудливо совмещается самое несовместимое. На одной странице излагается одно, на другой — прямо противоположное, причем без каких-либо комментариев и пояснений. В результате в голове у читателя возникает полный ералаш. Он вообще перестает что-либо понимать. Единственное, что ему остается, если он студент, обязанный сдать

экзамен по философии, это слепо всё заучивать. Пользы от этого, разумеется, никакой. Зато вред огромен.

Недаром современные студенты, сравнивая новые учебники по философии с теми, по которым учились в советское время, нередко высказываются в пользу последних. В них, несомненно, много догматизма, но по крайней мере в них была хоть какая-то система, в них можно было что-то понять. Эклектицизм категорически противопоставлен не только исследованиям в области конкретных наук и философии, но и изложению результатов этих исследований как в монографиях, так и в учебных пособиях.

Но если излагать только одну философскую систему, как это делалось в советское время, то тем самым можно сузить философский кругозор читателя, особенно студента, лишив его возможности знать достижения философов, придерживающихся иных взглядов. Выход из создавшегося положения в свое время наметил еще Г. Гегель. Он исходил из того, что «вся история философии есть по своему существу внутренне необходимое, последовательное поступательное движение. От случайности мы должны отказаться при вступлении в область философии»¹.

Отсюда Г. Гегель делает вывод, что «каждая система философии необходимо существовала и продолжает еще и теперь существовать: ни одна из них, следовательно, не исчезла, а все они сохранились в философии как моменты одного целого. Но мы должны различать между частным принципом этих систем философии, взятым как частный принцип, и проведением этого принципа через всё мировоззрение. Принципы сохранились, новейшая философия есть результат всех предшествующих принципов; таким образом, ни одна система философии не опровергнута. Опровергнут не принцип данной философии, а опровергнуто лишь предположение, что данный принцип есть окончательное

¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1 // Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 9. 1932. С. 40.

абсолютное определение... Такое опровержение встречается во всех процессах развития. Развитие дерева есть *опровержение* зародыша, цветы опровергают листья и показывают, что последние не представляют собой высшего истинного существования дерева; цветок, наконец, опровергается плодом. Но последний не может получить существования, если ему не будут предшествовать все предыдущие ступени. Отношение к системе философии должно, следовательно, заключать в себе утвердительную и отрицательную стороны; лишь в том случае, если мы примем во внимание обе эти стороны, мы будем к ней справедливы»¹.

Каждая подлинно новая философская система, отрицающая старые построения, сохраняет в себе всё то ценное, что содержалось в последних, наследует все без исключения открытия, которые были сделаны ранее в ходе развития философской мысли. Отсюда вывод, что в каждую эпоху нужно излагать самую последнюю подлинную философскую систему, а таковой она может быть только в том случае, если она будет представлять собой квинтэссенцию всего предшествующего развития философии.

«...Позднейшая, более молодая, новейшая философия, — говорил Г. Гегель в „Лекциях по истории философии“, — является наиболее развитой, богатой и глубокой. В ней должно сохраняться и содержаться всё то, что на первый взгляд кажется отошедшим в прошлое; сама она должна быть зеркалом всей истории... Более развитая философия позднейшего времени есть по существу своему результат предшествующих трудов мыслящего духа... она требовалась и была вызвана этими предшествующими точками зрения, и не выросла на почве изолированно, сама по себе»².

В сжатой форме все эти мысли были изложены великим философом в первом томе его «Энциклопедии философских наук»: «История философии, — писал он, — показывает, во-первых, что

¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. С. 40–41.

² Там же. С. 44.

кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях ее развития, во-вторых, что особые *принципы*, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть *ответвления* одного и того же целого. Последнее по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех; поэтому оно, если является философским учением, есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное»¹.

Попытаемся из всех ныне существующих философских систем выбрать такую, которая отвечала бы критериям, намеченным Г. Гегелем, т. е. такую, которая сохраняет в себе всё ценное, что содержалось во всех предшествующих системах философии. Как уже было показано, такой философией заведомо не может быть ни одна из форм ни иррационализма, ни позитивизма, включая всю аналитическую философию, ни постмодернизма, не говоря уже о религиозной философии. Все они являются не философией, а эрзацфилософией.

В результате в качестве единственного реального претендента остается лишь материализм, причем, разумеется, в самой последней, высшей его форме. Такой материалистической философией является диалектический материализм, который одновременно есть материализм и исторический. «Современный материализм, — писал об этой философской системе Ф. Энгельс, — отрицание отрицания — представляет собой не простое восстановление старого материализма, ибо к непреходящим основам последнего он присоединяет еще всё идейное содержание двухтысячного развития философии и естествознания...»²

Именно эта философская система и будет излагаться в данном цикле книг. Изложение это как по содержанию, так и по форме существенно отличается от того, что давалось во всех без

¹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики... С. 99.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 142.

исключения сочинениях, ставивших своей целью систематическое обозрение марксистской философии, включая все учебники по диалектическому и историческому материализму.

Главный недостаток всех общих работ по марксистской философии, включая учебные пособия, заключался в том, что в них читателям предлагались готовые ответы на философские вопросы без рассмотрения самих этих вопросов. Ответы эти, в большинстве случаев правильные, никак не обосновывались. В правильность их предлагалось верить.

В основу изложения материала в данной работе положен принцип доказательства истинности философских положений, давно уже предложенный Г. Гегелем. Теоретически доказать истинность положений философии можно только одним способом: нужно показать, что они являются необходимым выводом из всей предшествующей истории познания, итогом всего прошлого развития человеческой мысли. Результат, вывод, взятый в отрыве от процесса, который привел к нему, практически ничего дать не может. Его можно заучить, но им нельзя пользоваться.

Как указывал Г. Гегель, принято считать, что внутренняя сущность философского сочинения лучше всего выражается в его целях и результатах. Но это не что иное, как уход в сторону от главного и основного. «Ибо суть дела, — подчеркивает он, — не исчерпывается своей целью, а своим осуществлением, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат только со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому, как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность, а голый результат есть труп, оставивший после себя тенденцию»¹.

Изложение философии, чтобы оно привело к желаемому результату — пониманию излагаемой философской системы, — может быть только проблемным. Нужно показать, как та или

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа... С. 2.

иная философская проблема встала перед человеческой мыслью, в какой форме и кем она была впервые осознана, в каких формах она осмысливалась позднее, какие решения этой проблемы предлагались на протяжении истории философской мысли, что в этих решениях было верным и навсегда сохранилось, а что неверным и было отброшено, в чем заключается последнее по времени решение этой задачи, предлагаемое той философской системой, изложению которой посвящена работа. Только тогда данная философская система предстанет как квинтэссенция развития всей философской мысли. Изложение данной философской системы в таком случае не только не заслонит остальные системы философии, а позволит выявить тот реальный вклад, который был внесен ими в сокровищницу человеческой мысли.

2. Недостроенность марксистской философии

К. Маркс и Ф. Энгельс, создав в общем и целом принципиальную новую философскую систему, нигде ее систематически не изложили. У К. Маркса вообще нет ни одной специально философской работы, если не считать «Тезисов о Фейербахе», найденных и опубликованных Ф. Энгельсом уже после смерти великого мыслителя. У Ф. Энгельса были работы либо полностью философские («Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»), либо содержащие специальные философские разделы («Анти-Дюринг»). Но ни в одной из них не было систематического изложения марксистской философии. Это относится и к опубликованной лишь в 1925 г. «Диалектике природы», представляющей собой собрание отдельных статей и набросков.

Еще К. Маркс сознавал наличие такого изъяна в литературе марксизма и мечтал о создании труда, в котором была бы систематически изложена его философская теория. «Если бы снова нашлось время для таких работ, — писал он Ф. Энгельсу в 1858 г., — я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме

то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время мистифицировал»¹.

Спустя десять лет в письме И. Дицгену К. Маркс снова возвращается к этому сюжету: «Когда я сброшу с себя экономическое бремя, напишу „Диалектику“. Истинные законы диалектики имеются уже у Гегеля — правда, в мистической форме. Необходимо освободить их от этой формы...»² Но этот замысел так и не был реализован.

Из последователей К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин был чуть ли не единственным человеком, который по-настоящему понимал их философию. Но его замечательная книга «Материализм и эмпириокритицизм», увидевшая свет в 1909 г., тоже не содержала систематического изложения диалектического материализма. И, главное, в этой работе основное внимание он обращал не столько на отличие диалектического материализма от других материалистических учений, сколько на то, что роднит его со всеми другими формами материализма. «Философские тетради» В. И. Ленина свидетельствуют о том, что и у него было намерение написать работу, в которой в более или менее систематическом виде излагался бы именно *диалектический* материализм³. Но воплотить этот замысел в жизнь он, как ранее К. Маркс, не успел.

Крупный французский философ, считавший себя марксистом, Луи Пьер Альтюссер (1918–1990) в работе «Ленин и философия» (1968) полагал, что ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. И. Ленин не создали труда, в котором было бы дано систематическое изложение диалектического материализма, вовсе не в силу каких-то частных обстоятельств (отсутствие времени, занятость иными

¹ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 14 января 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 29. С. 212.

² Маркс К. Письмо И. Дицгену, 9 мая 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 456.

³ См.: Предисловие от Института марксизма-ленинизма к «Философским тетрадям» В. И. Ленина // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. VIII.

более важными для них делами и т. п.), как думает большинство исследователей-марксистов.

«Истинная причина, — писал он, — в том, что время еще не пришло, что еще на настал вечер, и ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не могли еще написать тот фундаментальный философский труд, которого не хватает марксизму. Появившись уже после переворота в науке, который обуславливал развитие философии на очередном ее этапе, они всё же появились *слишком рано*; как мы знаем, философии всегда необходимо *отставание*»¹.

Переворотом в науке, за которым с обязательным на много лет отставанием должно было последовать возникновение принципиально новой системы философии, по Альтюссеру, было создание впервые К. Марксом настоящей исторической науки. Как можно понять, Л. Альтюссер имел при этом в виду не что иное, как создание К. Марксом материалистического понимания истории. Но ведь это же открытие прежде всего было философским, а не конкретно-научным. Оно означало создание принципиально новой философии. И, конечно, вряд ли можно согласиться с Л. Альтюссером в том, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин в принципе были неспособны дать систематическое изложение новой философии. Однако доля истины в утверждениях французского философа содержится.

Почти все марксисты видели стоящую в данном случае и перед К. Марксом, и перед Ф. Энгельсом, и перед В. И. Лениным задачу в том, чтобы дать систематическое изложение уже вполне готового, детально разработанного философского учения. А на самом деле такое представление было ошибочным. Суть дела состояла в том, что марксистская философия была недостаточно разработана и детализирована. Именно это обстоятельство препятствовало ее систематическому изложению.

Любая более или менее сложная теория всегда состоит из двух частей. Первая часть — сердцевина, ядро, представляющее

---

¹ Альтюссер Л. Ленин и философия. М., 2005. С. 40.

собой систему главных основных идей теории; вторая — периферия — совокупность более частных идей. В периферийную часть теории могут входить и такие идеи, которые дополняют главные идеи теории. Но периферия в целом не есть просто дополнение к ядру. Идеи периферии представляют собой своеобразное проявление главных идей теории. В этих более частных идеях раскрываются, конкретизируются, уточняются главные идеи. Создание периферийных идей есть не что иное, как разработка главных, основных идей. Любая полнокровная теория нуждается не только в ядре, но и в более или менее обстоятельно разработанной периферии.

К. Марксом и Ф. Энгельсом было создано ядро принципиально новой философской системы, сформулированы основные ее идеи. Некоторые из этих идей, когда у них возникала нужда в этом, были ими сравнительно полно разработаны. Но далеко не все. Систематическое изложение марксистской философии предполагало более или менее детальную разработку всех без исключения главных идей теории. Но это требовало огромных усилий и массы времени.

В отличие от И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля основоположники марксизма не были профессорами философии университетов, которые были обязаны читать систематические курсы лекций, и у которых было достаточно времени на подготовку этих курсов. К. Маркс был революционным политическим деятелем и когда обращался к научной работе, занимался прежде всего теми проблемами, разработка которых диктовалась партийными интересами. В результате в области науки он занимался главным образом исследованием экономики современного ему капитализма.

Революционером был и Ф. Энгельс. Его обращение к науке тоже диктовалось интересами революционной работы. В. И. Ленин был лидером одной из политических партий России, а после прихода этой партии к власти стал одновременно и руководителем огромного государства, которое вынуждено было отбиваться от

многочисленных внутренних и внешних врагов. Можно только удивляться тому, как он, несмотря на всё это, сумел создать несколько блистательных научных и философских работ.

Не будучи систематически изложенной, марксистская философия была во многом и недостаточно разработанной. В силу этого даже основные ее идеи, выдвинутые ее создателями — К. Марксом и Ф. Энгельсом, — не всегда понимались и принимались людьми, считавшими себя марксистами.

«...Крупной ошибкой, — писал Ф. Энгельс в 1878 г. в одном из своих писем, — является то, что студентам и прочим невежественным „ученым“ позволяют в качестве научных представителей партии нести перед всем светом в огромном количестве невероятную чушь. Впрочем, это детская болезнь, которую необходимо перенести, и именно для того, чтобы сократить ее, я так подробно рассмотрел это на примере Дюринга»¹. По словам Ф. Энгельса, сам К. Маркс, ознакомившись с работами некоторых авторов, претендовавших на то, что в философии они стоят на позициях марксизма, сказал однажды своему единомышленнику и зятю Полю Лафаргу (1842–1911): «Ясно одно, что сам я не марксист»².

Так продолжало обстоит дело и в последующем. У марксизма всегда было много не только врагов, но и, как выражался Ф. Энгельс, «опасных друзей». «И у материалистического понимания истории, — писал он в 1890 г. в одном из писем, — имеется теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы не изучать историю. Дело обстоит совершенно так же, когда Маркс говорил о французских „марксистах“ конца 70-х годов: „Я знаю только одно, что я не марксист“»³.

¹ Энгельс Ф. Письмо И. Ф. Беккеру, 11 января 1878 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 34. С. 245.

² Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну, 2–3 ноября 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 35. С. 324.

³ Энгельс Ф. Письмо К. Шмидту, 5 августа 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 370.

Нельзя в этой связи не отметить, что на основании приведенных выше слов не только журналисты, которым по самой их природе положено лгать, но и более солидные, хотя и не очень умные люди, стали утверждать, что К. Маркс к концу жизни отказался от своего учения¹.

Могут сказать, что было же довольно длительное время, когда вначале в одной стране, России, а затем в ряде других государств марксизм (а тем самым и марксистская философия) был возведен в ранг государственного учения, преподавался в высших учебных заведениях, разрабатывался в научных институтах, тем самым были созданы все условия для его развития. А получается, что ничего такого не произошло. Так оно и было. И тому были очень серьезные причины.

Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. считалась социалистической. В результате действительно был уничтожен капитализм, но на смену ему вследствие низкого уровня развития производительных сил пришел не социализм, а способ производства, тоже основанный на частной собственности на средства производства, но особого рода. Она была не персональной, а общеклассовой: члены класса эксплуататоров владели средствами производства не по отдельности, а только все вместе взятые. Общеклассовая частная собственность существовала в форме государственной. Высший, командный слой государственного аппарата был одновременно и классом эксплуататоров. Такого рода способ производства можно назвать политарным (от греч. *πολιτεία* — государство). Но существует не один, а несколько политарных способов производства.

Один из них возник в странах Древнего Востока, а затем существовал на Востоке вплоть до конца XIX в. К. Маркс называл его «азиатским способом производства» Лучшее название для него — древнеполитарный способ производства. Кроме древне-

---

¹ См., например: Кантор К. Сияющая высота словесности // Феномен Зиновьева. М., 2002. С. 134.

политарного история знает и другие политарные способы производства.

Тот, который утвердился вначале в Советском Союзе, а затем во всех странах, которые принято было характеризовать как социалистические, можно назвать неополитарным¹.

Любой класс эксплуататоров должен держать в повиновении эксплуатируемых. Одно из важнейших средств — организованное физическое насилие, осуществляемое государством. Однако мало угнетенных запугать. Их нужно еще и убедить, что существующий строй, если и не самый лучший, то единственно возможный. Ни один господствующий класс не обходился без идеологии, без учений, оправдывающих существующие порядки.

Идеология господствующего класса отражает существующие социально-экономические отношения, но всегда в превратной, иллюзорной форме. В идеологических иллюзиях существующий порядок изображается иным, чем он является в действительности. Поэтому они — всегда средства маскировки существующих отношений. В идеологии, причем, разумеется, иллюзорной, нуждался и класс неополитаристов. Он нашел ее в марксизме.

Ничего не было более естественным, чем объявить, что в России создано то самое справедливое общество, о котором веками мечтали угнетенные, стал реальностью тот самый социализм, путь к которому был намечен К. Марксом и Ф. Энгельсом. И это не был прямой преднамеренный обман. Особенность всех вообще идеологических иллюзий состоит в том, что в них верят, по крайней мере частично, и их создатели. Обман в них всегда сочетается с самообманом.

Когда марксизм стал средством маскировки существующих отношений, средством оправдания несправедливых порядков,

---

¹ См подробнее об этом: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2011.; 2015; Он же. Введение в науку философии. Кн. 6. Трудная судьба диалектического материализма (конец XIX – начало XXI в.).

когда он перестал говорить правду о действительности, он резко изменил свой внутренний характер. Из стройной системы научных взглядов, в целом адекватно отражавших реальность, он превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Покончено было с марксизмом как методом научного познания. Иначе говоря, марксизм перестал быть самим собой.

Термин «марксизм» с тех пор начал обозначать два разных явления: во-первых, созданную в XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом систему научных теорий, во-вторых, возникшую в 1920-х годах и окончательно оформившуюся в 1930-х годах иллюзорную идеологию. Последнее было не марксизмом, а псевдомарксизмом.

Псевдомарксизм в отличие от марксизма никогда не был методом научного познания. Он был создан не для того, чтобы способствовать познанию мира, а для того, чтобы этому всеми силами препятствовать. Псевдомарксизм в отличие от марксизма был официальной государственной идеологией, которой все под страхом наказания были обязаны придерживаться.

В результате и марксистская философия, вернее то, что выдавалось за нее в 1930–1950-е годы, представляла собой закосневшую сумму положений, которые нужно было заучить, в которые надо было веровать и которые надлежало бездумно повторять. Если подлинная марксистская философия была и остается наукой, то псевдомарксистская никакой наукой не является. Это — эрзацфилософия.

В то время огнем выжигалось всякое стремление самому искать истину. Известный советский поэт Илья (Карл) Львович Сельвинский (1899–1968) в стихах, которые были написаны давно, но увидели свет только в 1990 г., высказался так:

*Нас приучали думать по ниточке.
Это считалось мировоззрением:
Слепые вожди боялись панически
Всякого обладавшего зрением.*

*В нас подавляли малейший выкрик,
Чистили мозг железными щетками,
О мыслях думали, как о тиграх,
А тигры обязаны быть за решетками.
Вывод этот не лишен логики.
Но как удушие выдержат легкие?!*

Писал И. Л. Сельвинский и о результате такого воспитания:

*Мы отвыкли мыслить, и для нас
Каждая мыслишка — ересь.
Мыслить мы отвыкли, не чинясь,
Чинопочитанию доверясь...¹*

Лишь после смерти Иосифа Виссарионовича Сталина (1879–1953) и XX съезда КПСС (1956) наместились некоторые признаки возрождения философии.

В результате не только настоящая марксистская философия, но и весь подлинный марксизм в целом остаются такими же незавершенными, недостроенными, как это было к началу XX в. Эту незавершенность, недостроенность прекрасно понимал В. И. Ленин. «Мы, — писал он, — вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное: мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если не хотят отстать от жизни»³. Под краеугольными камнями В. И. Ленин понимал основные идеи марксизма, его ядро.

На этом фундаменте последователи К. Маркса и Ф. Энгельса, продолжая их дело, должны достраивать и даже перестраивать здание марксизма вообще, марксистской философии в частности. Это строительство должно представлять собой такую разработку

¹ Сельвинский И. «Нас приучали думать по ниточке...» // Сельвинский И. Pro domo sua. М., 1990. С. 12.

² Сельвинский И. Быт // Там же. С. 9.

³ Ленин В. И. Наша программа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

основных идей марксизма, которая зиждется и на новых данных, заведомо неизвестных основоположникам марксизма, а поэтому с необходимостью предполагает критику и частичный, а иногда даже и полный отказ от тех или иных выдвинутых ими положений. Не только можно, но и нужно заново пересматривать многие периферийные идеи, даже полностью отказываться от них и заменять новыми, отвечающими современному положению дел. Если при такой переработке сохраняются все основные положения марксизма, его ядро, то преобразованная, обновленная теория остается марксистской, а исследователь продолжает быть марксистом, причем ортодоксальным марксистом.

Ортодоксия заключается вовсе не в признании всего того, что было сказано К. Марксом и Ф. Энгельсом, за абсолютную истину в последней инстанции. Это не ортодоксия, — это догматизм. Догматиков среди марксистов всегда было немало. К ним как нельзя лучше подходят слова одного из лучших исследователей жизни и учения К. Маркса — Франца Меринга (1846–1919): «попы марксистского прихода»¹.

На этом основании люди, не особенно любившие марксизм, изображали всех его последователей как отъявленных догматиков. Так, например, известный русский писатель Михаил Андреевич Осоргин (наст. фам. — Ильин) (1878–1942), примыкавший одно время к эсерам, писал в сатирическом стихотворении «Молитва социал-демократа» (1905–1906):

*Ранним утром встает социал-демократ,
Член великой, российской, единой,
Пролетарскую плоть в буржуазный халат
Облекает с суровой миной.
Поплескавши небрежно на личность водой
И о массе подумав при этом,
На колени он пал пред иконой святой,
Пред великого Маркса портретом.*

¹ Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957. С. 26.

*«О, великий учитель, — воскликнул С.-Д., —
Ты, чья догма всегда непреложна,
Ты, чья схема навек приложима везде,
Чьи слова изменять невозможно»¹.*

К отождествлению ортодоксии и догматизма очень часто прибегали люди, за которыми среди марксистов закрепилось название ревизионистов. Слово «ревизия» (лат. *revisio*) буквально означает пересмотр. В этом смысле внесение любых изменений в марксизм есть ревизия. Но в процессе исторического развития ревизионистами стали называть не всех вообще людей, стремившихся внести те или изменения в марксизм, а только тех, которые, отказываясь от основных положений этой концепции, в то же время уверяли всех, что они были и остаются подлинными, настоящими марксистами, что они ни на йоту не отступают от марксизма. Именно эти люди всех тех, кто обвинял их в отходе от марксизма, упрекали в отсутствии творческого подхода к марксизму, называя это ортодоксией. Для них внесение каких-либо поправок в марксизм и ортодоксальность исключали друг друга.

В. И. Ленин потратил немало труда, разоблачая подобного рода взгляд. «Не будем верить тому, — писал он, — что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами. Если есть ортодоксальные ученики, повинные в этих действительно тяжких грехах, то вина падает всецело на таких учеников, а отнюдь не на ортодоксию, которая отличается диаметрально противоположными качествами»².

Обращаясь от марксизма в целом к его философии, В. И. Ленин много раз подчеркивал необходимость постоянного обновления

¹ Ильин (Осоргин) М. А. Молитва социал-демократа // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1918. № 4–6. Апрель–июнь. С. 142.

² Ленин В. И. Еще к вопросу о реализации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 87.

и дальнейшей разработки марксистской философии. Споря с теми русскими философами, которые, отказавшись и от материализма, и от диалектики, перейдя на позиции махизма (субъективного идеализма и агностицизма), в то же время претендовали на то, что в философии они продолжают оставаться марксистами, В. И. Ленин писал: «Следовательно, ревизия „формы“ материализма Энгельса, ревизия его натурфилософских положений не только не заключает в себе ничего „ревизионистского“ в установленном смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом. Махистам мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их *чисто ревизионистский* прием — изменять *сути* материализма под видом критики *формы* его»¹. «...Наши истребители диалектического материализма, — говорил В. И. Ленин в другом месте той же работы, — безбоязненно договариваются до прямого фидеизма... но у них пропадает всякая смелость, всякое уважением к собственным убеждениям, когда дело доходит до прямого определения своих отношений к Марксу и Энгельсу. На деле — полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма. На словах — бесконечные увертки, попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление, поставить на место материализма вообще кого-нибудь одного из материалистов, решительный отказ от прямого разбора бесчисленных материалистических заявлений Маркса и Энгельса. Это — настоящий „бунт на коленях“, по справедливому выражению одного из марксистов. Это — типичный философский ревизионизм, ибо только ревизионисты приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и ясно „рассчитаться“ с покинутыми взглядами»².

Прекрасно сознавая недостроенность, недостаточную разработанность марксистской философии, В. И. Ленин не только

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. С. 265–266.

² Там же. С. 10.

постоянно призывал к продолжению дела, которое начали в этой области К. Маркс и Ф. Энгельс, но и указывал, в чем эта работа должна состоять. «Продолжение дела Гегеля и Маркса, — писал он в конспекте гегелевской „Науки логики“, — должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹.

А в конспекте книги Ф. Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса» В. И. Ленин набрасывает целую программу деятельности философов-марксистов по разработке теории познания. Назвав историю философии, историю отдельных наук, историю умственного развития ребенка и животных, историю языка и добавив к этому перечню психологию и физиологию органов чувств, В. И. Ленин резюмирует: «Вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»². Таким образом, В. И. Ленин считал, что марксистская теория познания и диалектика еще не сложилась, что она еще только должна быть создана.

3. Проблема достройки и перестройки марксистской философии

Разработка теории познания на основе материалов как названных выше В. И. Лениным конкретных наук, так и неназванных им, — дело необычайно сложное и трудное. И самым важным является вопрос об истинности создаваемых в ходе этой деятельности умственных построений. Чтобы успешно работать в этой области (как и в других областях знания), нужно постоянно проверять результаты умственной деятельности, сохраняя и разрабатывая дальше истинные положения и отбрасывая ложные.

---

¹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». С. 131.

² Ленин В. И. Конспект книги Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса» // Философские тетради. С. 314.

Выше уже говорилось о принципе обоснования истинности философских идей, который был выдвинут Г. Гегелем. Но кроме такого, если можно так выразиться, *теоретического* обоснования, существует еще и *практическая* проверка философских идей. Последнее положение может вызвать недоумение. Но говоря о практике, я имею здесь в виду ее не в привычном смысле слова, т. е. материальную деятельность людей, а практику их умственной работы.

Философия есть теория и одновременно метод познания. Когда человек, усвоив определенную философскую концепцию, руководствуется ею в своей познавательной деятельности, он тем самым проводит ее практическую проверку. Эта концепция может способствовать поиску истины, обеспечить успех в этом трудном деле, а может наоборот обречь на заблуждение или же вообще ровным счетом ничего не дать, оказаться пустышкой.

Философские концепции создают, разумеется, философы. Но проверить верность философского метода на материале самого философского познания крайне трудно, если вообще возможно. Как уже неоднократно указывалось, у философии нет собственно эмпирического базиса, она не имеет дело с единичными фактами. По-настоящему проверить правильность того или иного философского метода познания можно только на материалах какой-либо из конкретных наук, исключая, конечно, математику. Проверить пригодность философского метода может только человек, обладающий знанием какой-либо из конкретных наук. Но знать ту или иную конкретную можно по-разному.

Человек, например, может обладать довольно большим объемом знаний в той или иной области. Но это знание, если оно лишь расширяет его кругозор, позволяет ориентироваться в этой области, грамотно вести беседы на данные темы, но не больше, может быть названо любительским, или эрудитским. Иногда его характеризуют как дилетантское. Но скорее всего о дилетантизме

можно говорить лишь в том случае, когда человек, обладающий подобным знанием, считает себя специалистом в данной области и пытается учить профессионалов.

Другой уровень: человек не просто знаком с той или иной наукой, но постоянно использует это знание в своей профессиональной деятельности, например, он преподает данную науку в школе. При этом сам он исследовательской работы в данной области не ведет. Он пользуется уже добытыми, готовыми знаниями. Это профессионально-практическое, прагматическое знание. Таким может быть знание не только преподавателей, но и определенной категории научных работников.

С более высокой формой знания науки мы сталкиваемся, когда человек занимается получением новых результатов в данной области. Здесь существует несколько градаций. Одна форма научных поисков — решения частных задач в рамках в принципе уже познанного. Скорее всего, эту форму знания можно считать несколько продвинутым профессионально-прагматическим знанием.

Переход на еще более высокий уровень происходит, когда ученые решают еще никем не решенные проблемы, когда происходит прорыв в область еще неизвестного науке, когда делаются открытия. Но и здесь есть определенные различия. Одно дело — открытие новых явлений. Другое — более глубокое проникновение в сущность явлений, которое совершается путем либо дальнейшего развития уже существующих теорий, либо создания новых теорий. Но во всех этих случаях мы имеем дело с более высокой формой знания науки — с профессиональным, творческо-исследовательским ее знанием.

Говоря об ученых-профессионалах, крупнейший физик-теоретик академик Леонид Исаакович Мандельштам (1879–1944) писал: «Есть две ступени понимания. Первая — когда вы изучили какой-нибудь вопрос и как будто знаете всё, но вы еще не можете самостоятельно ответить на новый вопрос, относящийся

к изучаемой области, и вторая ступень понимания, когда появляется общая картина, ясное понимание всех связей. Такие вопросы, на которые нельзя ответить, пока этой второй ступени понимания нет, мы называем парадоксами. Разбор подобных парадоксов очень полезен для достижения такого полного понимания»¹.

Все настоящие ученые так или иначе осознавали качественное различие между эрудитским и профессиональным знанием науки, но мало кто из них писал об этом. Один из немногих — американский физик и одновременно блестящий популяризатор этой науки Эрик Роджерс, автор великолепной книги «Физика для пытливых умов» (в русском переводе ей дано несколько иное название: «Физика для любознательных»).

Как пишет он, внешне трудно отличить эрудитское знание от профессионального. Каждый человек способен получить знания в той области, в которой он не является профессионалом, и внешне эти знания могут даже быть более обширными, чем у специалистов.

«Неученый может купить маленькую книгу, в которой сообщаются „все законы физики“, — он может даже пересчитать наиболее важные из них на пальцах двух рук. Профессиональный физик знает законов не больше — он может помнить даже меньшее число законов, поскольку он полагается на книги, которые напомнят то, что потребуется ему, но он держит в уме два обширных комментария к фактам, законам, принципам физики... два комментария, которые являются продуктом его образования, опыта и размышлений»².

«Он, — продолжает автор, — знает ограниченность каждого факта или закона, пределы его применимости, смысл его терми-

---

¹ Мандельштам Л. И. Лекции по избранным вопросам оптики // Мандельштам Л. И. Лекции по оптике, теории относительности и квантовой механике. М., 1972. С. 8.

² Роджерс Э. Физика для любознательных. Т. 3. 2-е изд., исправ. М., 1973. С. 629–630.

нов, он имеет широкое представление о его связях с реальным материалом. Такое знание образует то, что мы называем „маленькой черной записной книжкой в кармане ученого“, символ богатого опыта, имеющегося у ученого и отличающего его от осведомленного непрофессионала, который может цитировать законы, но не умеет надежно их использовать»¹. Кроме этой «записной книжки» профессионал обладает еще одной, объем которой неограничен. Это теория².

Так вот, когда речь идет о разработке философских проблем, человек, занимающийся этим, должен обладать не эрудитским, а профессиональным знанием конкретной науки, причем не профессионально-прагматическим, а творческим, т. е. он должен работать над решением еще нерешенных проблем этой науки.

Но в силу сложившегося к нашему времени разделения труда мало кто из философов является такого рода специалистом в области какой-либо из конкретных наук, равно как специалисты в области конкретных наук редко обладают не просто творческим, а профессионально-творческим знанием философии. Это делает описанную выше практическую проверку делом крайне трудным.

Важнейшим условием, дающим возможность совершить такую проверку, является совмещение в одном лице профессионально-творческого знания одной из конкретных наук с точно таким же знанием философии. Такое сочетание не только обеспечивает проверку того или иного философского метода, но и делает необходимым и возможным его дальнейшее совершенствование.

В ходе практического применения даже в целом вполне верного метода, как правило, обнаруживаются и определенные его недостатки. Исследователь, пользующийся им, рано или поздно убеждается, что в чем-то он не полностью срабатывает, что в нем

---

¹ Там же. С. 630.

² Там же.

чего-то не хватает. Это значит, что метод сам нуждается в доработке, в совершенствовании. Однако если этот исследователь является специалистом только в области той или иной конкретной науки, то он обычно не в состоянии этого сделать. Чтобы усовершенствовать, доработать метод, нужно выйти за пределы конкретной науки и вторгнуться в область философии, теории и методологии познания.

Но для этого необходимо знание философии, причем профессионально-творческое. Таким же знанием философии специалисты в области конкретных наук обычно не обладают. Таким образом, совмещение профессионально-творческого знания философии с таким же знанием конкретной науки в одном лице дает возможность не только проверить предлагаемый философский метод, но становится важнейшим условием его дальнейшего развития.

Обладание профессионально-творческим знанием какой-нибудь из конкретных наук совершенно необходимо для тех философов, которые занимаются проблемами теории научного познания. Важнейшими категориями этой теории являются понятия факта, гипотезы, теории.

И только тот по-настоящему может разобраться в научном познании, кто сам создавал научные гипотезы, сам их проверял, сопоставляя с фактами, кто сам искал и находил новые факты, кто отказывался от самых красивых гипотез, когда факты в них не укладывались, кто создавал и уточнял пусть частные, но тем не менее научные теории.

А делать всё это можно только в сфере той или иной конкретной науки. Философские построения непосредственно на фактах реальности не основываются. Поэтому только работа в области той или иной конкретной науки способна дисциплинировать мысль, ограничивать ее полет, не позволяя ей полностью оторваться от реальности.

Когда человек, считающий себя философом, не знает профессионально-творчески ни одной конкретной науки, он обречен на

создание отвлеченных, непосредственно не проверяемых умственных конструкций. Он в таком случае часто полностью отрывается от реальности и превращается в специалиста по толчению воды в ступе. Это и случалось и продолжает случаться со многими работающими, как они полагают, в области философии, что можно наглядно видеть хотя бы на примере сочинений, публикуемых ныне в журнале «Вопросы философии».

Ярким примером мыслителя, который был одновременно и настоящим философом и крупнейшим специалистом в области одной из конкретных наук, был К. Маркс. В начале 1990-х годов XX в. некоторые из наших «демократических шавок», отработавая вожделенные сребреники, поспешили заявить, что К. Маркс ничего не смыслил в политической экономии.

«Нельзя не отметить как недоразумение тот факт, — писал один из них, — что до сих пор советские люди считают Маркса экономистом, хотя к экономике „Капитал“ имеет косвенное отношение. На самом деле это — местами изысканное философское произведение, содержащее ряд концепций-гипотез. В нем нет статистических выкладок, эмпирических данных. Да и зачем философу статистика? Он творит по своим правилам согласно имеющимся традициям»¹.

Все нормальные современные экономисты, не исключая и тех, что придерживаются взглядов, далеких от марксизма, признают К. Маркса величайшим специалистом в области политической экономии капитализма. «Маркс, — писал, например, один из крупнейших экономистов XX в. Василий Васильевич Леонтьев (1906–1999), в 1920-е годы покинувший СССР и затем поселившийся в США, в статье „Современное значение экономической теории К. Маркса“, — был великим знатоком природы капиталистической системы... Если, перед тем как попытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная

¹ Бондарев В. Последняя страсть вождя // Горизонт. 1991. № 10. С. 29.

плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах „Капитала“ более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных выпусках „Цензов США“, в дюжине учебников по современной экономике и даже, осмелюсь сказать, в собрании сочинений Торстена Веблена»¹.

«У большинства американцев, — пишут два известных американских экономиста Роберт Хейлбронер (1919–2005) и Лестер Туроу, — имя Карла Маркса ассоциируется с революцией. И это в определенной степени справедливо. Но Маркс гораздо больше, чем политический деятель. Он был глубоким и проницательным экономическим мыслителем, быть может, самым замечательным аналитиком динамики капитализма»².

И создать подлинную теорию капиталистической экономики К. Марксу во многом помогло всемерное использование диалектического метода. «То, что тот же самый Ланге, — писал он в одном из писем, — говорит о гегелевском методе и о моем применении этого метода, является поистине детским лепетом. Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньшее представление о моем критическом способе его применения. В одном отношении он напоминает мне Моисея Мендельсона. Этот прототип неудержимого болтуна писал Лессингу: как это могло Вам прийти в голову принимать всерьез „эту мертвую собаку — Спинозу“? Точно так же г-н Ланге удивляется тому, что Энгельс, я и другие принимаем всерьез мертвую собаку Гегеля после того, как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно сошлись на том, что они его, беднягу, давно похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я „двигаюсь на редкость сво-

---

¹ Леонтьев В. В. Современное значение экономической теории К. Маркса // Леонтьев В. В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 111.

² Хейлбронер Р., Туроу Л. Экономика для всех. Новосибирск, 1994. С. 33.

бодно". Ему и в голову не приходит, что это „свободное движение в материале“ есть не что иное, как парафраз определенного метода изучения материала — именно *диалектического метода*¹. К. Маркс не только использовал и тем самым проверял диалектический метод при создании «Капитала», но и совершенствовал его.

Не только замечательным философом, но и крупным специалистом в области экономики был В. И. Ленин. Его монография «Развитие капитализма в России» (1899; 2-е изд. — 1908) была воспринята всеми российскими экономистами как труд даже не просто вполне профессиональный, а как крупный вклад в науку. А за ним последовали «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908), «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), также отличавшиеся высоким научным уровнем.

Известный русский политический деятель, философ и экономист Петр Бернгардович Струве (1870–1944) в работе «Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.», вышедшей отдельной книгой в конце 1913 г., когда он и В. И. Ленин окончательно стали непримиримыми идейными и политическими противниками, расходясь с автором «Развития капитализма в России» по одному из важных вопросов, писал: «Производство хлеба на продажу вовсе не было чем-то противоречащим существу крепостного хозяйства, как думает один выдающийся исследователь нашей новейшей экономической эволюции, а наоборот, составляло его движущий мотив и определяющую цель» (курсив мой. — Ю. С.)².

Крупнейший российский экономист-аграрник Николай Павлович Макаров (1887–1980) был сторонником «организационно-

¹ Маркс К. Письмо Л. Кугельману, 21 июня 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 371–272.

² Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. СПб., 1913. С. 159.

производственного направления» в изучении крестьянского хозяйства, отличного от «социально-экономического направления», наиболее ярко представленного в работах экономистов-марксистов. Но это нисколько не помешало ему в детальном обзоре литературы по экономике российского крестьянства, составившего первую часть его монографии «Крестьянское хозяйство и его эволюция» (1920) дать высокую оценку работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

«Быть может, самой яркой по своей марксистской отточенности, — писал он, — является работа В. Ильина „Развитие капитализма в России“. Ильин был одним из первых, попытавшихся учесть количественно степень дифференцированности русской деревни: это проделывается им при широком использовании статистического и в частности земского материала; изучение вопроса широко было поставлено по районам России и нет сомнения, что эта работа вызвала такое напряженное внимание к вопросу, которое не убывало почти до конца 90-х годов. Протест В. Ильина против изучения крестьянского хозяйства в *средних* величинах и в средних представлениях, требование изучать жизнь крестьянского хозяйства в перспективе социальной увеличивающейся его дифференциации, в перспективе проникновения в деревню капиталистических отношений, — всё это было новым властным методологическим требованием; в солидарности своей с К. Каутским В. Ильин властно ведет за собой в методологическом отношении русских марксистов исследователей; прямым путем за ним идет П. Румянцев, А. Хрящева и др., выдвигая лишь иные технико-статистические приемы»¹.

Хотя я окончил исторический факультет Красноярского педагогического института, после годичных курсов преподавателей общественных наук при Уральском государственном университете (1951–1952) стал преподавать философию и заниматься исследованиями в этой области. Наибольший интерес вызывала у меня

---

¹ Макаров Н. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920. С. 26.

теория познания¹, но определенное внимание я уделял также философии и общей теории истории, где уже тогда начал разрабатывать проблему «азиатского» способа производства². Так как в моих тогдашних работах всегда присутствовали моменты, расхоdivшиеся с господствующей точкой зрения, меня в конце концов перестали печатать. Но работать только в стол с крайне неясными перспективами — вещь для ученого невыносимая.

Поэтому шаг за шагом я начал переключаться на область конкретного научного знания, где у меня уже был неплохой задел. Это — этнография первобытности и история первобытного общества. Довольно скоро я стал в этой области специалистом. Мне удалось предложить достаточно обоснованные решения целого ряда важных и сложных проблем этнологии и первобытной истории. В результате Ученый совет Института этнографии АН СССР присудил мне, тогда кандидату философских наук и доценту по кафедре философии, ученую степень доктора исторических наук (1963). В последующем более четверти века (1972–2002) я проработал вначале в секторе истории первобытного общества, а после его упразднения — в Центре по изучению межнациональных отношений этого научного учреждения. Все мои тогдашние монографии — «Как возникло человечество» (1966), «Происхождение брака и семьи» (1974), «На заре человеческой истории» (1989) — и многие статьи, посвященные проблемам первобытности, были переведены и изданы за рубежом (Вентрия,

¹ См.: Семенов Ю. И. Некоторые проблемы предистории человеческого мышления. 1955 (диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук); Он же. Объективная логика развития высшей нервной деятельности животных // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института (в последующем УЗКГПИ). Т. 12. Вып. 2. 1958; Он же. Материальное и идеальное в высшей нервной деятельности животных // Там же.; Он же. В. И. Ленин о тождестве логики, диалектики и теории познания диалектического материализма. Красноярск, 1958; Он же. Выступление на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания // Философские вопросы современного естествознания. М., 1959; Он же. В. И. Ленин о творческом характере человеческого познания // УЗКГПИ. Т. 18. 1960.

² Семенов Ю. И. К вопросу о первой форме классового общества // УЗКГПИ. Т. 9. Вып. 1. 1957.

ГДР, ФРГ, Франция, США, Канада, Куба, Япония, Китай, Вьетнам)¹. Результаты моих детальных исследований первобытной экономики были изложены в массе статей и монографии «Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество» (Вып. 1–3. М., 1993).

Однако заниматься философией я никогда не прекращал. Продолжал преподавать ее в вузах, где в лекциях и на семинарах использовал результаты своих исследований в этой области. В последние два десятилетия у меня наконец-то возникла возможность публиковать и философские работы.

Но мне несколько не жаль, что много лет я отдал исследованиям в области этнографии и истории. В процессе исследования и решения проблем этнографии первобытности и этнографии крестьянства, истории первобытного и раннеклассового общества я постоянно проверял и разрабатывал и марксистскую теорию истории, и марксистскую теорию познания.

Если бы я не стал профессионалом в области этнологии и истории, я бы никогда не смог написать монографию «Философия истории: общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней» (М., 1999; 2003; 2013) в таком виде, в котором она увидела свет.

В ней было изложено мое понимание всемирного исторического процесса, в частности, созданная мною глобально-формационная теория всемирно-исторического процесса.

В предлагаемом цикле книг излагается диалектический материализм в таком виде, в котором он, на мой взгляд, отвечает уровню современного философского и научного знания. Это философия не XIX и даже не XX веков, а нового — XXI века. Я имею все основания утверждать, что эта философия может быть только

---

¹ См. об этом: Семенов Ю. И. О моем «пути» в первобытность // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М., 2003; Интервью с проф. Ю. И. Семеновым // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. № 4; Семенов Ю. И. История марксистской философии в СССР весьма печальна // Кто сегодня делает философию в России. Т. 2. М., 2011.

диалектико-материалистической, и в этом смысле марксистской, а не какой-либо другой.

В настоящей работе я полностью принимаю все основные положения марксистской философии. И делаю это вовсе не в силу почтения к авторитету К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Я всегда придерживался принципа: «Подвергай всё сомнению». С этой позиции я подходил и к философии марксизма. И только тогда, когда я после длительной проверки убедился в истинности ее основных идей, они были мною приняты. В этом смысле я — ортодоксальный марксист. Но та же самая проверка убедила меня и в том, что сама марксистская философия не достроена, что она нуждается в существенной разработке и перестройке.

В данном цикле книг предпринята попытка заполнить пробелы и ликвидировать «белые пятна», которые существовали и существуют в диалектико-материалистической теории познания. Поэтому в ней выдвигаются и обосновываются идеи и создаются понятия, которых не было ни у К. Маркса, ни у Ф. Энгельса, ни у В. И. Ленина. Некоторые из них весьма спорны и требуют дальнейшей разработки. Но обойтись без них невозможно. Выдвигая новые положения, я нередко подвергаю критике те или иные тезисы, содержащиеся в работах классиков марксизма, обосновываю необходимость их пересмотра или даже полного отказа от них. Истинность выдвигаемых мною положений в известной степени проверена в ходе моих исследований в области указанных выше конкретных общественных наук.

Диалектический материализм впитал в себя все достижения предшествующей философской мысли. Поэтому в цикле раскрывается тот огромный вклад, который навсегда внесен великими философами, начиная с Фалеса, Парменида, Демокрита, Платона и Аристотеля и кончая И. Кантом, И. Фихте, Г. Гегелем и Л. Фейербахом, в сокровищницу человеческой мысли. Надеюсь, что знакомство с моим трудом поможет понять сущность того революционного переворота в философии, который был начат Г. Гегелем и завершен К. Марксом и Ф. Энгельсом, создавшими диалектиче-

ский материализм, а тем, кто занимается или намерен заниматься поисками истины, поможет овладеть подлинно научной теорией и подлинно научным методом познания.

Классики марксизма, обращаясь к основному вопросу философии, рассматривали в основном его гносеологический аспект. Они прежде всего подчеркивали, что идеальное есть субъективное отображение объективного мира. Долгое время ни сторонники, ни противники диалектического материализма ни в малейшей степени не сомневались, что его теория познания есть теория отражения.

Однако в годы перестройки нашло свое выражение и иное мнение. Довольно известный философ Игорь Семенович Кон (1928–2011), написавший в свое время массу работ, посвященных критике западной философии, с наступлением перестройки попытался искупить свои прошлые грехи. Он выступил как ярый противник теории отражения.

И. С. Кон считает эту концепцию явлением столь позорным, что, продолжая в какой-то степени сочувствовать марксизму, стремился снять с него обвинение в том, что он включает ее в себя. «...Примитивная ленинская теория отражения, — писал он, — не имеющая ничего общего с марксизмом (лучшие наши философы это давно прекрасно понимали и формулировали проблемы совершенно иначе, но прямо сказать, естественно, не могли), предполагает, что понятия лишь отражают „объективную реальность“, поэтому они могут быть только истинными или ложными, а уже если они истинны, то менять или переформулировать их никак нельзя»¹.

В этом высказывании удивительно чуть ли не всё. Вопреки мнению И. С. Кона и неназванных им лучших философов, марксистская философия всегда включала в себя теорию отражения. Об этом совершенно недвусмысленно свидетельствуют высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса. «У меня же, — писал К. Маркс, про-

---

¹ Кон И. С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 3.

типовопоставляя свое понимание познания взглядам Г. Гегеля, — наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

«Вернувшись к материалистической точке зрения, — вторит ему Ф. Энгельс, — мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия»².

И высказывания основоположников марксизма, в которых понятия определяются как умственные, мысленные отражения вещей, можно было бы приводить без конца³. Таким образом, совершенно независимо от того, считать теорию отражения истинной или ложной, несомненным фактом является, что марксизм всегда ее принимал.

Совершенно несостоятельно утверждение И. С. Кона, что согласно ленинской точке зрения понятия могут быть либо только истинными, либо только ложными, и что изменять и переформулировать их нельзя.

«Познание, — писал В. И. Ленин, — есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение природы в мысли человека надо понимать не „мертво“, не „абстрактно“, не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»⁴.

Как специально подчеркивал он, понятия человека «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, дабы обнять мир»⁵.

¹ Маркс К. Послесловие ко второму изданию первого тома «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 23. С. 21.

² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С. 301–302.

³ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 203–206; Он же. Анти-Дюринг. С. 21–24, 97, 629; Он же. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С. 283, 301–302 и др.

⁴ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». С. 177.

⁵ Там же. С. 131.

«Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. (мышление, наука = „логическая идея“) и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы... Человек не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее „непосредственной цельности“, он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»¹.

---

¹ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики». С. 163–164.

Именной указатель

Абелев Гарри Израилевич

(1928–2013), 129

Абеляр Пьер (1079–1142), 116, 123

Авенариус Рихард (1843–1896), 77, 78, 94, 98, 144

Аксельрод (Ортодокс) Любовь

Исааковна (1868–1946), 143

Александров Евгений Борисович
(род. 1936), 128

Алексеев Игорь Серафимович
(1935–1988), 88

Алферов Жорес Иванович (1930–2019),
129

Альберт фон Большедт (Альберт
Великий) (1206/7–1280), 122

Анаксатор (ок. 500–428 до н. э.), 64

Антисери Дарио (род. 1940), 48

Аристотель (384–322 до н. э.), 11, 12, 27,
29, 37, 52, 81, 105, 111, 120, 122, 138,
193, 223

Байрон Джордж Ноэл Гордон

(1798–1824), 185

Баксанский Олег Евгеньевич
(род. 1966), 17

Барков Лев Митрофанович
(1928–2013), 129

Бергсон Анри (1859–1941), 99, 100

Бердяев Николай Александрович
(1874–1948), 56, 125, 136, 157

Беркли Джордж (1685–1753), 56, 73, 75,
76, 78, 98, 177

Бернар Клод (1813–1878), 93

Бернштейн Эдуард (1850–1932), 203

Богданов (наст. фам. — Малиновский)
Александр Александрович
(1873–1928), 87, 180

Больцман Людвиг (1844–1906), 65, 169

Бор Нильс Хендрик Давид (1885–1962),
25, 173, 174

Борн Макс (1882–1970), 25, 26, 173

Бозций Дакский (род. ок. 1240), 123

Брикмон Жан (род. 1952), 145, 146, 160,
161, 162, 178, 179, 183, 184

Бруно Джордано (1548–1600), 87, 106,
112, 125, 126, 127

Будон Раймон (1934–2013), 48

Бухарин Николай Иванович
(1888–1938), 102

Бэкон Фрэнсис (1561–1626), 64, 107,
108, 127

Бюхнер Фридрих Карл Людвиг
(1824–1899), 65, 218

Вазюлин Виктор Алексеевич

(1932–2012), 51

Вайнберг Стивен (род. 1933), 176, 177,
178, 183, 184

Вебер Карл Эмиль Максимилиан
(Макс) (1864–1920), 48

Витгенштейн Людвиг Йозеф Иоганн
(1889–1951), 95, 160

Волкогонов Дмитрий Антонович
(1928–1995), 41, 141

Вольтер (наст. имя и фамилия — Аруэ,
Франсуа Мари) (1694–1778), 109

Воробьев Андрей Иванович
(род. 1928), 129

Гайденок Пиам Павловна (род. 1934),

46

Гассенди Пьер (1592–1655), 28, 107,
109

Гегель Георг Вильгельм Фридрих
(1770–1831), 11, 12, 13, 53, 55, 71, 81,
82, 83, 84, 94, 98, 105, 106, 112, 125,
138, 142, 153, 155, 156, 163, 195, 196,
197, 198, 200, 202, 211, 212, 218, 223,
225, 226

Гейзенберг Вернер Карл (1901–1976),
25, 57, 171, 175, 177

Геккель Эрнст (1834–1919), 65
 Гельвеций Клод Адриан (1715–1771), 64
 Гераклит Эфесский (535–470 до н. э.), 64, 211
 Герцен Александр Иванович (1812–1870), 10, 42, 142, 143
 Гершунский Борис Семенович (1935–2003), 192
 Гинзбург Виталий Лазаревич (1916–2009), 129
 Гоббс Томас (1588–1679), 64, 127, 128, 191
 Гольбах Поль Ани Тири (1723–1789), 28, 58, 64, 128
 Горгий (ок. 480–380 до н. э.), 92
 Грамши Антонио (1891–1937), 87
 Гуревич Павел Семенович (1933–2018), 41

Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882), 96, 97
 Декарт Рене (1596–1650), 78, 90, 92, 111
 Демокрит (ок. 460 – ок. 370 до н. э.), 52, 64, 120, 223
 Джеймс (Джемс) Уильям (1842–1910), 42, 78
 Дидро Дени (1713–1784), 64, 112
 Диоген Синопский (ок. 412–323), 52, 53
 Дирак Поль Андриен Морис (1902–1984), 25
 Дицген Иосиф (1828–1888), 14, 15, 22, 33, 34, 41, 200
 Дьюи Джон (1859–1952), 160

Зиновьев Александр Александрович (1922–2006), 204

Ибн Рушд (Аверроэс) (1125–1198), 123
 Илларионов Сергей Владимирович (1938–2000), 144
 Ильенков Эвальд Васильевич (1924–1979), 16, 22, 44, 102
 Инге-Вецтомол Сергей Георгиевич (род. 1939), 129
 Инфантино Лоренцо (род. 1948), 48

Кант Иммануил (1724–1804), 28, 86, 105, 133, 134, 138, 153, 155, 160, 202, 223

Кареев Николай Иванович (1850–1931), 48
 Кармин Анатолий Соломонович (род. 1931), 41
 Карнап Рудольф (1889–1970), 95, 155, 157
 Каутский Карл (1854–1931), 220
 Ключевский Василий Осипович (1841–1911), 10
 Коллинз Рэндалл (род. 1941), 64, 109
 Кон Игорь Семенович (1928–2011), 179, 224, 225
 Конт Исидор Огюст Мари Франсуа Ксавье (1798–1857), 94, 154
 Коровиков Валентин Иванович (1924–2010), 16, 22, 44
 Корш Карл (1886–1961), 87
 Кругляков Эдуард Павлович (1934–2012), 129, 140
 Куайн Уиллард ван Орман (1908–2000), 159
 Кун Томас Сэмюэл (1922–1996), 95, 157, 158, 177, 181

Лакатос Имре (наст. им. и фам. — Аврум Липшиц) (1922–1974), 95, 158, 181
 Ламетри Жюльен Офре де (1709–1751), 64
 Лафарг Поль (1842–1911), 203
 Левин Георгий Дмитриевич (род. 1937), 102
 Левкипп (V в. до н. э.), 64
 Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716), 91
 Ленин Владимир Ильич (1870–1924), 36, 59, 71, 79, 81, 97, 98, 99, 105, 141, 149, 167, 181, 182, 200, 201, 202, 207, 209, 210, 211, 219, 220, 221, 223, 225, 226
 Локк Джон (1632–1704), 64, 109
 Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), 45, 163
 Луи Виктор де Бройль (1892–1987), 25, 176
 Лукач Дьердь (Георг) Бернат (1885–1971), 87

Лукреций (Тит Лукреций Кар)

(ок. 99–55 до н. э.), 64

Лысенко Трофим Денисович

(1898–1976), 140

Льюис Джордж Генри (1817–1878), 154

Максвелл Джеймс Клерк (1831–1879), 173

Маркович Михайло (1923–2010), 87

Маркс Карл (1818–1883), 13, 22, 38, 40,

65, 68, 92, 97, 98, 106, 143, 148, 197,
199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206,
207, 208, 210, 211, 217, 218, 219, 223,
224, 225

Мах Эрнст (1838–1916), 94, 98, 168, 170,
171, 179, 180

Менделеев Дмитрий Иванович

(1834–1907), 9

Меринг Франц (1846–1919), 148, 208

Мизес Людвиг фон (1881–1973), 45

Милль Джон Стюарт (1806–1873), 41,
94

Молодцов Василий Сергеевич

(1900–1985), 22

Морган Льюис Генри (1818–1881), 65

Муравьев Юрий Алексеевич

(1938–2010), 192

Никифоров Александр Леонидович

(род. 1940), 34, 50, 51, 162, 163, 164,
165, 166

Ницше Фридрих Вильгельм (1844–

1900), 99, 106

Ньютон Исаак (1643–1727), 191

Огурцов Александр Павлович

(1936–2014), 46

Ойзерман Теодор Ильич (1914–2017),

34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 57

Оккам Уильям (ок. 1285–1349), 124

Оствальд Вильгельм Фридрих

(1853–1932), 168, 171

Павлов Иван Петрович (1849–1936),

165, 169

Парменид (ок. 540 – ок. 470 до н. э.),

223

Пифагор (580–500 до н. э.), 15, 105, 193

Планк Макс Карл Эрнст Людвиг

(1858–1947), 25, 57, 65, 132, 165, 170,
172

Платон (427–347 до н. э.), 15, 27, 46, 51,

52, 53, 81, 84, 98, 104, 105, 120, 122,
138, 155, 163, 223

Плеханов Георгий Валентинович

(1856–1918), 39, 97

Поппер Карл Раймунд (1902–1994), 48,

95, 156, 157, 158, 164, 165, 166

Пуанкаре Жюль Анри (1854–1912), 9,

25, 168

Путин Владимир Владимирович

(род. 1952), 129

Рабле Франсуа (1494–1553), 127

Радлов Эрнест Леопольдович

(1854–1928), 29

Рассел Бертран Артур Уильям

(1872–1970), 42, 43, 95, 106, 107, 171,
172

Риккерт Генрих (1863–1936), 42

Рорти Ричард (1931–2007), 159, 160

Садовский Михаил Александрович,
129

Сельвинский Илья (Карл) Львович

(1899–1968), 206, 207

Сигер Брабантский (ок. 1240 – ок. 1282),

123

Сокал Алан Дэвид (род. 1955), 144, 145,

146, 160, 161, 162, 178, 179, 183, 184

Сократ (470/469–399 до н. э.), 15, 27,
155

Соловьев Владимир Сергеевич

(1853–1900), 29

Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677),

64, 89, 110, 112, 143, 218

Спиркин Александр Георгиевич (1919–

2004), 102

Сталин (Джугашвили) Иосиф

Виссарионович (1879–1953), 207

Стеклов Владимир Андреевич

(1863/64–1926), 169

Стоянович Светозар (1931–2010), 87

Струве Петр Бернгардович

(1870–1944), 219

Тарский Альфред (1901–1983), 29
Томсон Джордж Паджет (1892–1978), 9,
176
Тулмин Стивен (1922–1997), 158

Фарадей Майкл (1791–1867), 8
Федотов Георгий Петрович
(1886–1951), 40
Фейерабенд Пол Карл (1924–1994), 96,
157, 158, 164, 177, 181, 184
Фейербах Людвиг Андреас (1804–1872),
33, 38, 40, 45, 46, 64, 94, 97, 103, 106,
199, 223, 225
Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814), 12,
13, 53, 54, 86, 93, 98, 138, 153, 163,
202, 223
Фогт Карл (1817–1895), 65
Фома Аквинский (1225/26–1274), 27, 37,
83, 122, 123, 130, 155, 163
Франк Филипп (1884–1966), 95
Фреге Фридрих Людвиг Готлоб
(1848–1925), 9
Фрейд Зигмунд (1856–1939), 106

Хайдеггер Мартин (1889–1976), 136,
157, 160
Хайек Фридрих фон (1899–1992), 48, 49
Хокинг Стивен Уильям (1942–2018),
175, 176
Хомский Ноам Абрам (род. 1928), 16

Черепащук Анатолий Михайлович
(род. 1940), 129

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф
(1775–1854), 28, 29, 36, 53, 54, 55, 81,
98, 153, 155, 202
Шлик Фридрих Альберт Мориц
(1882–1936), 95, 157
Шопенгауэр Артур (1788–1860), 106,
153, 155, 156
Шпенглер Освальд Арнольд Готтфрид
(1880–1936), 99
Шредингер Эрвин Рудольф
(1887–1961), 25, 168

Щедровицкий Георгий Петрович
(1929–1994), 88

Эйнштейн Альберт (1879–1955), 25,
165, 168, 171, 172, 173, 177, 182
Эмпедокл (ок. 490 – ок. 430 до н. э.), 64
Энгельс Фридрих (1820–1895), 13, 22,
33, 36, 38, 40, 41, 44, 45, 46, 57, 65, 68,
92, 97, 98, 103, 105, 106, 148, 197, 199,
200, 201, 202, 203, 205, 206, 207, 208,
210, 211, 218, 219, 223, 224, 225
Эпикур (341–270 до н. э.), 64, 107

Юм Давид (1711–1776), 92, 93, 94

Яковлев Александр Николаевич
(1923–2005), 41

Издательская группа

URSS

представляет

В. И. ЛЕНИН

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЛЕНИНУ

**Уникальный
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО
МАРКСИЗМУ**

Составитель

Академик АН СССР

Директор

Института

Маркса — Энгельса — Ленина

В. В. АДОРАТСКИЙ

Перед читателями — уникальный своеобразный путеводитель по марксизму, в который вошли извлечения из классических работ В. И. Ленина, посвященные системе взглядов и учению Карла Маркса. Составитель хрестоматии, академик АН СССР В. В. Адоратский, выбрал работы Ленина с таким расчетом, чтобы получилось четкое и системное изложение философского материализма и диалектики, материалистического понимания истории, экономического учения Маркса, характеристики капитализма и классовой борьбы, вопроса о диктатуре пролетариата. Последний раздел книги посвящен оценке В. И. Лениным русского революционного движения.

Издательская группа

URSS

представляет

Книги всемирно известного
американского социолога,
отца-основателя
миросистемного анализа

**ИММАНУИЛА
ВАЛЛЕРСТАЙНА**

МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ Введение

Иммануил Валлерстайн кратко и доступно излагает комплексный подход к пониманию истории и развития современного мира, предложенный им более сорока лет назад. Сразу после своего появления миросистемный анализ стал популярной методологией исторической социологии, а также общей точкой отсчета в дискуссиях о глобализации.

Здесь впервые под одной обложкой собраны все его положения в сжатом виде и дано четкое описание современной мировой системы, структур знания, на которых она основана, ее механизмов и будущего.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ Капиталистическая цивилизация

Валлерстайн, кроме того, предлагает «балансовый отчет» достижений и провалов капиталистической цивилизации и проводит анализ тех внутренних дилемм, которые исторический капитализм не способен решить и которые уже подвели его к краю пропасти.

ПОСЛЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Книга является итогом многолетней работы автора над историей капиталистической миросистемы и одновременно политическим прогнозом, основанным на анализе глобальных экономических и политических процессов 1990-х годов.

Вопреки идеологам либеральной глобализации, Валлерстайн убежден, что буржуазная миросистема находится в глубочайшем кризисе, на пороге перемен, которые могут привести к возникновению совершенно нового миропорядка.

Юрий Иванович СЕМЕНОВ

Доктор исторических наук (1963), профессор кафедры философии Московского физико-технического института (государственного университета). Много лет работал по совместительству старшим, ведущим, главным научным сотрудником сектора истории первобытного общества Института этнографии АН СССР (позднее — Институт этнологии и антропологии РАН) и профессором кафедры социальной философии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Специалист по теории познания, философии и общей теории истории, этнологии, истории первобытного и раннего классового общества.

Автор около 500 печатных научных работ. Основные книги (всего их 23): «Возникновение человеческого общества» (1962); «Как возникло человечество» (1966, 2002; выходила в Токио и Будапеште); «Происхождение брака и семьи» (1974; переизд. в URSS; выходила в Пекине, Гаване, Ханое, в Москве на финском языке); «На заре человеческой истории» (1989; выходила в Токио); «Философия истории» (1999, 2003, 2013; каждое новое издание дополнялось); «Введение во всемирную историю» (вып 1–3; 1997–2001); «Политарный («азиатский») способ производства» (2008; переизд. в URSS); «Введение в науку философии» (в 6 книгах. М.: URSS, 2013); «Происхождение и развитие экономики» (М.: URSS, 2014); «Происхождение и развитие религии, мифологии, теологии и религиозной философии» (М.: URSS, 2019).

Будучи не только философом, но и специалистом в области конкретных наук, Ю. И. Семенов приобрел богатый опыт решения основных задач научного познания, таких как отбор и интерпретация фактов, создание и проверка гипотез и теорий. Это позволило ему предложить оригинальные решения целого ряда проблем теории познания, связанных с совершением научного открытия, выявить и описать новые, ранее неизвестные формы разумного мышления.

Издательская группа URSS представляет фундаментальный труд
доктора исторических наук, профессора **Ю. И. СЕМЕНОВА**

Ф ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ ФИЛОСОФИИ В 7 КНИГАХ

1 Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания	5 Современные проблемы теории познания, или логики разумного мышления
2 Великие открытия философии	6 Проблема истины
3 Вечные проблемы философии	7 Проблема нервно-мозгового механизма свободы воли (поиски и находки) Трудная судьба диалектического материализма (вторая половина XIX в. – начало XXI в.)
4 Марксистский прорыв в философии	

Издательская группа
URSS

Каталог изданий
в Интернете:

<http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru.
Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>

